

Александр ЯНОВ

**РУССКАЯ ИДЕЯ
ОТ НИКОЛАЯ I ДО ПУТИНА**

2 Книга вторая
1917–1990

Александр ЯНОВ

Русская Идея

**ОТ НИКОЛАЯ I
ДО ПУТИНА**

2 Книга вторая
1917–1990

МОСКВА **новый** хронограф 2014

УДК 94(47).073/.083:323.1(=411.2)
ББК 63.3(2)5-38
Я 641

Янов А. Л.

Я 641 Русская идея. От Николая I до Путина. Книга вторая (1917–1990) / Александр Янов. — М. : Новый хронограф, 2015. — 208 с. : ил.

ISBN 978-5-94881-276-2

Вот парадокс. Существует история русской литературы, история русского искусства, а также – русской архитектуры, русской музыки. Есть, конечно, история социалистических идей в России. А вот истории русского национализма нет. Ни в русской, ни в мировой литературе. Но почему? Вероятнее всего потому, что он, этот национализм, по какой-то причине всегда избегал называться собственным именем. Предпочитал эфемизмы («Русское дело», «Русский мир», «Русская Идея»). Этим, скорее всего, и объясняется выбор названия книги, посвященной истории русского национализма.

УДК 94(47).073/.083:323.1(=411.2)
ББК 63.3(2)5-38

ISBN 978-5-94881-276-2

© Янов А. Л., 2015
© «Новый Хронограф», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1.	
ЖИВ, КУРИЛКА!	9
«Новая Иудея»	11
Воздух эпохи	13
Встречная волна	15
Глава 2.	
КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ	18
Пробуждение	22
Кто ответственен за большевизм?.....	25
Глава 3.	
ВСХСОН	29
«Бердяевский кружок»	30
Теократия и гражданские права	32
ВСХСОН и национальный вопрос.....	34
Глава 4.	
МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ (часть первая)	37
Социологические открытия Лобанова	38
Проблема «сытости»	42
Встреча с ВСХСОН.....	43
Глава 5.	
МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ (часть вторая)	45
Опасная «текучесть русского духа»	45
Битвы и патриархи	46
И грянул бой... ..	48
Поражение марксиста	49

Глава 6.		
	ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ	53
	Консолидация правой оппозиции	54
	О двух «мифологиях»	55
	Тактика молодоговардейцев	57
Глава 7.		
	ДРАМА ЖУРНАЛА «ВЕЧЕ» (Часть первая)	61
	Общее представление	65
	В поисках альтернативы	66
	Прародитель	68
Глава 8.		
	ДРАМА ЖУРНАЛА «ВЕЧЕ» (Часть вторая)	71
	Картина мира	72
	Бунт читателей	73
	«Критические заметки русского человека»	74
	Неминуемость раскола	76
	Странная история с союзом «и»	77
Глава 9.		
	МОГ ЛИ НЕ РАСКОЛОТЬСЯ «ВЕЧЕ»?	80
	«Опаснейший на свете противник»	82
	В роли «дешифровщика»	84
	«Квалификационный тест»	85
Глава 10.		
	РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ	88
	Запад перед выбором	89
	Моя позиция	90
	Не поспевая за жизнью	93
	Свидетель защиты?	94
Глава 11.		
	«СЛОВО НАЦИИ»	97
	«На пути всемирного распада»	97

Ошибка Гитлера	99
О национальном своеобразии	101
Другая революция	103
Глава 12.	
СПОР ГИГАНТОВ (Часть первая)	105
Трактат А. Д. Сахарова	106
Утопия	107
«Эта беда – наша общая»	111
Помните ВСХСОН?	112
Глава 13.	
СПОР ГИГАНТОВ (Часть вторая)	115
Гипотеза	116
О свободе – «внутренней» и «внешней»	117
Кто это придумал?	119
Самое интересное, однако	122
Глава 14.	
«ИЗ-ПОД ГЛЫБ»	124
«Нация-личность»	127
Смертный грех интеллигенции	128
«Образованщина»	129
Глава 15.	
ИЗМЕЛЬЧАНИЕ РУССКОЙ ПАРТИИ	132
Скандалы вместо идей	133
Ловушка	134
Что оставалось? Карьера!	136
Мост через пропасть	138
Глава 16.	
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС (Часть первая)	140
Доктрина историческая	144
Доктрина идеологическая	146

Глава 17.		
	ПОСЛЕДНИЙ ШАНС (Часть вторая)	148
	Второй Шиманов	150
	Маневр Берлингуэра	152
	Мог ли Шиманов спасти империю?	153
Глава 18.		
	РУССКАЯ ИДЕЯ ВЫХОДИТ НА УЛИЦУ	156
	Тем временем в эмиграции	158
	«Руситы»	159
	С другого края пропасти	162
Глава 19.		
	«ПАМЯТЬ»	166
	Восход «Памяти»	168
	Закат	170
	Итоги	171
	Воспоминание	173
Глава 20.		
	ПЕРЕСТРОЙКА (Часть первая)	175
	«Пражская весна» в Москве	175
	Национал-патриотическая версия	180
	Версия высоколобых	182
Глава 21.		
	ПЕРЕСТРОЙКА (Эпилог)	186
	Идея	188
	Ельцин	189
	Злоключения идеи. Начало	190
	Злоключения идеи. Конец	191
	Последняя попытка	193
	Эпилог	195
Приложение.		
	УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ	197

ЖИВ КУРИЛКА!

Сокрушительная победа большевиков-интернационалистов в Гражданской войне должна была, как предполагалось, убить Русскую идею. Но не убила. Больше того, едва Ленин понял, как жестоко он ошибся и мировой революции по образцу 1848 года не будет, едва во внутривнутрипартийной борьбе победила изоляционистская, сталинская, трактовка российского будущего, т. е. уже в первые десятилетия советской власти у тех, кто был знаком с историей Русской идеи в дореволюционные времена, не осталось сомнений, что именно ей и суждено определить судьбу пореволюционной России.

Не удивительно поэтому, что очень быстро покорила она победителей (совершенно так же, как славянофильство – в первой части книги – покорило западников). Но поскольку интернационализм оставался, наряду с коммунизмом, одним из двух формальных столпов, на которых держалась большевистская идеология, идей-гегемоном советской России оказался своего рода монстр, который я не знаю, как и назвать, разве что имперским НАЦИОНАЛ-коммунизмом.

В теоретическом смысле ничего, собственно, нового: Россия – «почти Европа» опять, как в 1560-е, превращалась в Московию, Но практически – прошло все-таки три с половиной столетия – нового было много. В частности, «красные бесы»

Штурм Зимнего. Петроград. 1917

Победа Муссолини. Рим. 1922

стали «черными бесами». И метаморфоза эта достигла пика в последние годы жизни национал-коммунистического Цезаря, хотя семена его сеял он, начиная еще с 1920-х. По сути, формула «социализм в одной, отдельно взятой стране» изначально подразумевала противопоставление пролетарской России буржуазной Европе – со всеми вытекающими из этого последствиями: имперской экспансией, экономикой, неспособной к саморазвитию, растоптанной политической модернизацией, торжеством произвола власти и, конечно же, с ксенофобией и антисемитизмом.

При жизни Цезаря, в восходящей фазе наполеоновского комплекса России, когда всю работу по расширению империи и утверждению национал-коммунизма проделывал сам режим, русских националистов не смущала «краснота» советского бесовства. Забеспокоились они, когда империя не только затопталась на месте, хуже того, затрещала по швам, когда, говоря в моих терминах, наполеоновский комплекс перешел в нисходящую фазу. Вот тогда и заметили они отсутствие «духовного» фундамента (или «скреп», как сказали бы сегодня) в созданной «красно-черными» бесами империи и вытекающую, по их мнению, из этого ее нежизнеспособность, стагнацию. Короче, всерьез смутило их беспокойство за судьбу империи.

Вот почему именно в постсталинском СССР, в 1960-е, и начинается складываться сначала подпольно, потом полулегально **Русская партия**, как она сама себя назвала, предложившая, подобно славянофилам в дореволюционной России, свои альтернативы тогдашнему статус кво. Конечно, окончательно сложилась новая идеология Русской идеи уже в постсоветское время, но важнейшая ее часть – представления о Западе как о современном Содоме и об исключительности судьбы России в мире – созданы были уже в СССР. На протяжении нескольких десятилетий гниения посталинской империи Русская партия могла лелеять надежду на взятие власти. Но так же, как славянофилы в 1917, оказалась в решающий момент банкротом.

В том, как все это происходило, мы и попробуем разобраться во второй, советской, части истории Русской идеи. Эта глава посвящена лишь тому, что происходило с ней в эмиграции и в стране в первые пореволюционные десятилетия.

«Новая Иудея»

Причина, по которой деятельность русских националистов разворачивалась поначалу исключительно за границей, в эмиграции, понятна: при жизни Ленина именовался русский национализм в советской России не иначе как «великорусским шовинизмом» и был занятием смертельно опасным. Нет, наверное, надобности напоминать читателю, что предвоенный русский национализм, подобно неудачливому тенору, достиг невысказанно высокой ноты накануне мировой войны – и сорвал голос, ушел со сцены, освистанный публикой (мы подробно обсуждали это в первой части книги). Вот он и отыгрывался за свое эпохальное поражение в эмиграции.

Зато уж там он неистовствовал. Мы ведь помним предвоенные планы националистов, их предчувствие близкой и окончательной победы России, «нового света мира», над «одряхлевшим» Западом. Помним, что ключом к этой победе предназначено было стать «обезвреживание» Германии, вдохновляемой, по их мнению, исключительно «идеалами, заимствованными у еврейства». Помним и то, как звучало их мотто на финишной прямой накануне гибели петровской империи: «Россия против еврейства». И то, наконец, что объевреившаяся, по их мнению, Германия представлялась им последним препятствием на пути России к реваншу, другими словами, к восстановлению единственно подобающего ей статуса «первой в мире державы».

И вот оказались они, как пушкинская старуха, у разбитого корыта, проиграли миродержавную схватку – постыдно, безнадёжно. Ну, просто не могли они, согласитесь, воспринять столь оглушительное, столь горькое поражение иначе как торжество своего смертельного врага. И потому первая же книга, задавшая а 1921 году тон всей их последующей реакции так и называлась «Новая Иудея, или Разоряемая Россия».

Вот ее суть. **«Сейчас Россия в полном и буквальном смысле этого слова Иудея, где правящим народом являются евреи и где русским отведена жалкая и унижительная роль завоеванной нации. Мечь, жестокость, человеческие жертвоприношения, потоки крови – вот как**

можно охарактеризовать приемы управления евреев... Резюмируя все вышесказанное, можно смело сказать, что еврейская кабала над русским народом – совершившийся факт».

Но брошюра В. Михайлова, которую мы цитировали, была лишь первым раскатом грома, прозвучавшим из националистического лагеря. На подходе были куда более солидные двухтомники Николая Маркова, бывшего шефа Союза русского народа, впоследствии консультанта гестапо по русским делам, и Григория Бостунича, дослужившегося до генеральских чинов в СС. Смысл томов состоял в том, чтобы разъяснить Европе смертельную опасность *«экскрементов вывороченных мозгов жида Карла Маркса, говоря словами Бостунича, разбудивших низменные инстинкты несчастных гоев, на радость жидам ставших средством внутреннего душевного разложения арийцев».* Общая формула звучала так: **«Большевизм – это стремление жидов к уничтожению христианских государств».**

Конкретизировал формулу некто Ю. М. Одинзгоев, самая любопытная фигура из всей этой писательской компании. Любопытен он прежде всего тем, что мы ровно ничего о нем не знаем – ни года, ни места издания его книги *«В дни царства Антихриста»*, ни даже настоящего его имени (Одинзгоев явно означает «один из гоев»). Не пожелал автор открыться ни современникам, ни потомкам. Может быть, кто-нибудь из читателей окажется счастливей меня и разгадает его тайну. Понятно лишь, что название его книги заимствовано у Константина Леонтьева, обронившего однажды: злосчастную фразу **«Не повторяем ли мы в новой форме историю старого Рима? Но разница в том, что под его подданством родился Христос, под нашим скорее родится Антихрист».** Родился, сообщает нам Одинзгоев, родился Антихрист. В России, ставшей отныне его плацдармом, – накануне финального штурма истерзанного войной континента.

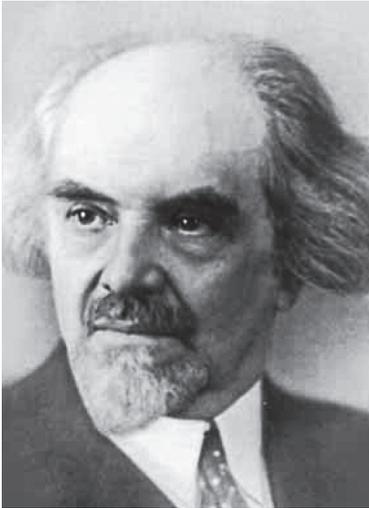
Но дальше все приземленнее. *«Не подлежит сомнению грядущее жесточайшее отрезвление после воцарения Всемирного Деспота из Дома Давидова, явно ныне подготавливаемого к выступлению на сцену иудо-масонами при всемерной поддержке “христианских правительств”, на*

состоящих из представителей избранного народа и его наймитов-христиан, ставленников франкмасонско-жидовского тайного союза!».

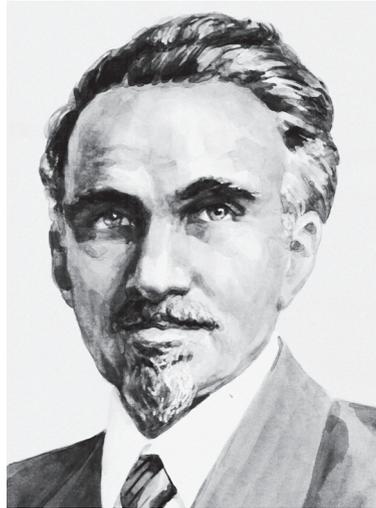
Кошмарная, согласитесь, картина. И свидетельствует она, что взгляды постреволюционных националистов переменялись по сравнению с их славянофильскими пращурами ровно на 180 градусов: теперь надеялись они, что арийская Германия сокрушит объевреившуюся Россию – и антиеврейская диктатура спасет мир.

Воздух эпохи

Соблазн диктатуры был, однако, разлит тогда в воздухе эпохи. Иначе невозможно объяснить, почему легкая и неожиданная победа Муссолини в Италии – так скоро после победы Ленина в России – очаровала многих серьезных европейских мыслителей. Не избежали этого поветрия, разумеется, и выдающиеся русские умы, в частности, Николай Александрович Бердяев. Нет, конечно, упаси бог, это не был соблазн антиеврейской диктатуры, безраздельно, как мы видели, завладевшей сердцами

Н. А. Бердяев

Г. П. Федотов

«бешеных» националистов, но все-таки соблазн диктатуры – антидемократической, фашистской.

В книге так и озаглавленной *«Новое средневековье»*, Бердяев противопоставил западным парламентам *«с их фиктивной вампирической жизнью наростов на народном теле, неспособных уже выполнять никакой органической функции»* – представительство реальных корпораций. Он, собственно, и не скрывал, у кого заимствовал эту «корпоративную» риторику: *«Значение в будущем будут иметь лишь люди типа Муссолини, единственного, быть может, государственного деятеля в Европе»*. И вообще *«фашизм – единственное творческое явление в политической жизни современной Европы»*. Потому что *«никто больше не верит ни в какие юридические и политические формы, никто ни в грош не ставит никаких конституций»*.

Только у русского национал-либерала, однако, мог получиться такой странный выверт, при котором и от столь чудовищного поворота истории вспять выигрывала именно Россия. А как же иначе? Россия ведь *«никогда и не выходила их Средних веков»*. Ей, стало быть, и карты в руки. *«Власть будет диктаторской. Народная стихия наделит избранных личностей священными атрибутами власти – в них будут преобладать черты цезаризма»*.

В те смутные времена не нужно было быть Нострадамусом, чтобы предсказать «цезаризм» в Италии или в Восточной Европе. Тенденция к диктатуре угадана была верно. Только не это ведь предсказывал Бердяев. Смерть Нового времени он предсказывал – со всеми его парламентами и конституциями, бесповоротное торжество средневековья. То самое, что Гитлер назвал «тысячелетним Рейхом», только во главе с Россией, а не с Германией. В этом смысле попал Бердяев пальцем в небо. Что ж, и на старуху бывает проруха.

Куда проникательнее был Георгий Петрович Федотов, с ужасом размышлявший о том, что произойдет с Россией, когда кончится эра советского средневековья, когда откроются все шлюзы и гигантская волна эмигрантского национализма захлестнет страну. И мощная тема дикой ксенофобии опять заглушит в неподготовленных умах тему свободы. *«Большевизм*

умрет, как умер национал-социализм, – писал Федотов, – но кто знает, какие новые формы примет русский национализм?..».

Встречная волна

Впрочем, первые признаки возрождения русского национализма и связанного с ним «цезаризма» дали о себе знать в самом СССР еще во времена бердяевского пророчества. Поначалу они были вызваны острым дефицитом великорусских административных и управленческих кадров и жестокой внутрипартийной борьбой.

Дефицит возник по причине революции, напрочь срезавшей всю административную вертикаль трехсотлетней петровской России. Некоторое представление о почти анекдотической глубине этого дефицита дает знаменитый эпизод, когда Троцкий, только что назначенный народным комиссаром иностранных дел, появился в бывшем царском министерстве и потребовал немедленно перевести на дюжину языков и вручить иностранным послам «Декрет о мире». Все 400 сотрудников министерства демонстративно отказались исполнить его приказ.

Так или иначе, во всех сферах, кроме армии, где царские генералы активно помогали большевикам, «собирателям русской земли», выиграть Гражданскую войну, старые кадры либо не годились по происхождению, либо эмигрировали. Вакуум заполнили образованные «инородцы»: евреи, кавказцы (главным образом грузины и армяне), латыши, само собою интернационалисты. Такое положение вещей не устраивало будущего «цезаря» (пока еще с маленькой буквы). Гигантские «ленинские призывы» в партию после смерти вождя предназначались исправить дело. Наверх призывалось бывшее «мужицкое царство», полуграмотное, с ленинизмом ничего общего не имевшее, но зато падкое на соблазн власти и готовое служить любому цезарю. Согласно постановлению «О росте и о мерах по усилению партийно-организационной работы» от 8 июля 1946 года, еще и тогда, четверть века спустя, 70 % членов партии не имели даже среднего образования. Представьте уровень грамотности «призывников» 1920-х.

Но для вытеснения инородцев «новым партиейцам» нужно было знамя, если хотите, идеология. И цезарь снабдил их знаменем. Оно называлось, как мы уже говорили, «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране». Это означало, что отныне Россия будет закрыта от враждебного мира, пойдет своим, «отдельно взятым» путем, т. е. именно то, чего добивалась – и продолжает в наши дни добиваться – Русская партия. Ленинская гвардия в руководстве партии, воспитанная в духе интернационализма, естественно, сопротивлялась поруганию священных основ учения.

Что ж, ее следовало убрать с дороги. Отсюда – новая волна террора. Интересы цезаря совпали с интересами «новых партийцев». Страна превращалась в осажденную крепость. Маленький «цезарь» превращался в настоящего Цезаря (по мнению Н. И. Бухарина, впрочем, в «Чингисхана с телефоном»), а новые партийцы – в «номенклатуру» режима. Так начиналось возвращение русского национализма в коммунистический СССР. Жив, оказалось, курилка.

Конечно, в 1930-е все было проще, чем сейчас: под рукой был готовый, укорененный с дореволюционных времен и отчаянно, как мы видели, эксплуатировавшийся в эмигрантских кругах миф о евреях как о потенциальных предателях России. Мощь этого мифа была такова, что во время Первой мировой войны царское правительство насильственно переселило несколько сот тысяч человек из черты оседлости в Центральную Россию. Но если тогда барьером между православными и евреями служило вероисповедание, то в советские времена от мифа этого явственно запахло расизмом. И потому неминуемо должен был он перерасти в неприязнь ко всем «черным», включая кавказцев (которым в конечном счете и суждено было стать «новыми евреями»).

Константин Симонов вспоминал в своих мемуарах, что еще в 1933 (!) году в его ФЗУ ходила по рукам листовка «И заспорили славяне, кому править на Руси», где на рисунке по одну сторону сидели Троцкий, Каменев и Зиновьев, а по другую – Джугашвили, Енукидзе и Орджоникидзе. Николай Митрохин в книге *«Русская партия»*, на которую нам еще не раз предстоит ссылаться, приводит аналогичный эпизод, но уже из периода

1947–1952 годов. Некий партиец успел разослать (пока не был разоблачен органами) по разным адресам 29 писем, лейтмотивом которых было, что «союз палачей с Кавказа и жидов поработил русских». Но что значит мнение безымянного партийца, когда, если верить воспоминаниям А. И. Микояна, его самого, члена Политбюро КПСС, заподозрили в 1953 году в связях с Берия – только на основании того, что оба кавказцы (В. М. Молотова Микоян прямо называет «шовинистом»). Добралась, как видим, ксенофобия и до партийного Олимпа.

До такой степени добралась, что, если верить воспоминаниям помощника Генерального секретаря ЦК КПСС В. И. Болдина, не избежал этой чумы в бытность его генсеком даже Михаил Сергеевич Горбачев. Потому, полагал, например, Горбачев, «не съели Андропова с потрохами» зарубежные СМИ, что «он был полукровка, а они своих в обиду не дают». И распорядился «строго секретную информацию не посылать А. Черняеву», другому своему помощнику, потому, что «у него в семье пятый пункт не в порядке, далеко могут убежать секреты».

Поистине подобен чуме национализм: слеп и заразен. И мало кого пощадил он.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Много воды утекло под мостами с той поры, как по призыву своего Цезаря приступили полуграмотные массы к вытеснению инородцев из правящей вертикали советской власти. Вытеснили. И что только ни произошло за это время в СССР! Коллективизация, голод, пушки вместо масла, террор, черные воронки и «убийцы в белых халатах», страшная война и – Победа! Уж она-то, полагал Цезарь – и по сей день полагают его обожатели, – вполне доказала изначальную его правоту, искупила все жертвы, осушила все слезы, оправдала все ужасы (хотя, между нами говоря, не победи в России большевики, вполне вероятно, что не было бы ни войны, ни ужасов, ни жертв).

Так или иначе, исполнились старинные мечты Ф. И. Тютчева и С. Ф. Шарапова, о которых говорили мы в первой части книги: «великая Славянская империя», прихватив по пути венгров, румын и немцев, раскинулась на пол-Европы под владичеством России. И оказалась она, пусть не «первой в мире», как мечталось, – вмешался, будь он неладен, бывший «заатлантический брат» – но все же одной из двух сверхдержав XX века И трепетала перед ней Европа, как при Николае I.

Чего, спрашивается, было еще желать советскому человеку, впервые в истории освободившему, пусть пока не все человечество, но все же шестую часть земной суши (и пол-Европы в придачу) от эксплуатации человека человеком? Жили, правда, скудно, иные и впроголодь, и совсем как-то упустили из виду, что еще со времен Древнего Египта существует также проблема эксплуатации человека **ГОСУДАРСТВОМ**. Но величие, грозное величие державы все искупало, не правда ли? Страх, зачем лукавить, был, порою и ужас, но – вот парадокс! – дефицита позитивных эмоций не наблюдалось. Впервые в русской истории продемонстрировала свою мощь тотальная пропаганда.

Цезарь, однако, хоть и обожествленный, в один прекрасный день умер. И наследники передрались между собой.

И обнаружались в ходе драки удивительные вещи. Оказалось, например, что достигнуто было величие державы ценой превращения страны в гигантский концлагерь, в котором мог оказаться каждый, от наркома до Ивана Денисовича, и что построено было это величие рабским трудом поистине древнеегипетских масштабов. Короче, менять что-то в Датском королевстве следовало немедленно. До ручки довел его Цезарь.

Он и пал первой жертвой этих разоблачений. Безжалостно был разжалован в рядовые и с позором выдворен из Мавзолея. Началась, как всегда после диктатуры в России, «оттепель» – и судорожные попытки реформ. И результаты поначалу были впечатляющие. ГУЛАГ был расформирован, десятки, если не сотни, тысяч замученных посмертно реабилитированы, уцелевших переселяли из бараков и коммуналок в хрущобы, конфронтация с миром сменилась сосуществованием, военные базы в Финляндии, в Австрии и в Китае возвращены владельцам, дипломатические отношения с Югославией и с Израилем нормализованы, запущен первый в мире спутник, а за ним – и первый человек.

Но роковое наследство Цезаря гирей висело на ногах реформатора. Обнаружилось нечто еще более удивительное, о чем не догадались сразу после его смерти. А именно, что созданная им «социалистическая форма хозяйствования» оказалась нежизнеспособной, не поддавалась реформам. И «великая Славянская империя» – нет чтоб сказать спасибо освободителям, – кипела ненавистью. В ГДР и в Венгрии уже рвануло. И, самое страшное, на волосок от взрыва была Польша, старинный кошмар России.

«Ленинский призыв» в партию

Кончилось тем, что реформатора объявили «волюнтаристом» – и убрали. Решили не дергаться. Власть смирились с деградацией цезаристской системы – и страны. В конце концов безопасность обеспечивал ядерный щит, а за счет природных богатств России продержаться можно было долго, на жизнь вождей и «номенклатуры» во всяком случае хватит. И еще на пару поколений тоже. И ведь, правда, хватило. Ни Суслов, ни Брежнев, ни Андропов, ни Черненко крушения не увидели. Разве что с небес. И на Путина еще, честно говоря, хватило. Но страна забеспокоилась. Впереди для нее – в третий уже раз в истории русской государственности – маячил финальный тупик. И нового Александра II видно на горизонте не было. Тем более нового Петра.

И мыслящая часть общества, интеллигенция, не желала мириться, как всегда в России было, с перспективой деградации. И словно из-под земли явилась неожиданно целая серия альтернативных проектов ее возрождения. Они были очень разные. Возродилось, конечно, старинное деление общества на либералов и националистов, чемпионов Русской идеи. Мало того, каждое из этих идейных течений в свою очередь разделилось – на старших и младших, так сказать. На статусных или «системных», как сейчас говорят, оппозиционеров, и диссидентов, главным образом молодежь открыто (или легально, эзоповским языком) конфронтирующих с властью, обрекавшей страну на деградацию.

Системные либералы, например, склонялись поначалу к конвергенции социализма и капитализма, т. е. к соединению каким-то образом лучших черт обеих конкурирующих в мире социально-политических систем. Одним словом, к «социализму с человеческим лицом». Это выглядело логичным в мире, где ни одна из ядерных сверхдержав не могла, казалось, победить другую, не уничтожив мир. Либеральное диссидентство, с другой стороны, с самого начала усвоило западную идеологию прав человека. Соблюдайте свою конституцию! – требовало оно от власти, «живите не по лжи!» Так начиналась диссидентская Левая (я буду употреблять спорную сегодня «лево-правую» терминологию в общепринятом тогда смысле).

Важно нам здесь лишь то, что таким же образом разделились и националисты. Если системная их фракция усматривала корень зла в XX съезде и в отходе от «сталинских норм», диссидентская была готова к «национально-освободительной революции за свержение диктатуры коммунистической олигархии.» Это я цитировал лозунг подпольного ВСХСОН (Все-российского Социально-Христианского Союза освобождения народа) – подробно о нем далее, – с которой начиналась диссидентская Правая.

Еще важнее для нас вопрос, почему возродилась Русская идея именно на этом историческом перекрестке. Как видели мы уже в первой части исследования, появляется она лишь как ответ национализма на грозные симптомы деградации традиционной политической системы. И важно это потому, что дает нам точный сигнал («критерий» на академическом языке), что деградация системы НАЧАЛАСЬ. Так было во второй четверти XIX века – после провала реформистских попыток «волютариста» Александра I, ссылки Сперанского и разгрома декабристского поколения. Так повторилось и в 1960-х, когда появилась Русская партия.

И. С. Глазунов

В. А. Солоухин

Нет, конечно, это не была формальная партия с уставом и программой, скорее, аморфное движение, негласный союз «патриотических» интеллектуалов с истеблешментарной оппозицией (вдобавок еще, как мы уже говорили, разделенный поначалу на непримиримые фракции), единственным оружием которого были идеи. Но мощны и заразны, как мы уже знаем, националистические идеи.

Пробуждение

Но сначала о культурной атмосфере тех лет. Я понимаю, что читательское терпение имеет предел. В особенности, когда на него вот-вот обрушится водопад незнакомых имен. В свое время многие из них были знаковыми, но сейчас... Об Илье Глазунове, знаменитом когда-то художнике, игравшем в 60-е ту же роль, что сегодня Никита Михалков, т. е. идейного вдохновителя «православно-монархического» крыла Русской партии, или о Феликсе Чуеве, певце «красного патриотизма», прославившегося двумя строками в стихах о музее будущего, где

в середине наш генералиссимус
И маршалы великие его, –

еще могли что-то слышать. Но, скажем, имя А. В. Никонова, главного редактора журнала *«Молодая гвардия»*, штаб-квартиры тогдашней Русской партии, или Валерия Скурлатова, видного функционера московского горкома комсомола и автора «Устава нравов», о котором мы еще поговорим подробнее, едва ли что-нибудь сегодняшнему читателю скажут. Тем более имена звезд той же «Молодой гвардии» – Виктора Чалмаева и Михаила Лобанова (им, как первопроходцам системной Правой, будут посвящены отдельные главы).

Я буду, конечно, стараться амортизировать, если хотите, этот поток незнакомых имен. Но иногда он будет все-таки зашкаливать. Что поделаешь, без десятков темных имен функционеров со Старой площади, из ЦК комсомола или из Союза писателей – не обойтись, говоря о том, как все это начиналось. У истории, как у летописей, есть свои неудобства. Так что извините заранее. А теперь к делу.

Судьба «Русской идеи» в XIX веке была моей специальностью. В конце 60-х я готовил к защите диссертацию *«Славянофилы и Константин Леонтьев. Вырождение русского национализма. 1839–1891»*. Тема была дерзкой. Взрывной. Даже с чисто академической точки зрения: Леонтьев был табу в советской историографии с 1930-х, а занятия славянофильством – на мертвой точке. Но еще более горячей была эта тема на фоне происходившего вокруг бурного пробуждения русского национализма. История оживала перед нашими глазами. Из-под глыб замшелой официальной идеологии зазвучали вдруг, совсем как в 1850-е, новые, удивительные голоса. Один лишь пример. Молодогвардейский публицист в журнале с миллионным тиражом горевал о *«духовном вырождении образованного человека, о гниении в нем всего человеческого, о зараженной мещанством сплошь дипломированной массе»*, которая *«как короед подтачивает здоровый ствол нации»*. Впечатляет?

Московская интеллигенция вдруг устремилась проводить отпуска в заброшенных, нищих деревнях – вместо модных еще недавно курортов Крыма, Кавказа и Прибалтики. Молодежь бродила по вымирающему Нечерноземью, собирая старинные иконы. Только и было разговоров на интеллигентских кухнях, что о «народных корнях» и «национальных святынях». Владимир Солоухин явился в Дом литераторов с огромным перстнем на пальце, на перстне был изображен Николай II. Расхожим стало клише «православное возрождение». Масса взрослых людей самого разного этнического происхождения, словно очнувшись от кошмарного сна, проходила обряд крещения. Петр Вайль и Александр Генис в книге «60-е. Мир советского человека» сформулировали итог: *«Сменялся культурный код»*.

Понятно, что в ситуации этой «смены кода» моя диссертация с ее тезисом о ВЫРОЖДЕНИИ русского национализма, пусть речь шла всего лишь о вполне объективном и тщательно документированном исследовании и касалось оно лишь националистов прошлого века, звучала, как публичный вызов новому «коду». С той поры и фигурировал я в молодогвардейской печати как жупел, как воплощение образа врага возрождения

русского народа. Даже сейчас, когда все это быльем поросло, для националистов старого закала я все еще вхожу в первую тройку классических «русофобов».

Солженицын впоследствии толковал эту смену культурного кода как пробуждение национального сознания русского народа, «униженного, подавленного большевизмом». Будь он прав, ничего не могло бы это вызвать, кроме сочувствия. Смущали лишь странно знакомые и зловещие в общем хоре ноты. О «духовном вырождении образованного человека» мы уже упоминали. Об «Уставе нравов» – одной из первых ласточек самиздата – упомянули тоже. Автор, Валерий Скурлатов, утверждал, что «нет более подлого занятия, чем быть мыслителем, интеллигентом» и «более благородного, чем быть солдатом». Он призывал «настраивать молодежь на смертельную борьбу за космическую миссию нашего народа». А попутно «ввести телесные наказания для женщин, отдающихся иностранцам, ставить на них клейма и стерилизовать». Обратный адрес – московский горком комсомола – вызывал, согласитесь, некоторое недоумение.

Так или иначе, программы арестованных членов ВСХСОН, а за ним и диссидентской группы А. А. Фетисова прозвучали как гром с не совсем уже ясного неба. Вот лишь один фрагмент из программы ВСХСОН, и судите сами: «Будучи болезненным детищем капитализма, коммунизм развил и завершил все вредные тенденции, которые имелись в буржуазной экономике, политике и идеологии. Коммунизм довел до предела начатую капитализмом пролетаризацию масс». Одним словом, перефразируя известное выражение Ленина, коммунизм есть лишь высшая стадия капитализма. И тут возникал более, чем резонный вопрос: **во имя чего** намеревался ВСХСОН свергать «коммунистическую олигархию»? Некоторый свет на это проливает статья его Программы: «государство должно конституироваться как теократическое». Как Александр Дугин сегодня, подняли всхоновцы на щит старую книгу Николая Бердяева «Новое средневековье», о которой говорилось в прошлой главе. И боролись они, оказывается, против «сатанократии», под которой понимали одинаково и коммунизм и капитализм.

Еще более странное впечатление производили идеи фетисовцев – в пересказе «Хроники текущих событий». По мнению редакции, представляли они «критику советской системы с позиций крайнего тоталитаризма и шовинизма». История Европы представлялась в них как «борьба порядка с хаосом, воплощенном в еврейском народе, покуда Германские и Славянские принципы – режимы Гитлера и Сталина – не положили этому конец». Фетисовцы, добавлялось, «рассматривали эти режимы как исторически неизбежные и позитивные явления». Едва ли у у кого-нибудь, кто следил за рождавшейся на глазах Русской идеей, остались после всего этого сомнения, что и в колыбели своей отбрасывала она длинную тень мракобесия.

Кто ответственен за большевизм?

До сих пор я просто рассказывал читателю о том, что происходило в СССР в 1960-е. Но теперь мы вступаем в зону интерпретации, где у каждого читателя может быть свое, равноценное моему мнению о полемике, с новой силой разгоревшейся тогда по вопросу об ответственности, если хотите, за советскую власть в России. Рассмотрим вопрос хронологически.

В 1920-е ответ для националистической эмиграции, как видели мы в «Курилке», был однозначный: евреи виноваты («Сейчас Россия... Иудея, где правящим народом являются евреи и где русским отведена,,, роль завоеванной нации»). В 30-е к этому прибавились еще «палачи с Кавказа». Но все равно инородцы, не русские, ни в коем случае не русские. С точки зрения националистов, просто не могли русские превратить страну в гигантский концлагерь и родные православные церкви – в конюшни.

Но время шло. Сталинские «чистки» и террор сработали, практически вытеснив инородцев из правящей вертикали, заперев их в туземных бантустанах, а евреев и вовсе превратив в «безродных космополитов». Символической иллюстрацией этого могла служить хоть та же листовка «И заспорили славяне», о которой вспоминал Симонов: из шестерки правителей России, представленных там, пять были к 1950-м уничтожены.

Остался один Сталин, но он в качестве земного бога не имел национальности.

Так или иначе, в 60-е вчерашняя однозначность выглядела бы смехотворной. И все равно мнение Георгия Петровича Федотова было для националистов как нож острый. Рассуждал он так: «Великорусс не может этого понять. Он мыслит, мы все ответственны за большевизм, мы пожинаем плоды общих ошибок. Но хотя и верно, что большевистская партия вобрала в себя революционно-разбойничьи элементы всех народов России, но не всех одинаково. Русскими преимущественно были идеологи и создатели партии. Большевизм без труда победил в Петрограде и в Москве, Великоруссия почти не знала гражданской войны, только окраины оказали ему отчаянное сопротивление».

Но для националистов это означало бы признать нечто, по их мнению, невозможное. А именно, что советская империя – русское государство. Солженицын возражал яростно: «Бездумное заблуждение – считать русских в СССР правящей нацией. Русские – главная масса рабов этого государства». Но кто же в таком случае был в СССР правящей нацией, если исключить инопланетян и инородцев? Не знаю, как отнесутся читатели к моему аргументу, но мне кажется, что в основе солженицынского суждения лежит грубая историческая ошибка. Покажу это на примере.

В том-то и заключалось коварство традиционных континентальных империй Восточной Европы, что в то время, как их элиты правили государством, народы их несли на себе «бремя империи». Разве не оказалось, скажем, турецкое крестьянство в Оттоманской империи начала XX века «главной массой рабов этого государства»? И разве не могли тогдашние турецкие националисты сказать, предваряя Солженицына, что турецкий народ «изможден, биологически вырождается, его национальное сознание унижено, подавлено»? Едва ли, однако, стал бы кто-нибудь утверждать на этом основании, что бездумное заблуждение – считать турок в Оттоманской империи правящей нацией. Ненадежная, согласитесь, опора в серьезном споре националистическая идеология.

Но на помощь Солженицыну спешили идеологи ВСХСОН. «Составные части марксистского учения, – подсказывали

они, – заимствованы из западных буржуазных теорий». А поскольку на этом, заимствованном с Запада марксизме и держится советская власть, то ясно ведь как божий день, кто на самом деле виноват во всех российских бедах. Запад – вот кто! Под пламенным пером Солженицына превратилась эта бледная канцелярская констатация в демонический «черный вихрь с Запада», вырастая в целую философию, изложенную в его знаменитом «Письме вождям Советского Союза». Вождям предлагалась сделка. Берите себе столько власти, сколько вам надо, только откажитесь от чуждого России западного наваждения, дайте русскому народу дышать и думать по-русски. Если читатель подумает, что это произвольная интерпретация, то вот, пожалуйста.

«У вас остается неколебимая власть, отдельная сильная замкнутая партия, армия, милиция, промышленность, транспорт, связь, недра, монополия внешней торговли, принудительный курс рубля... но дайте же народу дышать, думать и развиваться! Народ желает для себя одного: свободы жизни, духа и слова. Не вмешиваясь в государственную власть, он желает, чтобы государство не вмешивалось в жизнь его духа».

Не правда ли, звучит эта страстная тирада так, словно написана одной рукой? На самом деле лишь первая ее часть принадлежит Солженицыну. Вторая (начиная со слов «Народ желает») обращена была к совсем другим вождям и в совсем другие времена. Больше полутора столетий назад славянофил Константин Аксаков, тоже уверенный, что Россия порабощена западным «духом», написал царю открытое письмо, почти буквально совпадающее с тем, что предлагал вождям советской империи в XX веке Солженицын: возьмите себе самодержавную власть, только народу дайте дышать, думать и развиваться.

Увы, как свидетельствует история, там, где народ не контролирует власть, там власть контролирует народ, не давая ему ни дышать, ни думать, ни развиваться. Может быть, именно в Российской империи, по мнению Аксакова и Солженицына, дело обстояло иначе? Может быть. Но в таком случае следовало это доказать. Ибо в ином случае их обращения к вождям служили бы лишь *оправданием* ОТЕЧЕСТВЕННОЙ авторитарной традиции.

Общее впечатление от «смены культурного кода» в 1960-е, согласитесь, скорее тревожное. В известном смысле он как бы предрекает путинский взлет авторитарного национализма после распада советской империи. Но до этого еще далеко. Пока что мы лишь в самом начале возрождения Русской идеи в СССР.

Глава 3

ВСХСОН

Так назвала себя, как мы уже говорили, первая в постсталинский период (если не считать, конечно, эмигрантского Народно-Трудового союза – НТС) относительно крупная подпольная организация, ставившая себе целью вооруженное свержение государственного строя в СССР. Этим она решительно отличалась от либерального диссидентства, ратовавшего, как мы тоже знаем, за гражданские права. Нет сомнения, что в советских условиях и то и другое движение были утопическими. Но по разному.

Если идеалом, скажем, «Хроники текущих событий» были многопартийная система и вообще Европа, то ВСХСОН, рассматривавший Россию как отдельную от Европы православную цивилизацию и советский коммунизм как порождение западного зла, должен был, подобно всем паладинам Русской идеи, искать в качестве идеала некий «русский путь» к свободе, изобретать, если хотите, велосипед. Что они изобрели, мы видели. Теократию.

Революционеры-народники (группа «Освобождение труда»)

Отвергая как чуждый России «базис» западного общества – свободное предпринимательство – не жаловал, естественно, ВСХСОН и его «надстройку». Его Программа провозглашала: **«Социал-христианская государственная доктрина рассматривает как БЕЗУСЛОВНОЕ ЗЛО такую организацию власти, при которой она является призом для соперничающих партий или монополизирована одной партией. Вообще партийная организация власти неприемлема с точки зрения социал-христианства».** (Выделено мной. А. Я.). Многопартийная демократия приравнивалась таким образом к однопартийной диктатуре – и отрицалась вместе с ней.

«Бердяевский кружок»

Не зря либеральные оппоненты язвительно именовали ВСХСОН «бердяевским кружком». Он действительно претендовал на «открытие» Бердяева и активно распространял среди ленинградской молодежи его не доступные при Сталине книги, написанные в эмиграции. Он даже сделал их чтение способом вербовки новых членов. И вообще Бердяев стал путеводной звездой ВСХСОН. Уже в 1992 году, отбыв 8 лет в мордовских лагерях и эмигрировав после освобождения в Италию, бывший «начальник идеологического отдела» ВСХСОН, Евгений Вагин, протестуя против «не весьма корректной реплики В. Буковского – как будто без всяких организаций полстраны не прочитало Бердяева», уже в следующей строчке признал, «что это название имело резон».

Признал и больше. А именно, что Программа ВСХСОН никакого Парламента или Думы в будущей России не предусматривала, обещая под влиянием Бердяева вместо Думы «представительство крестьянских общин и национальных корпораций – крупных союзов работников физического и умственного труда». Это из «Нового средневековья» Бердяева. Действительная проблема, иначе говоря, была не в том, что ВСХСОН присвоил себе монополию на идейное наследство этого замечательного, пусть и отчаянно противоречивого классика русской мысли XX века, но в том, что выбрал в качестве путеводителя самую неудачную и самую реакционную

его книгу (Вагин, впрочем, называет ее, «самой глубокой и блестящей»).

Мы уже говорили о ней довольно подробно в «Курилке». Написана она была сразу после победы Муссолини в Италии, когда Бердяеву (он был очень, порою чрезмерно, увлекающийся человек) на миг показалось, что «фашизм – единственное творческое явление в жизни современной Европы». Ну, вот ВСХСОН, следуя за своим тогдашним кумиром, и противопоставил «выродившимся говорильням», т. е. западным парламентам, «представительство реальных корпораций».

Мир, однако, довольно существенно с 1920-х годов изменился, и цена фашистской риторике так же, как ее результаты, теперь общеизвестны. Да и Бердяев впоследствии многократно раскаялся в своей ошибке, но идеологам «бердяевского кружка» важно было не то, что их наставник по неизреченному своему легкомыслию увлекся однажды Муссолини, но то, что риторика эта была **АНТИЗАПАДНАЯ**. А они конструировали «русский путь» к свободе. Вот и схватились за то, что **против** Запада. Недаром же и в 1992 году, т. е. через три десятилетия после событий, с негодованием отверг Вагин другую книгу того же Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» как «абсолютно неприемлемую для нас» (еще бы, в этом случае настаивал ведь учитель именно на **РУССКИХ** корнях коммунизма). Увы, так ничему и не научили идеологов ВСХСОН ни лагерь, ни эмиграция.

Что тут скажешь? Безусловно, эти, молодые тогда люди стремились к свободе. Но к свободе стремились в XIX веке и славянофилы, основоположники «русского пути». В этом смысле и те и другие, несомненно, были либералами. Только свобода их должна была непременно быть особенной, «русской свободой», гарантией не столько от власти, сколько от Запада. В случае славянофилов гарантировалась она, как это ни парадоксально, самодержавием, в случае ВСХОН – теократией. В этом смысле были они НАЦИОНАЛ-либералами. И ожидало их – не будь их мужественный порыв так трагически прерван арестом и лагерями, – то же будущее, как объяснила нам «лестница Соловьева», что и славянофилов, т. е. превращение из паладинов свободы в слуг реакции.

Теократия и гражданские права

Так или иначе, теократический характер нового государства обеспечивался, согласно Программе ВСХСОН, «блестительным» Верховным Собором, который «должен состоять на одну треть из лиц высшей иерархии церкви и на две трети из выдающихся представителей нации», избираемых неизвестно как, но пожизненно (церковь, естественно, подразумевалась православная). И «выдающиеся представители», надо полагать, тоже. По крайней мере, уже известный нам Вагин заверил радио «Свобода», что «исповедует веру Достоевского: русский – это православный, и религия является глубинной сущностью русского человека». Тому же православному Собору будет принадлежать «право вето, которое он может наложить на любой закон или действие, которое не соответствует основным принципам социал-христианства». И тот же православный Собор, наконец, будет избирать правителя государства – «представителя народного единства».

Организованное таким образом социал-христианское государство должно будет гарантировать «основные права человека и гражданина». Прав обещано было много, еще больше, чем в сталинской конституции 1936 года. Но так же, как в ней, не был указан РАБОЧИЙ МЕХАНИЗМ, способный обеспечить их соблюдение. И по той же причине. Социал-христианство не предусматривало политическую оппозицию – единственную, как свидетельствует опыт, реальную гарантию осуществления прав человека.

Достоевскому, скажем прямо, было легче. Он не писал проектов государственного устройства будущей России и не намеревался стать одним из ее политических лидеров. Но Вагин-то писал. И намеревался. И поэтому нас должен интересовать политический смысл его определения, что «русский – это православный». Я не говорю уже, что Россия страна многоконфессиональная, что есть в ней и мусульмане, и буддисты, и католики, и протестанты, и иудеи, и, наконец, неверующие. Как будут соблюдаться права всех этих категорий населения, если они не представлены в Верховном Соборе православного государства? Тем более, что

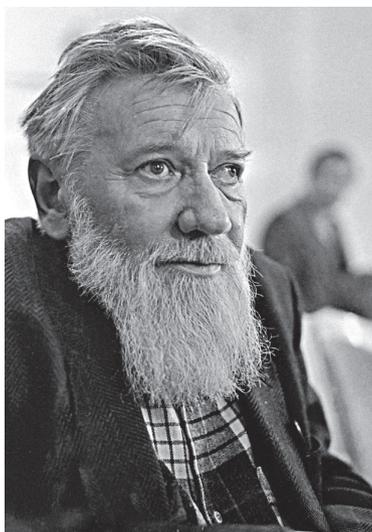
составляли они в границах советской империи по меньшей мере половину ее населения?

Возможно, конечно, что какая-то их часть будет присутствовать в «представительстве сельских общин и национальных корпораций». Но и в этом случае присутствовать будут они там не в качестве представителей своих конфессий, но лишь представляя эти самые общины и корпорации. И не забудьте о праве вето, которое православный Собор может наложить на любое решение многоконфессионального «представительства». Боюсь, не признал бы в идеологах ВСХСОН своих учеников Николай Александрович Бердяев.

Мой покойный друг Андрей Синявский отбывал срок в одном лагере с некоторыми из членов ВСХСОН. Он много рассказывал мне о них, когда гостил у меня в Америке. В частности, о том, как на замечание, что он будет протестовать против их «социал-христианского государства» так же, как протестовал против советской власти, услышал он в ответ: «А мы вас посадим, Андрей Донатович». Имея в виду, что Синявский уже сидел в лагере, не совсем ясно, какой прок был бы ему от «национально-освободительной революции» ВСХСОН.

Для людей, как он или я, не принадлежащих ни к сельским общинам, ни к национальным корпорациям, интерес к этому проекту был в ту пору отнюдь не академический. То был буквально вопрос судьбы. Тем более, что, как сказано в статье 74 Программы ВСХСОН, «государственная власть после свержения коммунистической диктатуры должна перейти к временному народно-революционному правительству».

Так вот я и интересуюсь, что сделало бы со мной и такими, как я, неправославными,

А. Д. Синявский

а, стало быть, и не русскими (имеется в виду не этническая, а гражданская сторона дела) и не только не сочувствовавшими «национально-революционному правительству», но готовыми активно ему противодействовать, что сделало бы это правительство с такими, как я, в этом роковом промежутке, в период его временной диктатуры? Тем более, что многоконфессиональной стране такими могли оказаться тысячи и тысячи, если не миллионы людей?

Как поступил бы с нами победивший ВСХСОН в таком во все не невероятном случае? Извинился бы и разошелся по домам? Или, как все революционные правительства, посадил, как обещали Синявскому? Или в лучшем случае изгнал из страны, как сделала советская власть со мной? Я задавал этот вопрос еще в книге «Русская идея и 2000-й год», опубликованной в 1988 году. Вагин, конечно, эту книгу читал. И, конечно, прошелся по мне как по «строгому ревнителю либеральных традиций». Но на прямой вопрос, почему-то не ответил. Даже в 1992-м. Даже в эмиграции. Почему?

ВСХСОН и национальный вопрос

Статья 73 Программы ВСХСОН обещает, что он «сознает себя патриотической организацией самоотверженных представителей всех национальностей Великой России». Первый вопрос, который приходит в голову, когда читаешь такую декларацию, это, конечно, что, собственно, имели в виду ее авторы под «Великой Россией»? В каких границах они ее мыслили? В границах пятнадцати республик внутренней советской империи? Или в реальных ее границах Варшавского блока? Программа этого не уточняет. В статье 83, однако, сказано, что «странам, в которых временно находятся советские войска, может быть оказана помощь в национальном самоопределении **на основе социал-христианства**» (выделено мной. А. Я.). Но что будет, если, допустим, Венгрия или Польша захотели бы самоопределиться не «на основе социал-христианства», а, страшно сказать, на основе западной многопартийной системы? А Чехословакия – вообще на основе «социализма с человеческим лицом». Этим как, помощь не окажем, оставим гнить в чужой

империи, пардон, в «Великой России»? Даже после «народно-освободительной революции»?

Но то по внешнему периметру советской империи. Не обнаруживаем мы, однако, в Программе ВСХСОН каких-либо эмоций и по поводу межэтнических отношений внутри СССР. Ни по поводу, скажем, прибалтийских губерний (республик), ни тем более по поводу Украины. Впечатление такое, что под «Великой Россией» имелась в виду все та же империя, как она была, со всеми ее застарелыми шрамами. Один из этих шрамов, впрочем (читатель легко догадается какой), открыто кровоточил.

Первое предостережение о том, как относились к этому кровоточащему шраму «самоотверженные представители всех национальностей Великой России», получил я из неожиданного источника, из воспоминаний некоего Б. Караватского, искренне сочувствовавшего ВСХСОН и считавшего его «солью русской нации» и «цветом русской молодежи». И вот среди всех этих цветистых панегириков затесался вдруг странный пассаж о взглядах «начальника личного состава» организации Михаила Садо.

Вот что пишет Караватский об этих взглядах: «Мне трудно примириться с тем, что в разговорах этого человека проскальзывали антисемитские нотки. Вероятно, этот глубоко укоренившийся недостаток этой необычайно интересной личности впитан им с молоком матери». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Начальник личного состава – это вам не кто-нибудь, это кадровик: от него зависит, кому быть и кому не быть членом организации, намеренной представлять «все национальности» страны. А тут вдруг с молоком матери впитанный антисемитизм...

До какой степени я был наивен, понятно стало, лишь когда попались мне воспоминания некоего А. Петрова-Агадова, удивительного человека, большую часть жизни проведшего в советских лагерях, в том числе и вместе с Синявским и с членами ВСХСОН. Но прежде, чем рассказать о его беседе с уже известным нам Евгением Вагиным, несколько слов об атмосфере в лагере. «Еврейский вопрос, – рассказывает Петров-Агадов, – стоял остро. Познакомившись с сионистом Соломоном Борисовичем Дольником, я как-то предложил Андрею Донатовичу

зайти к нему в гости: «Соломон Борисович – милый человек, но имейте в виду, что здесь к евреям относятся особенно нетерпимо». Впрочем, увидев мои добрые отношения с Дольником, обо мне тоже стали говорить: «Жид! Какой он Петров? Какой-нибудь Фраерман или Зильберштейн. Все, сволочи, русские фамилии приобрели!». Ненависть к коммунистам тоже отождествлялась с евреями. «Ленин, Хрущев, Брежнев, Косыгин – все жида».

Ситуация, согласитесь, своеобразная, чтоб не сказать чернотенная, прямо противоположная, на первый взгляд, всей идеологии ВСХСОН. Они видели корни советского строя в капитализме тогда, как окружавшие их зеки – в «жидовском засилье»; они собирались представлять, самоотверженно причем, «все национальности» СССР, а зеки признавали лишь две – русских и евреев. Как следовало вести себя членам организации, провозгласившей себя интернационалистской, социал-христианской? Перед ними ведь был микрокосмос общества, которое они намеревались вести по «русскому пути».

Судя по тому, что рассказал Петров-Агатов, не только не встали они на защиту «униженных и оскорбленных», что было лишь долгом христианина, не только не отмежевались от гонителей, их «начальник идеологического отдела» и сам убеждал собеседника, что «все несчастья России от евреев». Более того, когда Синявский задал одному из них вопрос: «что стали бы вы делать с евреями, если бы победили?», ответ был однозначен: выслали бы в Израиль. «Ну, а с теми, кто не пожелал уехать?» Опять, не задумываясь: истребили бы. «Как? Вместе с детьми?» – ахнул Синявский. «Ну, Андрей Донатович, кто же, истребляя крыс, думает о крысенытах?» Я не уверен, что тут нужны комментарии.

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ • Часть первая •

Совсем иначе складывалась судьба легальной фракции правого диссидентства. Собственно, диссидентами в общепринятом в СССР смысле назвать их можно было едва ли. Арестом, тюрьмой или изгнанием из страны они не рисковали. Разве что репутацией, порою увольнением. Работали под прикрытием, как сейчас сказали бы «под крышей»: у них было достаточно единомышленников в высоких кабинетах в ЦК комсомола, в Союзе писателей и на Старой площади. Но проекты возрождения империи предлагали они дерзкие, «партизанские», нередко идущие вразрез с генеральной линией партии, такие, короче, на которые никогда не решились бы их «системные» покровители.

Журнал «Молодая гвардия» был органом ЦК ВЛКСМ, где правила т. н. «группа Павлова», наследники «железного Шурика», А. Н. Шелепина, бывшего члена Политбюро и откровенного поборника реставрации сталинизма. В 1967 году Шелепин попытался сместить Брежнева, проиграл аппаратную схватку

и был разжалован. С. П. Павлову, первому секретарю ЦК комсомола, стало быть, тоже недолго оставалось царствовать. Возможно, он попытался хлопнуть дверью перед уходом. Так или иначе, рождение диссидентской Правой связано было именно с жемчужиной его епархии, с «Молодой гвардией».

Первые значительные ее выступления совпали с началом суда над членами ВСХОН и, что важнее, с движением за «социализм с человеческим лицом» в Праге. Я имею в виду статьи Михаила Лобанова «Просвещенное мещанство» (апрель 1968), за которой последовала в сентябре «Неизбежность» Виктора Чалмаева. Остановимся пока что на первой.

Социологические открытия Лобанова

Сказать, что появление этой статьи во влиятельном и популярном журнале было событием удивительным, – значит сказать очень мало. Оно было событием потрясающим. О ней и на кухнях говорили шепотом. Злость, яд и гнев, которые советская пресса обыкновенно изливала на буржуазный мир и вообще на «внешние» сюжеты, направлены были на этот раз вовнутрь. Лобанов неожиданно обнаружил губительную червоточину в самом сердце первого в мире социалистического общества, причем более опасную, чем все происки империалистов. Заключалась она, как мы уже слышали, «в разрыве так называемой образованности», в «зараженной мещанством сплошь дипломированной массе», которая, будучи «визгливо активной в отрицании», представляет «разлагающую угрозу» самим основам национальной культуры.

Короче говоря, не предусмотренный классиками марксизма, не замеченный идеологами режима сложился в СССР исподволь мощный слой «просвещенного мещанства», принципиально враждебный ее социалистическому будущему. Таково было первое социологическое открытие Лобанова. И отдадим ему должное: он угадал (хотя и понятия не имел, о чем говорил).

Слой, который он так жестоко клеймил, я как раз и называю «русскими европейцами». Со времени петровских реформ XVIII века, когда просвещение стало для России

государственной необходимостью, обойтись без русских европейцев (или «просвещенного мещанства», как презрительно именовал их Лобанов) страна не могла. А просвещение что ж? Оно всегда было чреватое «европеизмом». Такие уж они, эти просвещенные люди, – не любят самодержавие.

Другое дело, что со времен Николая I самодержавные правители России просвещению не доверяли, чувствовали в нем подвох. Боролись с ним (за исключением короткого периода реформ), всячески его ограничивали. С той самой поры и начала отставать Россия от Европы. Русских европейцев становилось меньше, но падала и конкурентоспособность страны.

То же самое произошло и в постсталинской России, едва был свернут хрущевский режим реформ. Если верить исследованию американского социолога М. Яновича *Schooling and Inequalities* (1981), доступ к высшему образованию был в 1970 годы перекрыт более чем половине выпускников средних школ. Если в начале 1960-х 57 % из них имели возможность поступить в высшие учебные заведения, то уже десятилетие спустя сохранили этот доступ лишь 22 % выпускников.

Иначе говоря, и в СССР власть нашла, что просвещение опасно для самодержавия, особенно в период стагнации. Но говорить об этом публично запрещено было строжайше. Лобанов нечаянно сломал табу. Впрочем, на этом и кончалось совпадение его статьи с генеральной линией партии. Дальше все пошло, как говорится, не в ту степь.

Прежде всего сама защита социализма выглядела у Лобанова до крайности странно. Он апеллировал не к «пролетарскому интернационализму» и вообще не к общепринятой тогда официальной риторике – напротив, ссылаясь исключительно на опасность просвещения для «русского национального духа». И потому выглядела его защита социализма не клишированным отпором марксистского начетчика, скорее криком боли простого русского («уралвагонзаводского», как сказали бы сейчас) человека, до смерти перепуганного тем, что происходило в его стране, с его народом.

Хуже того, выглядела она обвинением режиму, который не только допустил формирование в России столь зловещего феномена, как «просвещенное мещанство», но и довел дело

до опасной точки, когда, как в отчаянии восклицал Лобанов, «мещанство торжествует!». Что же так напугало в нем молодогвардейского публициста? Оказывается, «буржуазный дух», абсолютно чуждый, по его мнению, России, но способный, как свидетельствует опыт, завоевать ее, превратив в какую-то убудочную полу-Европу, как однажды, в XVIII веке уже случилось. Два столетия ведь понадобилось, чтобы освободилась она от него в 1917 году в ходе Великой Октябрьской Социалистической революции.

И вот он, «дух» этот, возвращался в «разливе так называемой образованности»! Понятно теперь, откуда взялись страстные филиппики Лобанова против «духовного вырождения образованного человека и гниения в нем всего человеческого»? В этой, вполне славянофильской, как мы теперь понимаем, системе координат Брежнев вдруг вырастал в некоего современного царя Петра, императора-предателя, широко открывшего в XVIII веке ворота родной русской крепости чужому, европейскому, «буржуазному духу».

Я не очень преувеличиваю. На эзоповском языке, которым оперировал Лобанов, его полубезумные инвективы против

М. П. Лобанов

В. А. Чалмаев

«просвещенного мещанства» действительно – и совершенно прозрачно для любого интеллигентного человека, давно наученного понимать этот язык, – означали, что боссы ослепли. В русскую крепость уже введен троянский конь «буржуазного духа». Иначе говоря, «национальный дух» оказался под угрозой. Его надо было спасать.

Само изображение политики как борьбы «духов» было до того чуждо привычной марксистской риторике, привыкшей трактовать культуру как легкомысленную «надстройку» на солидным материальным «базисом», что дух, извините за тавтологию, перехватывало. Даже у обыкновенных читателей, как я. Можно себе представить, с каким чувством читали это идеологи режима.

Нет слов, Лобанов клеймил врага нации со всей доступной подцензурному публицисту страстью. Даже, если хотите, яростно. Он ведь пытался доказать невозможное. А именно, что у нас, в отличие от Запада, подлинная культура растет отнюдь не из просвещения, а из «национальных истоков», из «народной почвы». И «непреходящие ценности культуры в России всегда порождал задавленный, неграмотный народ», а вовсе не образованные «мещане», у которых «мини-язык, мини-мысль, мини-чувства, все – мини». «И главное, – добавлял он с трепетом, – Родина для них мини».

Разумеется, в традиции последнего дореволюционного поколения славянофилов иллюстрировал свою мысль Лобанов доносами. Понятно, на кого. Как же без «них» в постсталинском СССР? И ВСХОН, как мы видели, без этого не обошелся. Доносил Лобанов и на расстрелянного Сталиным режиссера Мейерхольда и на пока еще не репрессированного режиссера Эфроса (и вообще «разлагатели национального духа» носили у него недвусмысленные еврейские фамилии).

Положительно, у читателя создавалось впечатление, что Сергей Шарапов был в 1901 году прав. Помните заключение его фантастической повести **«Через полвека»**: «Москва стала совершенно еврейским городом». Нет, не довел до конца Сталин свою миссию окончательного решения «проклятого вопроса». Недорезал. Эти «с не вполне человеческой душой» (нет, Михаила Меньшикова Лобанов еще не цитировал, только

подразумевал, говоря о «примазавшихся к истории великого народа») по-прежнему играют роль фермента в «зараженной мешанством дипломированной массе».

Конечно, анализируя «открытие» Лобанова, нельзя упустить из виду, что статья его появилась в разгар Пражской весны, которая истолковывалась в верхах как результат захвата ключевых позиций в средствах массовой информации Чехословакии еврейскими интеллигентами. И еще не утихло эхо «подписантской» кампании в СССР, в ходе которой сотни московских интеллигентов (в том числе, конечно, и евреев) поставили свои подписи под самиздатскими открытыми письмами против процессов над Синявским и Даниэлем и над Гинзбургом и Галансковым. С этой точки зрения, социологическое озарение Лобанова совпадало с острой обеспокоенностью режима «социализмом с человеческим лицом» (столь же острой, добавим в скобках, какой в постсоветской России станет тревога режима по поводу «оранжевой революции»). Но целил молодогвардейский публицист, как мы сейчас увидим, куда дальше немедленных тревог режима.

Проблема «сытости»

Был ведь еще основополагающий вопрос: в чем, собственно, сила и привлекательность «просвещенного мешанства» для советской молодежи? Почему устремлялась она к нему, как мотылек на пламя? Лобанова этот вопрос не смущал. И ответ его звучал как приговор режиму: «нет более лютого врага для народа, чем *искус буржуазного благополучия*» (выделено мной. А. Я.). Вот что, оказывается, завоевывало Россию. Лобанов и имя этому искусству придумал: «американизм духа». Это в каком же, позвольте, смысле, мог спросить идеолог режима? Неужели в смысле «материального поощрения трудящихся» – главной на тот момент установки генеральной линии партии? Похоже, что имел Лобанов в виду именно это.

Похоже, что завоевывали Россию не одни лишь соблазнительные «мини» с изысканными манерами и нерусскими фамилиями, но и сама ориентация власти на «материальное благополучие», ее обещание коммунизма как «духовной

и физической сытости». Лобанов, совершенно очевидно, рассматривал это обещание как фундаментальную ошибку, как губительную для социализма попытку конкурировать с буржуазным миром НА ЕГО ПОЛЕ.

И главное, режим не понимал своей ошибки. Он флиртовал с Америкой. Он думал, что межконтинентальные ракеты защитят его от смертельной угрозы, излучаемой этой страной. Не защитят, говорил, по сути, Лобанов. Ибо действительная угроза вовсе не в американских ракетах, а в «американизме духа». И ни при чем тут «эксплуатация человека человеком», а при чем СЫТОСТЬ – в обеих своих ипостасях: «Духовная сытость – вот психологическая основа буржуа», а социальная – «бытие в пределах желудочных радостей». В этом – второе открытие Лобанова. Именно против этих «желудочных радостей», против соблазнов «брюха» произносил он самые страстные свои филиппики, посвятив им целую журнальную полосу.

Но если действительная угроза социализму, за который боролись, не шадя себя и не заботясь о сытости, наши отцы и деды, не во вражеских ракетах, а в «сытости», то закономерным выглядит и третье – главное – открытие Лобанова: «американизации духа» в силах противостоять только *русификация духа* (выделено мной. А. Я). И здесь ожидал нас сюрприз.

Встреча с ВСХСОН

Что общего между «Молодой гвардией» и ВСХСОН? На первый взгляд – пропасть между ними. Одна озабочена, пусть и вразрез с генеральной линией партии, здоровьем социализма в России (как гарантии от проникновения в нее «буржуазного духа»), другой готовит «национально-освободительную революцию» для сокрушения этого самого социализма. Лед и пламень, казалось бы. На поверку оказывается, однако, что озабоченный возрождением социализма молодоговардеец не так уж далеко ушел от своих диссидентских антисоветских собратий, для которых социализм – «сатанократия». Ибо для чего же и готовит ВСХСОН сокрушение «диктатуры коммунистической олигархии», если не ДЛЯ ТОЙ ЖЕ ЦЕЛИ, т. е. не для освобождения России от того же «буржуазного духа»?

Просто Лобанов видит в возрожденном социализме надежную гарантию от проникновения в страну этого «духа», а идеологи ВСХСОН в это не верят и исходят из того, что «коммунистический мир разлагается. Народы на тяжелом опыте познали, что он несет нищету и угнетение, ложь и моральное вырождение». Другими словами, инструментарий спасения «русского национального духа» разнится у обеих фракций диссидентской Правой, как гений и злодейство. В одном случае достаточно для этого возродить истинный социализм, т. е. освободить его от торжествующих «мини» и идеала «сытости», в другом – придется прибегнуть к хирургической операции, заменив революционным путем социализм корпоративным государством и теократией, иначе говоря, чем-то вроде православного фашизма. Но цель-то в обоих случаях ТА ЖЕ – торжество «русского пути», или, говоря языком Лобанова, «русификация духа».

Точно так же, как идеологи ВСХСОН, Лобанов исходил из того, что «причина опасного напряжения в мире лежит гораздо глубже экономической и политической сфер». Она, эта причина, не в противостоянии, скажем, Госплана и свободного предпринимательства или однопартийной диктатуры и многопартийной демократии, как думают плоские и вульгарные либеральные диссиденты. Действительная причина – в сфере метафизической, в сфере борьбы «духов», как одинаково убеждены были и «молодогвардейцы», и идеологи ВСХСОН.

Дело читателя теперь судить, так ли уж далеки были друг от друга в идейном смысле обе фракции диссидентской Правой, как это, на первый взгляд, выглядит, или были они... двоюродными братьями?

МОЛОДОГВАРДЕЙЦЫ

• Часть вторая •

Статья Лобанова встречена была молчанием. Настолько очевиден был в его «Просвещенном мещанстве» вызов самим основам политики партии, что дискуссия о ней в легальной печати была невозможна. Вслух такие вещи в СССР не обсуждались. Мы не знаем, что происходило за кулисами, какие силы вмешались. Говорили, что Д. С. Полянский, член Политбюро, симпатизировавший Русской партии. Но что бы там ни происходило, ввод советских танков в Прагу «Молодая гвардия» отметила еще одним взрывом «патриотического» вулкана. Само название статьи Виктора Чалмаева «Неизбежность» звучало в этом контексте символически.

И если эта статья встречена была, в отличие от лобановской, бурей негодующих голосов, то не потому, что она была менее дерзкой, но потому, что казалась менее актуальной. Дискуссию о ней можно было изобразить как спор об истории, а не о социальной и политической стратегии режима. Хотя на самом деле Чалмаев лишь пытался исторически обосновать все ту же лобановскую концепцию «русификации духа». Его задачей было убедить молодежь в неизбежности глобальной схватки наступающей с Запада «американизации духа» с единственной в мире силой, способной ей противостоять, – с Россией.

Опасная «текучность русского духа»

Более того, чалмаевское видение предстоящей схватки было еще апокалиптической, если можно так выразиться. Он тоже рассказывал жуткие истории о «гибели многих чудес человеческой цивилизации в буржуазном мире» и тоже объявил, что «Америка есть первая страна, которая живет без идей». Но когда он с восторгом заговорил о протопопе Аввакуме как о «русском глашатае Христа не униженного никем слова»

и о «текучести русского народного духа, опережающего нередко в своем развитии внешние формы бытия народного» и, словно бы этого было мало, добавил, что «официальная власть, каноны государства никак не исчерпывают Россию» – это, согласитесь, должно было переполнить чашу терпения этой «официальной власти».

Ибо неясно было, не утек ли уже «текучий русский дух» из тех «внешних форм», из которых утекать ему в данный исторический момент не рекомендовалось. Не опередил ли он, другими словами, и сегодняшнюю официальную власть с ее «канонами». Чалмаев был атакован – и жестоко. «Каноны государства» в лице могущественной клики марксистских жрецов дали понять «народному духу» (в лице Чалмаева), что никакому «слову Христову» они свой секулярный храм уступать не намерены. То было, по сути, объявление войны между каноническим марксизмом и диссидентской Правой. И не удивительно: молодогвардеец и впрямь перевернул все общепринятые тогда представления с ног на голову.

Битвы и патриархи

Начнем с того, что он напрочь игнорировал священную для жрецов пропасть между СССР и царской Россией. Никакие революции, включая Октябрьскую социалистическую, историческими вехами для него не были, только великие битвы, в которых мужал и зрел, готовясь к наступающей последней битве, «русский дух». От Чудского озера, где князь Александр разгромил тевтонов, до Куликова Поля, где князь Димитрий разгромил татар, от Полтавы, где Петр I разгромил шведов, до Бородина, где Кутузов разгромил французов, от Сталинграда, где Сталин разгромил немцев, до... до неведомого еще, но неизбежного грядущего Сталинграда.

«Это, – поучал Чалмаев, – и есть история народа, который шел от одних форм государства и общественного сознания к другим, более прогрессивным». И вела его в этом триумфальном шествии от победы к победе вовсе не классовая борьба, которой это было по марксистскому штату положено, и не великие революционеры, а совсем другие люди. Чалмаев

подробно рассказывал о них читателям. «Современный молодой человек, – писал он, – может, вероятно, быть удивлен тем обстоятельством, что в исторических романах последних лет такое большое место вновь заняли цари, великие князья, а рядом с ними, но никак не ниже их, патриархи и другие князья церкви, раскольники и пустынножители».

И разъяснял, что именно «поэтичнейший» патриарх Никон, и «патриот-патриарх» Гермоген и прочие князья церкви как раз и воплощали «духовные силы» русского народа, его «огненные порывы и мечты», из которых он и «выплавляет основу для государственных подвигов». Весь славянофильский набор, одним словом. В очень, правда, примитивном исполнении, но узнаваемый. К этому, естественно, добавлялось, что «великая страна не может жить без глубокого пафоса, без внутреннего энтузиазма, иначе ее захлестывает дряблость, оцепенение». Выглядело, как намек на брежневское безвременье? Похоже. Но Чалмаев так был увлечен своей находкой «битв и патриархов», что продолжал сломя голову ее развивать. И приходил к совершенно неожиданному – для тех, конечно, кто не знаком со славянофильскими химерами – выводу (а многие ли в СССР были с ними знакомы?).

Поскольку, говорил он, сам носитель истории, Народ, лишь «один раз в сто лет выходит на Полтавскую битву или Сталинградское противостояние», то должен же кто-то в промежутках между битвами позаботиться о его «внутреннем энтузиазме». И лучших кандидатов для сохранения «глубокого пафоса» народа, чем цари и реформаторы церкви, Чалмаев не видел. Тем более – внимание! – что, «помимо временного, преходящего, есть и в усилиях Петра I, Ивана Грозного и в попытках реформаторов церкви нечто великое, вдохновляющее и нашу мысль». А именно «стремление видоизменить на благо родины **византийскую идею отречения от мира как главного подвига человека**».

А битвы тогда зачем? «Русификация духа» зачем? Для отречения от мира? Ну, зарпортовался человек. Запутался в плохо знакомом ему, но соблазнительном сюжете. Оппоненты, впрочем, на потустороннюю «византийскую идею» Чалмаева не повелись. Им довольно было того, что «Молодая гвардия» внезапно сменила приличествующий органу ЦК ВЛКСМ бодрый комсомольский пафос вроде «А ну-ка, девушки!» на мрачную церковную риторику.

И грянул бой...

Режим ответил на вызов – не только градом негодующих статей, но и рядом суровых акций, предпринятых Отделом пропаганды ЦК партии. И даже, по слухам, специальным заседанием Секретариата ЦК, посвященным «чалмаевщине» (такой вот явился в обороте термин, применялся для идеологических проработок). И будто бы сам Брежнев на этом заседании пожаловался, что когда бы ни включил он телевизор, только и слышал что колокольный звон, только и видел что церковные купола: «В чем дело, товарищи? В какое время мы живем? До революции или после?». Режим, понятное дело, ответил также увольнением главного редактора «Молодой гвардии» Никонова. Но...

Но ничего по сути не переменилось. Гора родила мышь. Никонов, правда, назначен был, словно в насмешку, главным редактором космополитического журнала «Вокруг света» (в том же издательстве «Молодой гвардии», только

этажом выше). На его месте, однако, оказался его бывший зам. А. С. Иванов, тоже страстный покровитель Чалмаева. Терпение Брежнева продолжали испытывать колокольным звоном и церковными куполами. И «чалмаевщина» в прозе и поэзии продолжала царить на страницах «Молодой гвардии». Мало того, начал выходить еще один журнал того же «патриотическо-го» направления – «Наш современник», и его главный редактор С. В. Викулов нисколько не скрывал своей «чалмаевской» ориентации. И «Молодая гвардия» осмелилась контратаковать оппонентов. И влиятельные журналы «Москва» и «Огонек» ее поддержали. Слишком серьезная, как мы еще увидим, оказалась у молодогвардейцев «крыша».

Короче, происходило вокруг «чалмаевщины» нечто неслыханное. Беспрекословно послушная, десятилетиями работавшая без перебоев грозная идеологическая машина вдруг забуксовала. Отдел пропаганды ЦК оказался бессилён обеспечить выполнение резолюции Секретариата ЦК. Слово в каком-то кафкианском мире, Отдел культуры того же ЦК нагло утверждал, что никакой такой резолюции вообще не существует. В двух словах, обычного сурового партийного возмездия не получилось. Вместо него возник дряблый, визгливый, затянувшийся на годы скандал между двумя отделами на самом верху. Короче, выход на историческую сцену русского национализма («русофильства», как это тогда называлось) обнаружил неожиданное: неладно что-то в Датском королевстве.

Поражение марксиста

В хоре марксистских голосов, атаковавших «чалмаевщину», не мог не выделяться голос либерального «Нового мира». На протяжении полутора десятилетий доблестно стоял он против ортодоксально-сталинистского «Октября», ну, чтоб понятно было читателям, родившимся позже, что-то вроде того, как стоит в наши дни «Эхо Москвы» против сегодняшнего, скажем, НТВ (и прочего казенного ТВ). Но, поистине, «смешалось все в доме Облонских», когда на горизонте появилась черная туча русофильства. Вместо доброй старой вражды, привычной, как ежедневная газета, непримиримые оппоненты очутились вдруг

по одну сторону баррикады. Совершилось, казалось бы невозможное: «Новый Мир» Александра Твардовского, оплот либеральной России, заговорил вдруг одним языком с «Октябрем» Всеволода Кочетова (чтобы было понятней, Кочетов играл тогда такую же примерно роль, как сегодня Дмитрий Киселев).

Еще совсем недавно Твардовский опубликовал солженицынские «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор», печатал язвительные статьи Андрея Синявского и несокрушимо, как одинокий утес либерализма, стоял посреди бушующего океана реакции. И вот, пожалуйста, разразился его «Новый мир» в апреле 1969 года сверхортодоксальной статьей Александра Дементьева, которую и сам Кочетов не отказался бы опубликовать в «Октябре».

Не скрою, мои воспоминания об этом эпизоде окрашены личной обидой. В «Новом мире» лежала тогда (и даже была одобрена на уровне отдела) и моя статья против «чалмаевщины». Спокойная статья, историческая, ироничная – в духе дискуссии о роли славянофильства в русской истории, которую затеял я в том же 1969 году в академическом журнале «Вопросы литературы» (я открывал эту дискуссию в майском номере большим

А. Т. Твардовский

В. А. Кочетов

эссе «Загадка славянофильской критики» и завершал «Ответом оппонентам» в декабрьском, кстати, живого места не оставив от того же Дементьева (хоть и состоял он первым заместителем Твардовского, марксистом он был на удивление кондовым).

Смысл моей статьи, предложенной «Новому миру», был тот же, что и в дискуссии: славянофильство уже имеет на своем счету одну «потопленную» им российскую империю. Дайте ему волю, «потопит» и другую. В ядерном веке, балансирующем на грани самоуничтожения, «византийская идея отречения от мира как главного подвига человека» не лучший способ воспитания солдата, который завтра может оказаться в шахте с ядерной ракетой. Об остальном читатель должен был догадываться сам: таков был закон эзоповского языка, на котором мы тогда общались.

Важно для нас во всем этом лишь то, что либеральным ответом «чалмаевщине» могла моя статья стать убийственным, а серьезных неприятностей журналу не принесла бы, как не принесла их дискуссия «Вопросам литературы». Но руководство «Нового мира» решило иначе. Возможно, потому, что после скандала с Синявским (все-таки любимый автор журнала отбывал срок в мордовских лагерях за антисоветские рассказы, напечатанные вдобавок за рубежом, и «октябристы» вдоволь над ним за это поиздевались), решили продемонстрировать что тоже любят Софью Власьевну – так на либеральном жаргоне называлась тогда советская власть. А возможно потому, что уж очень настаивал Дементьев, все-таки первый зам. Так или иначе, мне статью вернули без объяснения причин, а кондовый опус Дементьева на беду свою опубликовали.

Опус был разоблачительный. В нем были все необходимые с точки зрения марксистской риторики слова: «Чалмаев говорит о России и Западе скорее языком славянофильского мессианизма, чем языком наших современников... В основе современной борьбы “России” и “Запада” лежат не национальные различия, а социальные, классовые, борьба мира социализма с миром капитализма... От статьи Чалмаева один шаг до идеи национальной исключительности и превосходства русской нации над всеми другими, до идеологии, которая несовместима с пролетарским интернационализмом... Смысл и цель жизни

по Чалмаеву, не в материальном, а в духовном, что является помехой на пути к материальному и духовному развитию советского народа». И все в таком духе.

И звучала эта железобетонная фразеология, хоть и тривиально, но неуязвимо. Один лишь промах допустил Дементьев. Такой, казалось бы, ничтожный промах, что посторонним взглядом его и не заметишь. В огромной статье, полной стандартных марксистских заклинаний, затесался крохотный абзац, которым Дементьев обрек себя – себя, а не Чалмаева, «Новый мир», а не «Молодую гвардию» – на заклятие. Вот этот абзац: «В. Чалмаев и М. Лобанов указывают на опасность чуждых идеологических влияний. Устоим ли мы, например, перед соблазном “буржуазного благополучия”? В современной идейной борьбе соблазн “американизма” нельзя преуменьшать – утверждает Чалмаев. Правильно. Однако и преувеличивать тоже не надо. Советское общество по самой своей природе не предрасположено к буржуазным влияниям».

Ну и что? – спросит неискушенный современный читатель. В чем крамола-то? Подумать только, «Новому миру» Твардовского сошла ведь с рук и действительная крамола: публикации Солженицына, которого к тому времени иначе, как «литературным власовцем» и Солженицером, уже в советских СМИ и не называли. Пережил более или менее благополучно и скандал с Синявским. Все пережил. Несокрушимо стоял, казалось. И вдруг пал. Из-за чего? Из-за какого-то вполне невинного абзаца в безупречно марксистской статье, защищавшей чистоту идеологических риз партии?

И ведь, действительно, пал. Твардовский, поставленный перед ультиматумом (потребовали уволить всех его заместителей), предпочел подать в отставку. И кончился старый «Новый мир». Представьте для сравнения внезапное крушение «Эха Москвы». Как все это произошло и какую усмотрели крамолу в дементьевском абзаце беспощадные оппоненты, – в следующей главе. Сейчас скажу лишь, что накал идеологических страстей в постсталинском СССР не уступал, пожалуй, сегодняшнему.

ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ

Внешне история падения «Нового мира» Твардовского выглядит просто. В «Огоньке» (№ 30, 1969) напечатан был публичный донос «Против чего выступает “Новый мир”?», подписанный одиннадцатью писателями-тяжеловесами (то есть это по меркам литературы социалистического реализма они считались тяжеловесами – сегодня едва ли кто-либо вспомнит их имена. Ну, кто сейчас помнит Виталия Закруткина или Сергея Малашкина? История – жестокая вещь: одни имена она хранит, другие хоронит: Она – тест, если хотите, на подлинность таланта). Органы, контролирующие идеологическую жизнь страны, отделы пропаганды и культуры ЦК КПСС, на столь весомую жалобу отреагировали – и приняли соответствующие меры. Так это выглядело на канцелярском языке.

Сказано было в этом коллективном доносе следующее: «Вопреки усердным призывам А. Дементьева не преувеличивать опасность чуждых идеологических влияний, мы еще и еще раз утверждаем, что проникновение к нам буржуазной идеологии было и остается серьезнейшей опасностью и может привести к постепенной подмене понятий пролетарского интернационализма столь милыми сердцу некоторых критиков и литераторов, группирующихся вокруг «Нового мира», КОСМОПОЛИТИЧЕСКИМИ ИДЕЯМИ» (выделение мое. А. Я.). Вообще-то коллективные письма не только

С. Н. Семанов

в ту пору не поощрялись, но строжайше наказывались. Но этому доносу в порядке исключения был дан ход. Результатом был роковой ультиматум Твардовскому.

И не удивительно. Произнесено было магическое слово «космополитизм». И человеку, знакомому с расстановкой сил в советском идеологическом истеблишменте, просто знающему, кто есть кто, это тотчас объясняло, на какой основе смогли объединиться такие разные люди, как редактор ортодоксально-сталинистского «Огонька» Анатолий Софронов с редактором националистического «Нашего современника» Сергеем Викуловым. Объясняло оно также, почему так долго мог держаться против сталинистских ортодоксов «Новый мир». Разгадка оказалась незамысловата.

Консолидация правой оппозиции

Со времен хрущевской «оттепели» сталинисты со своими идеями борьбы с «космополитизмом» и идеологической ересью, со своим убеждением что Победой страна обязана единственно организаторскому гению Вождя, оказались в изоляции. А. Н. Шелепин, бывший первый секретарь ЦК комсомола (в 1952–1958) и бывший председатель КГБ (в 1958–1961), попытался было в союзе с председателем Идеологической комиссии ЦК Л. Ф. Ильичевым взять реванш уже в 62-м году, немедленно после того, как стал членом Политбюро, – натравив Хрущева на либеральную интеллигенцию и писательскую молодежь. Но развить успех ему не удалось. Хотя он и принимал активное активное участие в устранении Хрущева два года спустя, лавры достались не ему, а правоцентристу Брежневу с его «днепропетровской мафией».

Как жаловался впоследствии В. Е. Семичастный, преемник Шепелина как во главе ЦК комсомола, так и во главе КГБ, «доходило почти до абсурда: у Косыгина было пять заместителей – все из Днепропетровска. Так была реализована ходившая по Москве шутка о новой периодизации русской истории: был период допетровский, потом петровский, а теперь – днепропетровский». Комсомольская и кагебешная компания, которую привел с собой Шелепин, осталась не у дел. Решающий удар

нанес им к тому же маршал Г. К. Жуков, без обиняков обвинивший Сталина в несчастье 1941 года. Пытавшиеся оспорить Жукова мемуары маршалов Конева, Баграмяна и Голованова, опубликованные, естественно, в «Октябре» и в «Молодой гвардии», оказались бессильны против этого страшного приговора живой легенды великой войны.

В этой ситуации попытка Шелепина сместить Брежнева в 1967-м выглядела уже актом отчаяния. Сталинистская группа в руководстве страны была разгромлена, разслана по границам, первый секретарь Московского комитета партии Н. Егорычев послом в Данию, председатель Гостелерадио Н. Месяцев – в Австралию, завотделом ЦК КПСС В. Степаков – в Югославию, сам Шелепин брошен на профсоюзы. Короче, сталинистам срочно требовалась подмога, свежая кровь: в одиночку свалить Твардовского они не могли. С другой стороны, Русской партии, только-только заявившей о своем вхождении в политическую жизнь страны, требовалось стать законной частью идеологического мейнстрима, и только сталинисты могли обеспечить ей легитимность. Промых Дементьева дал им повод объединиться, воскресив полузабытую со сталинских времен мантру «космополитизма».

О двух «мифологиях»

Таков был фон, позволивший консолидированному отныне правому крылу советской политики свалить Твардовского. Разобраться в том, как конкретно эта консолидация происходила, поможет нам уже упоминавшаяся книга Николая Митрохина «Русская партия. Движение русских националистов 1953–1985». Автор бросил вызов обоим основным описаниям внутренней жизни постсталинского СССР: как тому, что назвал он «либеральной мифологией», так и «мифологии националистической». Первую представляет он так: «Союз «хороших людей» (я назвал их в первой части книги русскими европейцами), объединенных еще в 1960-е слоганом «возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть поодиночке», скрепленный десятилетиями совместного сидения на кухне, туристическими походами и машинописными листочками

ахматовского “Реквиема”, казался его участникам единственной идейной силой в стране».

Между тем, продолжает Митрохин, вовсе не так обстояло дело. Параллельно с либеральным, существовало в СССР и движение русских националистов. И «представляло оно собой хорошо организованное сообщество единомышленников, способных пропагандировать свои взгляды не только в творческих союзах, но и в аппарате власти. Оно пользовалось покровительством членов Политбюро, в него входили десятки сотрудников аппарата ЦК КПСС». Одним словом, та самая «крыша», о которой я говорил. Так разоблачает автор «либеральную мифологию». Но куда больше достается от него мифологии националистов: «Их жесткая антисемитская направленность, возможно, удивит тех, кто полагает, что русские националисты были озабочены исключительно сохранением культурного наследия русского народа, борьбой за экологию или пропагандой «духовности».

Нет спора, антисемитизм, унаследованный посталинской Русской партией от третьего дореволюционного поколению славянофильства (по сути, и Сталин принадлежал к тому поколению, и едва ли можно усомниться, что именно атмосферу своей молодости и воспроизвел он в Москве середины XX века, когда оказался полностью в плену своей паранойи), был ее неизменным признаком, своего рода баджем, по которому отличали они «своих». Но все-таки этнонационализмом, к которому в конечном счете свел Митрохин характеристику Русской партии, действительная ее функция в политической жизни постсталинского СССР даже отдаленно не исчерпывались. Ядром ее были консервативные альтернативы, которые противопоставляла она брежневскому статус кво. И режим отлично это понимал. И совсем не случайно бил поочередно то по либералам, то, как мы скоро увидим, по националистам.

О самом существовании националистической оппозиции постсталинскому режиму я рассказал еще за четверть века до Митрохина в книге «The Russian New Right» (Беркли, 1978). Его преимуществом, однако, были полсотни очень откровенных интервью, которые провел он в перестроечные времена как с командирами, так и с солдатами Русской партии,

представившись «сочувствующим». Меня за сочувствующего принять они никак не могли уже со времен моей диссертации 1970-го о вырождении русского национализма.

Тактика молодогвардейцев

Одним из самых красноречивых собеседников Митрохина был Сергей Семанов, своего рода серый кардинал Русской партии, редко появлявшийся на поверхности, но превосходно осведомленный обо всем, что в ней происходило. Вот ключевой отрывок из его исповеди: «“Молодая гвардия” свою главную ставку делала на просвещение верхов (точнее, “подверхов”). Здесь была обширная и благоприятная среда: все, кто не сподобился жениться брежневским образом (жену Брежнева почему-то подозревали в еврействе, иначе они не могли объяснить его равнодушие к “русскому делу”), и не облучен влиянием “премудрых” (опять же, конечно, евреев), то есть громадное большинство правящего сословия оказались чрезвычайно восприимчивы к идеям народности, порядка, традиционности, неприятия всякого рода разрушительного модернизма... Большинство русской интеллигенции в 1970-е оставалось так или иначе в русле космополитического либерализма, [Поэтому] основной наш адресат в ту пору был политически правилен: минуя основные круги интеллигенции, мы обращались к средним слоям Партии, а также Армии и Народа».

«Подверхами» именовались, допустим, помощник Генерального секретаря В. А. Голиков, помощник Сулова В. В. Воронцов, помощник секретаря ЦК по идеологии, а потом министра культуры Демичева Г. Г. Стрельников (Илья Глазунов, говорят, даже прятал у Стрельникова запрещенный националистический самиздат, например, журнал «Вече», о котором мы еще поговорим подробно), помощник члена Политбюро Воротникова Г. М. Гусев, а также заведующие отделами ЦК В. Ф. Шауро (культуры), и С. П. Трапезников (науки и учебных заведений).

Это была надежная «крыша». Она могла спустить на тормозах кампанию против «чалмаевщины». Могла помочь легитимизировать молодогвардейцев, помирив их со сталинистами, могла даже, как мы видели, свалить Твардовского. Но она не была

всесильна. И «Молодая гвардия» тотчас убедилась в этом, когда, окрыленная успехом, взорвала в 1970-м третью бомбу.

Тот же Сергей Семанов в статье «О ценностях относительных и вечных» сделал еще один смелый шаг навстречу сталинистам (чтобы отблагодарить их, надо полагать, за поддержку в сокрушении Твардовского). Статья предназначена была закрепить завоевания «чалмаевщины». И потому полна была, конечно, од «национальному духу» и песнопений «традиционным ценностям». И, конечно же, доносов на «новомирскую» интеллигенцию. Например, таких: «Литераторы и публицисты аллюзионного способа письма гnevаются совсем не на Ивана IV, обличают отнюдь не Николая I, а прикрываясь всем этим псевдоисторическим реквизитом, метят свои обличительные молнии – чаще намеком, а иногда и напрямую – совсем в другие эпохи, иные социально-политические отношения». Я надеюсь, смысл доноса понятен современному читателю: речь о знаменитом в ту пору «эзоповском языке».

Само собою Октябрьская революция объявлялась «русским национальным достоянием», генералиссимус Сталин – творцом русской Победы, а первым грехом троцкизма – «глубочайшее

А. В. Софронов

С. В. Викулов

отвращение к нашему народу, к его традициям, к его истории». Подловато у Семанова было все. Но главное было все же в другом.

Главным было беспрецедентное утверждение, что «перелом в деле борьбы с разрушителями и нигилистами произошел в середине 1930-х годов, именно после принятия сталинской конституции все честные трудящиеся нашей страны отныне и навсегда оказались слитыми в единое и монолитное целое». После хрущевских разоблачений на XX съезде, после солженицынского «Ивана Денисовича» эпоха, о которой говорил Семанов, эпоха «черных воронок» и тотального террора, была рекомендована к забвению. Даже в официальной историографии она знаменовала «ежовщину» и «избиение партийных кадров». И вот Семанов публично объявил эту черную-черную не только для «основных кругов интеллигенции», но и для правящей партии и для самой тайной полиции – светлым торжеством «национального духа», началом «монолитности нашего народа».

То была поистине медвежья услуга сталинистам. Объявляя, что «эти перемены оказали самое благоприятное влияние на развитие нашей культуры», Семанов, конечно, ревизовал решения XX съезда и пытался реабилитировать Сталина. Намерения его, с точки зрения сталинистов, были наилучшими. Но исполнение было чудовищное. Одно дело, согласитесь, романтическая, так сказать, наполеоновская легенда о «нашем генералиссимусе» и совсем другое – благословение массового истребления партийных кадров, «стабильность» которых лежала в основе политики правящей правоцентристской фракции советского истеблишмента во главе с Брежневым. Такова была настоящая «партийная конституция» постсталинского СССР. Центральным ее пунктом было «своих не убивают!». Говорят, что когда спросили Хрущева, уже отставленного, уже опозоренного, каким было главное его достижение, он ответил: «Меня не расстреляют».

Именно так – как нарушение сакрального табу – была воспринята наверху очередная диверсия «Молодой гвардии». И тут никакие «подверхи» помочь уже не могли: Семанов нечаянно сдал Отделу пропаганды ЦК козырного туза. С его точки зрения, ситуация была предельно ясна. Когда подставился «Новый мир» (со статьей Дементьева), ударили по либералам,

теперь подставилась «Молодая гвардия» – и пришло время ударить по правым. И ожидаемый удар был нанесен. Припомнили им и «чалмаевщину», все припомнили: заклеянная Лобановым «дипломированная масса» тоже была злопамятна.

Читатель должен знать, что журнал «Коммунист» никогда не повторял сказанного дважды. Он не читал нотаций и не делал выговоров. Он произносил приговор – окончательный и обжалованию не подлежащий. В данном случае приговор гласил: «Статья В. Чалмаева «Неизбежность» обратила на себя внимание прежде всего беспрецедентным внесоциальным подходом к истории, смешением всего и вся в прошлом России, попыткой представить в положительном свете все реакционное, вплоть до высказываний таких архиреакционеров, как Константин Леонтьев». Это звучало для Чалмаева как погребальный колокол. Но дальше взялись за журнал: «подобного рода авторам, выступавшим преимущественно в журнале “Молодая гвардия”, следовало бы прислушаться к тому рациональному, объективному, что содержалось в критике статьи “Неизбежность” и некоторых других, близких к ней по тенденции. К сожалению, этого не произошло. Более того, отдельные авторы пошли еще дальше в своих заблуждениях, забывая прямые ленинские указания по вопросам, о которых взялись судить».

Пользы от таких выволочек было ноль. Ни либералы, ни националисты не перестали бы думать так, как они думали, следуя «прямым ленинским указаниям». И пришедший в «Новый мир» после отставки Твардовского новый главный редактор В. А. Косолапов тоже был либералом, и пришедший в «Молодую гвардию» после увольнения Никонова А. С. Иванов тоже был националистом. Но таков был ритуал. Более того, такова была логика центристского режима: крайности обоих флангов должны были знать свое место. Всем сестрам по серьгам. Впредь будут осторожнее.

ДРАМА ЖУРНАЛА «ВЕЧЕ» • Часть первая •

У нас уже была возможность упомянуть в начале этой, советской, части книги, что у Николая Митрохина, автора «Русской партии», при всей бесценной уникальности его исследования, не всегда сходятся, так сказать, концы с концами. Относится это, например, и к незаслуженно пренебрежительному его отношению к либеральной оппозиции режиму, к движению, я бы сказал, русских европейцев. Я цитировал, в частности, его иронический отзыв о них как о «союзе хороших людей, скрепленном... десятилетиями совместного сидения на кухне».

На самом деле именно с самоотверженностью этих «хороших людей» связаны самые яркие оппозиционные события той поры, начиная от демонстрации героической семерки, протестовавшей на Красной площади против вторжения в Чехословакию «За вашу и нашу свободу!» до публичного выступления Андрея Сахарова против вторжения в Афганистан

Амур. На том берегу – Китай

и до ночного бдения тысяч людей 20 августа у Белого дома во время путча, когда на улицах Москвы были танки и никто не мог предсказать, чем эта роковая ночь окончится. Ничего подобного этому не продемонстрировала оппозиция националистическая.

Понятно, конечно, что автору, посвятившему свою работу именно этой националистической оппозиции, обидно, что большинство мемуаристов, вспоминая советские времена, «находились во власти мощного и устойчивого мифа – о том, что либералы (к которым причисляют и участников диссидентского движения) в советском истеблишменте были **единственной** оппозицией существующему режиму». (Выделено мной. А. Я.). Нет спора, мемуаристы ошибаются. И грубо. Но можно ли, с другой стороны, сбрасывать со счета и то, что постсоветский «Февраль» (т. е. преобладание либеральных тенденций в обществе над националистическими) продолжался все-таки, в отличие от 1917, не десять месяцев, а десять лет (!)? И произошло это из того самого «совместного сидения на кухне», над которым так неуместно иронизирует Митрохин.

О другой нестыковке в его «Русской партии» мы тоже мимоходом упоминали. Не сводилась все-таки политика этой «партии» к ее этнонационалистической составляющей, к антисемитизму и ксенофобии, как склонен думать автор. Даже молодоговардейцы, как мы видели, выдвинули свои альтернативы брежневскому режиму, не говоря уже о ВСХСОН. Уже мой покойный друг Андрей Амальрик различал национализм малых народов, который действительно исчерпывается этнической неприязнью, и национализм народов имперских. Вот как выглядело это в его «Записках диссидента» (1982): «Национализм малых народов понятен как средство защиты своей культуры, хотя и в этих случаях он иногда принимает отталкивающие формы. Но национализм великой нации средство не защиты, а давления – и внутри и вовне».

Самое важное здесь, пожалуй, вот что. Россия, в отличие от империй западных, была континентальной империей, ее завоевания располагались не где-то за морями, а по соседству. И, хотя, как во всех империях, заботой ее был вечный страх перед тем, что завоеванные соседи в один прекрасный день

потребуется независимости, в распоряжении русского имперского режима было, в отличие от западных заморских империй очень эффективное средство для предотвращения такого безобразия. Средство было такое. ОТОЖДЕСТВИТЬ в сознании своего народа любое имперское приобретение с собственной СТРАНОЙ. И правители так долго убеждали в этом тождестве других, что в конце концов и сами в него поверили.

Я цитировал в первой книге искреннее недоумение Александра II: «Поляки хотят независимого государства, но ведь это означало бы распад СТРАНЫ». Царские генералы выиграли для большевиков Гражданскую войну потому, что видели в них «собираателей» распавшейся СТРАНЫ. Когда Горбачев уговаривал в 1990-м литовцев не отделяться от СССР, аргумент у него был тот же, что у императора Александра: «Вы же развалите СТРАНУ». Когда Путин объявил распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века», что понимал он под этим: отпадение от России ее имперских приобретений или распад СТРАНЫ? Конечно же, распад страны.

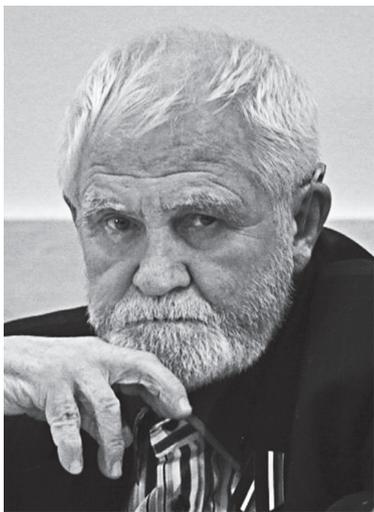
Для всех них, как и для царских генералов, это тождество разумелось само собой. Они впитали его с молоком матери. И оно было самым замечательным историческим достижением режима Российской империи. Ибо поставило на службу его имперским вожделям всю мощь истинного патриотизма, любви к отечеству. Когда б не эта путаница, Российская империя исчезла бы, скорее всего, еще в 1918 году, как исчезли ее соседки, такие же, как она континентальные империи: Оттоманская и Австро-Венгерская.

Но путаница оказалась живучей: овладев массами, идея «распада СТРАНЫ» стала, прав был Маркс, материальной силой, тяжелой идейной артиллерией, легко сокрушающей все фортификации, освободителей России от «империи зла». Горбачев и Ельцин, говорят «патриоты», предали СТРАНУ. И разве не из той же оперы сегодняшняя антиукраинская истерия?

Мой наставник Владимир Сергеевич Соловьев (читателю, знакомому с первой книгой, нет нужды напоминать, кто был этот человек «с печатью гения на челе») учил нас, что патриотизм столь же естественен и могуществен, как любовь

к родителям или к детям. И еще учил он нас, как легко превращается тот же патриотизм, направленный вовне, в этнический, племенной национализм (вспомните знаменитые «патриотические истерии», о которых мы подробно говорили в первой части книги и которые в конечном счете погубили петровскую Россию). И самое главное, учил нас Соловьев тому, как распутать эту старинную путаницу, как ОТДЕЛИТЬ патриотизм (и этноистерию) от имперского национализма, ведущего страну к деградации. Усвоили ли мы его уроки, судить читателю.

Поэтому, собственно, и не устраивает меня ударение на этнонационализме в «Русской партии» Николая Митрохина. В конце концов, сегодня в России 53 националистические организации – многие из них именуют себя партиями – и только семь из них, сколько я знаю, пасутся исключительно на этнической поляне («Черная сотня», «Национал-социалистическая партия России», «Национально-державная партия России», «Русское национальное единство, Гвардия Баркашова», «Союз православных хоругвеносцев», «Народное движение им. Минина и Пожарского» и запрещенное ДПНИ). Эти да, они только и живы тем, чтоб поднять Русь против Москвы, наводненной

В. Н. Осипов

Н. Я. Данилевский

евреями и «черными». Но остальные-то 46 еще и предлагают какие-то альтернативные программы преобразования страны, хотя бы такие, как предлагал ВСХСОН, или, как мы сейчас увидим, «Вече», и программы эти как-то отличаются друг от друга (зачем иначе кучковаться в отдельные партии?). Но ведь так же, пусть и не столь разнообразно, обстояло дело и в СССР. И тогдашние программы тоже требуют изучения.

Но главный, сколько я могу судить, недостаток «Русской партии» Митрохина все же в другом: в книге практически отсутствует различие между «системной» и диссидентскими фракциями «Русской партии» – как подцензурной (молодогвардейцы), так и нелегальными, подпольными. Из одиннадцати глав книги лишь одна посвящена диссидентам, да и та называется «Самиздат русских националистов». Важно это, между прочим, еще и потому, что: настоящую цену за «ляп» Семанова и удар власти по национализму заплатили вовсе не «Молодая гвардия» и тем более не их вельможная «крыша», но именно националистические нелегалы. В конце концов Никонов всего лишь переместился в кресло главного редактора «Вокруг света», а главный редактор «Вече» Владимир Осипов – «переместился» в мордовские лагеря. На восемь лет. А теперь об Осипове и «Вече».

Общее представление

Толстый общественно-политический журнал – это в старинной русской, в том числе и в советской, традиции. Но толстый машинописный диссидентский журнал – с фамилией и адресом редактора на обложке – более или менее свободно распространявшийся в СССР почти четыре года, – это, согласитесь, явление феноменальное. Конечно, «Вече» объявил себя органом «лояльной оппозиции». И вполне резонно это обосновал: «Мы должны убедить Администрацию, что существование лояльной оппозиции не во вред, а во благо государству». Во благо по следующим причинам:

- А. «Лояльная оппозиция – защита от расплывшейся бюрократии, от самочинства которой сами вожди страдают не меньше трудящихся.
- Б. Она предохраняет от единоличной диктатуры».

«Вече» под редакцией Владимира Осипова выходил с января 1971 до марта 1974 года, когда редакция раскололась. В том же 74-м Осипов был арестован (и в следующем году осужден). Так закончилась недолгая эпопея «Вече». Но не в том была его драма, приведшая в конце концов к расколу редакции. Была она, как я это вижу, в замечательной, но безуспешной попытке группы русских национал-либералов удержать своих читателей от повторения судьбы дореволюционных славянофилов, т. е. от деградации в черносотенный национализм.

С этой целью подвергнуты были в журнале подробному анализу и актуальной интерпретации такие светила дореволюционного национализма, как Николай Данилевский, Константин Леонтьев, Михаил Скобелев, глубоко и основательно исследованы экологические, архитектурно-градостроительные, этнографические и литературные проблемы страны. И вообще самиздатский «Вече» – это почти 2000 страниц очень серьезного текста, и у меня нет здесь решительно никакой возможности сколько-нибудь подробно его исследовать. Скажу лишь, что совершенно не разделяю иронию Митрохина, который не только не выделил «Вече» из ряда рутинных диссидентских и молодогвардейских националистических публикаций тех лет, но и надсмеялся над его «псевдоисторическими экзерсисами».

Нет спора, Осипов и многие из его товарищей были НАЦИОНАЛ-либералами, другими словами, нисколько не отвечали общепринятым представлениям о либерализме, скорее, разделяли идеи имперского национализма. Но их стремление к свободе не подлежит сомнению. И ни конформистами, ни черносотенцами они не были. И потому исторические очерки, опубликованные в «Вече», безусловно, заслуживали серьезного рассмотрения.

В поисках альтернативы

Тот же ряд исторических событий, что привел в конечном счете Брежнева к политике «разрядки напряженности» с Западом (визит Никсона в Пекин, опасное сближение Китая и США),

вынудил и национал-либералов искать альтернативу этой политике «примирения» с Западом. В интервью С. Браунингу, корреспонденту АП, Осипов сформулировал это вполне ясно: «Перед лицом надвигающейся угрозы со стороны коммунистического Китая и непрекращающейся вражды космополитического Запада русское общество не должно оказаться идеологически немощным».

Острые молодогвардейской критики направлено было, как мы видели, против «американизации духа». Мировая драма, которую они описывали, сводилась к спасению человечества (в первую очередь, конечно, его единственной надежды – России) от убийственных произведений этого «духа» – «искусства буржуазного благополучия» и «вседозволенности». И России с ее «нравственной самобытностью» отводилась в этой драме роль активная, спасающая, мессианская, если хотите. Китайской угрозе в этой по своему стройной картине не было места: меньше всего напоминал Китай об «искусстве буржуазного благополучия» (тем более во времена Мао).

Картину требовалось переписать. Но как это сделать? Выработка идейной альтернативы – дело непростое. Оно требовало интеллектуальной мощи, которой молодогвардейцы с их филиппиками против «американизации духа» и тем более ВСХСОН с его «теократией», очевидно, не располагали. Тут нужна была именно «образованщина», беспощадно высмеянная Солженицыным, т. е. интеллигенция, традиционно находившаяся в России в оппозиции к режиму. И редакция «Вече» состояла, пусть из «патриотически настроенных», но интеллигентных людей – большая, между прочим, среди «патриотов» редкость.

Задача, стоявшая перед ними, осложнялась тем, что «Вече» с самого начала обещал не заниматься политикой. Пришлось соблюдать правила игры, которая, впрочем от века практиковалась и во вполне легальных, даже академических журналах и была в них за столетия доведена «образованщиной» до филигранной тонкости. Говорили о сегодняшнем дне, притворяясь, что речь о днях минувших. Я сам много лет этим занимался – и в «Новом мире», и в «Вопросах философии», и в «Вопросах литературы», и даже в ЛГ (то бишь в «Литературной газете»).

Называлось это эзопов язык. Теперь понятно, почему «Вече» с такой охотой печатал исторические очерки?

Очерк «Роль Н. Я. Данилевского в мировой историософии» был центральным в журнале. Слишком много не поймем мы в истории русской националистической мысли без разговора о Данилевском. В кругах русских националистов он фигура и сегодня знаковая. Не устают намекать, что именно его идеи сделал всемирно известными в XX веке Освальд Шпенглер в своем «Закате Европы» (читай: позаимствовал их у русского титана мысли).

Вздор, конечно. Но то, что Данилевский был оригинальным мыслителем, прародителем не только русского панславизма, но в известном смысле и сегодняшнего Изборского клуба, это правда. Правда и то, что именно переинтерпретировав его столетней давности идеи, приспособив их к ситуации 1970-х, редакция «Вече», похоже, попыталась, подобно Солженицыну (вспомним его знаменитое «Письмо вождям»), вступить в диалог с вождями СССР. Но сначала о том, что предложил России и миру Данилевский.

Прародитель

А предложил он (в изложении «Вече», конечно, все цитаты, однако, из книги Данилевского) ни много ни мало, как забыть об «интересах всего человечества». И пуще всего остерегаться этой опасной, по его мнению, нелепицы, выдуманной космополитической Европой для собственного возвеличения: «Настоящая глубокая опасность заключается в воцарении общечеловеческой цивилизации». В представлении «Вече», это был убийственный удар по мессианским мечтаниям его подцензурных соперников-молодогвардейцев: спасать надо Россию, ибо нет никакого человечества и спасать в нем нечего.

А что есть? Есть отдельные «культурно-исторические типы» (или «локальные цивилизации», как модно именовать их в наши дни), имеющие между собой не больше общего, чем разные биологические виды, скажем, рыбы и ящерицы. Ядром каждой из этих цивилизаций являются «исторические нации», отличающиеся от неисторических тем, что «имеют свою

историческую задачу, свою национальную идею». И не могут между цивилизациями быть союзнические отношения, как не заключают между собою союзов те же рыбы и ящерицы. И вообще «око за око, зуб за зуб – вот закон отношений между государствами».

А нации-неудачницы, не имеющие «своей задачи», обречены оставаться лишь «этнографическим материалом» для исторических наций. Есть, впрочем, также нации, уже исчерпавшие свою историческую задачу и «умершие естественной смертью, старческой немощью». Примером таких «живых мертвецов» был для Данилевского Китай. И нелепая в силу своего евразийства Турция, которая, однако, противится превращению в «этнографический материал», не давая России исполнить свою историческую задачу. На пути к превращению в «живого мертвеца» находится и «гниющая» от вседозволенности Европа, поддерживающая тем не менее на плаву обреченную Турцию. Так выглядела в 1871 году общая картина мира по Данилевскому. Какие же политические выводы следовали из нее для современной ему России?

Во-первых, Россия должна стать достаточно сильной, чтобы не дать Европе еще раз помешать ей прикончить Турцию, как помешала во времена Крымской войны. Во-вторых, на развалинах Турции следует России «стать главой особой самостоятельной политической системы государств, служа противовесом всей Европе». Смысл этой гигантской «особой системы, протянувшейся от Адриатического моря до Тихого океана» в том, что она САМОДОСТАТОЧНА и в Европе не нуждается. В-третьих, следует после этого России запереться от Запада на сто замков, спокойно дожидаясь, пока космополитическая Европа «догниет» в своем Содоме, уподобившись «живому мертвецу» Китаю. И станет пригодной для освоения. На этом, надо полагать, можно было бы счесть «историческую задачу России» выполненной, ее «национальную идею» свершенной.

* * *

Как же намеревалась редакция «Вече» переинтерпретировать эту безнадежно архаическую (и довольно, признаться, отвратительную) стратегию? Могла ли такая стратегия служить

альтернативой разрядке напряженности с Западом в 1970-е? Могла ли она удержать «патриотические массы» от деградации в черносотенство, как рассчитывала редакция «Вече»? Где в ней, наконец, в этой стратегии, либерализм, о котором мы говорили (Данилевский, впрочем, представьте себе, тоже был национал-либералом)? Обо всем этом мы и поговорим в следующей главе.

Глава 8

ДРАМА ЖУРНАЛА «ВЕЧЕ»

• Часть вторая •

Первая часть нашего разговора о драме журнала «Вече» завершилась градом вопросов. Ответить на некоторые из них непросто. На иные, однако, не очень. Возьмем, допустим, такой: как сочетался национал-либерализм Данилевского (и, следовательно, «Вече») с отчетливо реакционной внешней политикой? Ответ несложен. Да, с общепринятой точки зрения, то, что реакционная внешняя политика предполагает и реакционный режим внутри страны – разумеется само собою. Потому, собственно, и трактуют западные историки Данилевского как «тоталитарного мыслителя». Западные историки не подозревают, однако, что наши национал-либералы исходят вовсе не из тех представлений о мире и особенно о России, которые общеприняты.

Например, из таких: «Политические требования русского народа в высшей степени умеренные, он относится к власти с полнейшей доверенностью». И если все-таки существует

Эпизод конфликта на о. Даманский. 1968 г.

в России политическая оппозиция, то причина тому чисто внешняя: «Все, что можно назвать партиями, зависит от вторжения иностранных и инородческих влияний». Это все Данилевский. И отсюда рекомендация правительству: закройте страну от иностранных влияний, элиминируйте инородческие – и увидите, что в России «противоправительственный интерес не существует». А раз так, то гласность и гражданские права будут не только безопасны для правительства, но очень даже полезны, ибо «отсутствие гласности и конституционных гарантий прав человека препятствует реализации национальных задач». Ну, кто после этого усомнится в либерализме Данилевского? Смысл, однако, вот в чем: чем больше изоляционизма, тем больше свободы. Скажем так: за железным занавесом правительство сможет позволить себе быть безупречно либеральным. Такая вот разгадка.

Картина мира

Следуя логике Данилевского, политическая вселенная «Вече» состоит из трех элементов. Для него это были Россия, Европа и Турция. Но подставьте на место «догнивающей» Европы Америку, а на место Турции – воскресшего «мертвеца» Китай, и вы получите точно ту же картину, что и столетие назад. Разница лишь в том, что Китай еще хуже Турции: он не только стоит у России костью в горле, но и угрожает затопить своим «людским морем» полупустую Сибирь (у меня нет ни малейших сомнений, что ужас перед этим «людским морем» был у редакции «Вече» абсолютно искренним. Один из авторов журнала признался мне однажды, что китайцы в Сибири сняты ему по ночам).

Какая же вытекала из этой картины мира стратегия? Да примерно та же, что и у Данилевского: не дать второму игроку помешать России прикончить третьего. Но с одной существенной поправкой: Данилевский не ожидал воскрешения Китая (более того, считал его невозможным) и потому забыл об уязвимости российского тыла. А «Вече» не только исправляет его ошибку, но и полагает, что «именно Сибирь могла бы спасти и свободу, и Отечество, и советские амбиции». Каким образом?

Исходная позиция: «нация, запертая в города, обречена на вымирание». В этом смысле у Запада нет шансов. Вымрет. Но для России, где «у каждого, если не мать, то бабушка крестьянка» не все потеряно. Она еще может превратить в гигантскую деревню – Сибирь. Кремлевские вожди пойдут на это лишь при одном условии: в преддверии тяжелейшей в русской истории войны укрепить тыл сражающейся армии. Но при своей бюрократической неповоротливости советский режим не сможет сделать это быстро. И вынужден будет позволить вольную колонизацию Сибири.

И тогда – фантазирует «Вече» – «миллионы энтузиастов, предводительствуемые лишенными должности священниками и лишенными работы инакомыслящими, двинутся на свободные земли». И превратят их в новую славянофильскую Атлантиду. Но и власть тоже выиграет от реставрации на просторах Сибири крестьянской православной России: такая Сибирь не только изолировала бы СССР от влияния западной городской вседозволенности: какой к черту космополитизм в деревне? Она создаст самый надежный тыл, жизненно необходимый России для неизбежной войны против Китая. Вот такую альтернативу предложил «Вече» гипотетическому «примирению» с Западом.

Бунт читателей

Нет слов, она была столь же наивной, утопической и бесперспективной, как и та, что предложил в «Письме вождям» Солженицын. Но, в отличие от солженицынской, она не требовала от Кремля отказа от идеологии (читай: от власти). Осипов понимал это превосходно. «Советский режим, – писал он, – органически не способен отречься от себя в угоду нравственным принципам. Уступки он сделает только при сохранении власти». При всем том читательская почта обнаружила вдруг, что «патриотическую» интеллигенцию, к которой обращался журнал, не волнуют ни Данилевский, ни гражданские права, пусть хоть за железным занавесом, ни угроза китайского «людского моря», ни сибирская фантазия как альтернатива «примирению» с Западом, ни вообще оппозиция режиму, пусть и лояльная. Ничего из того, что предлагал ему «Вече».

Так и спрашивал читатель: «Разве русский патриотизм несовместим с марксистско-ленинским учением? Разве не просили солдаты считать себя коммунистами перед тем, как отдать жизнь за Родину?». Интерес просыпался только, если дело касалось этнических проблем или ненависти к Западу. «Мы, русские, привыкли пасовать и робеть перед инородными хамами», – писал один. «Европа – неисправимая блудница, а Америка – ее безумнейшая прощальная ночная вахканалия», – писал другой. Были, впрочем, и вполне интеллигентные письма, но, увы, все с теми же обертонами: «Обратили ли вы внимание, что основателем всей западной философии был еврей Спиноза и корни материалистического направления в философии уходят в глубину еврейского характера?»

Короче, читательская аудитория «Вече» либо оставалась равнодушной, либо открыто бунтовала против его национал-либерального курса. Но чего уж редакция и вовсе не ожидала – это обвинения в предательстве нации. Ей даже пришлось нарушить в этом единственном случае свое собственное торжественное обещание печатать все без исключения читательские письма. Называлось отвергнутое письмо

«Критические заметки русского человека»

Главный его тезис был такой: «Лакмусовой бумажкой, которая выявляет патриотизм или предательство, является сионизм». Вот как развивает это «русский человек»: «Кто не против сионизма – тот против русских, против славянофилов, против всего честного, что есть на земле. И журналу, если он действительно хотел бы стать *русским и патриотическим*, а не предбанником инакомыслящих диссидентов, их бесплатным агентом, следовало уяснить, что во всей цепи проблем, стоящих перед русским народом, главным звеном является борьба с сионистским засильем».

А что делает «Вече», этот якобы русский журнал, «предоставляя свои страницы такому заклятому врагу России, как А. Сахаров?». Разве действительно патриотический журнал стал бы «перепечатывать заявления Сахарова, Шафаревича и прочей сионистствующей своры псевдоученых, воюющих

о свободе слова?». Разве не знают русские люди, что «на Западе, где этой свободы полно, печать монополизирована сионистами? Нет, уж лучше советская цензура, чем такая свобода!». Так кого же обманывает «Вече»? И зачем обманывает?

Совсем другая у «русского человека» программа для патриотического журнала. И он подробно ее излагает: «Публиковать материалы о никчемности научных работ сионистов-псевдочученых (такие материалы уже есть, например, физик-теоретик А. Тяпкин доказал, что культ Эйнштейна был создан бездарными евреями). Публиковать материалы о разворате сионистов, об их сборищах у синагог. Требовать процент поступления в вузы еврейской молодежи в соответствии с процентом проживающих в стране евреев (1 %). А главное, выходить под лозунгом “Смерть сионистским захватчикам!” или “Все на борьбу с сионизмом!”».

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – должен был подумать, читая это, Осипов. Ты днями и ночами думаешь, как спасти Отечество, очутившееся меж двух огней – Западом и Китаем. Проявляешь чудеса изобретательности, чтобы, отмотав семь лет в мордовских лагерях (за организацию «антисоветских сборищ» на площади Маяковского), создать, вернувшись, группу единомышленников в недоступной для тебя как для бывшего зека Москве – пришлось поселиться а Александрове

Владимирской области – и выпускать машинописный журнал. И тут является какой-то анонимный “фраер”, – и учит тебя жить. Больше того, обвиняет в предательстве нации!»

Конечно, Осипов мог – после нескольких внутриредакционных стычек (надо же, и у такого вульгарного памфлетиста нашлись в редакции защитники) – отказать «фраеру» от дома. Но мог ли он отмахнуться от читательской почты? Ведь нужно было ослепнуть, чтобы не видеть, что не находят отклика его альтернативы у «патриотической» интеллигенции.словно ветром каким-то сносило ее куда-то в сторону. Причем именно в ту сторону, от которой он старался ее удержать. От обсуждения государственных интересов и судьбы нации – в сторону этноистерии и черносотенства. В сторону «русского человека». Чертовщина какая-то.

Неминуемость раскола

Встретясь я в ту пору с Осиповым, я бы, возможно, мог ему объяснить, что никакой тут чертовщины нет. И даже предсказать дальнейшую судьбу «Вече». Опираясь на тот теоретический анализ, с которого начинался разговор о «Вече», сделать это было, согласитесь, не очень сложно. В известном смысле Осипов оказался в ситуации такого же, как он, национал-либерала Алексея Навального сегодня, хотя, возможно, и стоял интеллектуально на голову выше (и с той, конечно, разницей, что Навальный Данилевского не читал и от внешнеполитических рекомендаций режиму воздерживается).

Я имею в виду ситуацию, когда власть в стране безраздельно принадлежит имперским националистам и на долю оппозиционного диссидентского национализма ничего, кроме этноистерии, просто не остается. Поясню на пальцах. Правящим имперским государственным чиновникам диссидентские внешнеполитические альтернативы до лампочки, а «патриотические» массы относятся к внешней политике власти с полнейшей, как сказал бы Данилевский, доверенностью. Не нужны им никакие альтернативы этой политике. В связи с чем оппозиционность их проявляться может только в одном – в ненависти к иностранцам (в этом смысле, скажем в скобках, Навальный практичнее

Осипова: он нашел уникальную нишу, в ненависти к которой едины и «патриотические» массы, и либералы – коррупцию. Но долго ли удастся ему усидеть на двух стульях – либеральном и «патриотическом»?).

Так или иначе, в этих обстоятельствах устоять «Вече» мог бы лишь сделав невозможный для него выбор. Он мог отказаться от своего национал-либерального кредо, став обыкновенным без затей органом либеральной оппозиции режиму (как, скажем, «Хроника текущих событий»), либо... либо превратиться в «русского человека». Первому препятствовали православно-монархические убеждения Осипова и большинства редакции. Ко второму склонялось меньшинство. Выход был один – раскол.

Тем более, что при дистанционной, если можно так выразиться, редакции (главный редактор – в Александрове, а журнал делался в Москве) контролировать ситуацию в редакции мог он скорее номинально. Ни электронной почты, ни факсов, ни принтеров тогда еще не было. А поскольку почтовые голуби тоже вышли к тому времени из моды, осуществлялся контроль исключительно через связных. В таких условиях не нужно было, согласитесь, быть Нострадамусом, чтобы предсказать раскол «Вече».

Странная история с союзом «и»

И предотвратить этот раскол Осипов не мог. Прежде всего, конечно, потому, что – совершенно независимо от вмешательства КГБ – долго усидеть на двух стульях было невозможно и в советские времена. А во-вторых, потому, что раскол *уже произошел*. Я говорю об этом так уверенно, поскольку тому есть документальное свидетельство, рассказать о котором я и намерен в заключение этой драматической истории. Начать, однако, придется издалека.

«Критические заметки русского человека» были опубликованы в 1975 году в нью-йоркском «Новом журнале». Опубликовал их покойный М. Агурский, советолог, известный уже в силу своей уникальности: он был русским националистом – в Израиле. Как и большинство тогдашних советологов,

Агурский был большим поклонником национал-либерализма (они именовали его также христианским национализмом). Публикацию предварил он собственными критическими заметками под названием «Неонацистская опасность в СССР». Заключение его было такое: «Представляется весьма очевидным, что единственной реальной альтернативой неонацизму было бы принятие той гуманистической программы, которая предложена Солженицыным... и иеродиаконем Варсонофием».

Почему Агурский не упомянул о программе Сахарова, понятно: человек из другой команды, космополит. Но почему не упомянул он «Вече», сославшись вместо этого на никому неизвестного Варсонофия, странно. Тем более, что именно «Вече» отказался печатать «русского человека» и именно его автором был упомянутый иеродиакон. В частности, опубликовал «Вече» документ, названный «Прошение Поместному Собору 1971 года» (больше известный, как «Письмо трех», одним из трех был Варсонофий). С этой публикацией и связана история, о которой речь.

Американский советолог Д. Пospelовский в рецензии на первые выпуски «Вече» назвал «Письмо трех» «зловещим документом» и дружелюбно (он, конечно, тоже был поклонником национал-либерализма) предостерег журнал от уклона в «религиозный расизм». И «Вече» ему ответил. Но как! Рецензент был издевательски высмеян: «грамматическая ошибка вызвала весь его гнев – в «гуманистической программе Письма трех слово сионизм, видите ли, соединено союзом “и” со словом сатанизм». Птичий грех! Скандал из-за описки! Пусть, однако, судит читатель, кто был прав в этом споре.

«Нельзя молчать, – говорилось в «Письме трех» – когда общеизвестно, что агенты сионизма и сатанизма создают трения между Церковью и Государством, стремясь отравить общество идеями либерализма и разрушить самые основы нравственности, семьи и страны». Дальше возникала под пером авторов жуткая картина дикого разгула «агентов» как внутри СССР, так и в «сионистских центрах Запада, прежде всего в США, где функционирует церковь Сатаны». Это, впрочем, мы уже слышали от «русского человека». Но то, что вовлечены агенты также «в распространение пьянства и умножение аборт», успевая

при этом еще и способствовать «небрежности в исполнении семейного и родительского долга», – уже оригинальный вклад иеродиакона и его товарищей. Хорошенькая «гуманистическая программа»! Многим ли отличается эта «описка» от «Заметок русского человека»?

Но опубликовано-то было «Письмо трех», когда на обложке «Вече» еще стояла фамилия Осипова. И при нем же ЗАЩИЩАЛА это письмо редакция так недобросовестно, чтоб не сказать хамски. Можно ли после этого сомневаться, что раскол в редакции «Вече» произошел задолго до вмешательства КГБ, что не смог Осипов удержать от деградации даже собственную редакцию, не говоря уже о «патриотической» интеллигенции, и председательствовал он в последний год издания журнала лишь над развалинами дела, которому посвятил жизнь? Печальный финал.

МОГ ЛИ НЕ РАСКОЛОТЬСЯ «ВЕЧЕ»?

Дела давно минувших дней, говорите? Преданья, так сказать, старины глубокой? Ну, не такой уж, во-первых, и глубокой, в 2014 году, исполняется всего лишь 40 лет со времени распада крупнейшего из предприятий националистического самиздата. А во вторых, так ведь и повисла у нас в воздухе загадка этого распада, когда большинство редакции во главе с Владимиром Осиповым осталось верным своей антикитайской ориентации, а меньшинство клонуло на антисемитскую – в духе «Критических заметок русского человека». (помните: «Все на борьбу с сионизмом!»?). Примирить две эти ориентации – имперскую и этническую – редакция «Вече» не сумела. И раскололась. Сколько я знаю, все, кто писал о «Вече», полагают, что иначе и быть не могло.

И вот, представьте себе, нашелся сегодня в довольно, признаться, замшелой среде русских националистов мыслитель, если можно так выразиться, претендующий на то, что знает, при каких условиях можно было избежать раскола. Да, он разделяет как представление большинства «Вече» о китайской угрозе, так и антисемитскую ориентацию его меньшинства. И не только не видит между ними противоречия, но и уверен, что они друг друга обуславливают. Подумать только, Путин и сегодня именуется этнонационалистов «придурками», и вдруг предлагают нам решение загадки, которая считается неразрешимой.

Дает ли мне это удивительное обстоятельство право прервать хронологическую нить своего повествования и остановиться более или менее подробно на этой догадке? хотя и вторгаемся мы с ней на территорию следующего, постсоветского цикла нашего курса? Мне кажется, что дает. Тем более, что не только о «Вече» тут речь – об одной из важнейших проблем нашего исследования: о взаимоотношениях обеих ветвей Русской идеи – имперской и этнической (державников и этников для краткости). О проблеме, то есть, о которой никто и до сего дня не знает, имеет ли она вообще решение.

Возникла она в России, как мы помним, еще в 1880 годы, в третьем, предреволюционном поколении славянофилов (помните Сергея Шарапова с его мотто «Россия против еврейства?»), но, похоже, еще больше с той поры запуталась. Как и наполеоновский комплекс, проблема, впрочем, не специально российская – европейская. Расхождения, правда, есть. В сегодняшней Европе преобладает, в отличие от России, отнюдь не державная, а именно этническая, чтобы не сказать расистская, ветвь национализма. Во всяком случае праворадикальные националистические партии, добившиеся серьезного успеха на недавних выборах в Европейский парламент, ратуют отнюдь не за «собрание земель», как лидеры современной России, а наоборот – за развал ЕС и возвращение к «Европе наций» (к той самой, замечу в скобках, что принесла миру в XX веке две мировых войны). И вдобавок ратуют эти европейские «придурки» как раз против этнических меньшинств.

Жестокая ирония в том, что, несмотря на все расхождения, они, эти «придурки, не только всей душой с Путиным, но и неожиданно оказались в доктрине Александра Дугина, опасно близкой к превращению в официальную, той самой «консервативной Европой», что могла бы, по мнению русских националистов, стать частью великой Евразии – от Лиссабона до Владивостока, – предназначенной для предводительства национал-консервативной державной Россией. Короче, все смешалось в сегодняшнем русско-европейском националистическом семействе. Пуще, чем в доме Облонских.

К счастью, персонаж, о котором у нас речь, далек от всей этой полубезумной дребедени. У него, как мы скоро увидим, своя дребедень. Речь у нас об Александре Никитиче Севастьянове, человеке с окладистой купеческой бородой и множеством горделивых титулов. Он и член Союза литераторов России (есть и такой, оказывается), и президент Лиги защиты национального достояния, и заместитель председателя Всеславянского союза журналистов, и главный редактор «Национальной газеты», и автор законопроекта «О разделенном положении русской нации и ее праве на воссоединение» и брошюры «Чего от нас хотят евреи» и бог весть чего еще. Активный человек, мыслящий, одним

словом. Нас, однако, интересует Александр Никитич (кратко А. Н.) лишь в одном качестве, в том, что касается загадки раскола «Вече».

«Опаснейший на свете противник».

В этом А. Н. полностью согласен с Осиповым: «Китайцы – величайший рациональный народ, упорный и безжалостный, не ценящий Декларацию прав человека, да и вообще человеческую жизнь. Национальная консолидированность китайцев настолько высока, что граничит с национальным высокомерием и этноэгоцентризмом, в этом смысле они дадут фору даже евреям (русскому читателю узнавать об этом непривычно, но это так)». И вообще «китайцы по многим своим качествам – это желтые евреи». У А. Н. неоспоримые доказательства: «Недавние события в Индонезии высветили тот факт, что четыре процента населения этой немаленькой страны держат в своих руках 80 % национального капитала. Сходным образом дело обстоит в Малайзии и т. д., что позволяет говорить о специфическом алгоритме экономической экспансии народа хань». В том, что сотая доля процента населения Запада, евреи, держат 80 % всего его капитала, А. Н. ни на минуту не сомневается, хотя никаких подтверждений этому не приводит. Главное, алгоритм, по его мнению, совпадает.

Прибавьте ко всем преимуществам и опасностям китайцев то, что «в Китае практически нет еврейской пятой колонны», и то, что Конфуций в незапамятные еще времена обещал им, по сведениям А. Н., что «настанет день, когда Китай без войны завоюет весь мир», а также то, что именно Россия имеет самую большую в мире границу с Китаем, и картина получается, согласитесь, довольно кошмарная. Тем более, «с кем будет воевать Китай в случае чего, чьи земли осваивать? Взгляните на карту, где с нашей стороны границы плотность населения менее 2 человек на кв. км, а с китайской более 150, и ответьте на этот вопрос сами». Но что же делать России по поводу этой угрозы?

Тут, правда, рекомендации А. Н. и «Вече» расходятся решительно. Осипов, как мы помним, говорил, что, если война с Китаем неизбежна, то давайте укреплять тыл сражающейся

армии, давайте превратим эту войну в новую Отечественную, мобилизуем патриотические чувства русского народа, освоим Сибирь сами, не дожидаясь китайских «освоителей», поведем туда «миллионы энтузиастов, предводительствуемых лишенными должности священниками и лишенными работы инакомыслящими». Короче, отсюда вся сибирская фантазия «Вече», другими словами, попытка использовать китайскую угрозу для того, чтобы радикально изменить СССР. Утопия, конечно, но утопия патриотическая. А. Н. мыслит о китайской угрозе совсем иначе. Впрочем, расхождение его с «Вече» понятно.

А. Н. Севастьянов

Осипов был, как мы говорили, национал-либералом, а наш герой всего лишь оголтелый этник, прикидывающийся державником. Он и сам этого не отрицает, объясняя, что *«геополитика есть лишь проекция этнополитики на географическую карту»* (курсив А. Н.). И потому полагает, что для России сопротивляться Китаю «было бы полным безумием, идиотизмом. Наше место – либо в стороне от глобального конфликта XXI столетия, либо, если уйти в сторону не удастся, – в союзники Китая и под его защитой».

Позвольте, а как быть с жутким риторическим вопросом самого же А. Н. о том, помните, чьи земли этот «защитник России» будет осваивать в случае чего? И с дерзким вызовом А. Н. читателям: «...ответьте на этот вопрос сами»? Трудно, согласитесь, отделаться от впечатления, что: Александр Никитич Севастьянов, несмотря на все свои «патриотические» титулы, предлагает России попросту **капитулировать** перед Китаем, отдаться на милость победителя – не только без сопротивления, но еще и с благодарностью за «защиту»! От кого, однако?

В роли «дешифровщика»

Вот в этом маленьком вопросе и заключается, как мы сейчас увидим, весь фокус, который позволяет А. Н. не только спасти свои замаранные патриотические одежды, но и устранить, по его мнению, противоречие, погубившее «Вече». Состоит фокус в том, что вовсе не Америка и тем более не Россия, говорит он, является главным, решающим противником Китая, а... евреи. Читатель может и удивиться такой парадоксальной мысли, но для А. Н. здесь нет и вопроса. «Нет никаких сомнений, – горячо убеждает он скептиков, – что в XXI столетии мы станем свидетелями грандиозной схватки за мировое господство между двумя древнейшими и самобытнейшими народами, где за китайцев будут играть в основном сами китайцы, а за евреев все народы Запада».

И не до освоения Сибири будет Китаю, когда грянет «битва гигантов XXI века – еврейства и, если так можно выразиться, китайства». Она потребует тотальной мобилизации всех ресурсов (человеческих, экономических, политических) обеих сторон. И что в такой ситуации будет для Китая такая мелочь, как русская Сибирь?

Откуда взял это А. Н.? Почему не подумал, что, если Китаю и впрямь понадобится тотальная мобилизация всех ресурсов, то ресурсы Сибири как раз и придут ему в голову в первую очередь? И вообще с какой стати станет он воевать с евреями? Где Израиль и где Китай, что им делить? Не спрашивайте: это – профессиональная тайна А. Н., пусть даже таким прожженным

конспирологам, как Дугин или Проханов, ничего подобного не приходит в голову. Но такова уж она, «роль дешифровщика, занятого поиском секретных кодов и нашедшего многое, скрытое от других». И нашел он, между прочим, что евреи тоже лихорадочно мобилизуют все свои ресурсы для грядущей великой схватки, которая «в беспощадной борьбе **еврейского Запада и китайского Востока**» (выделено А. Н.) решит судьбу мира.

Еще бы! В конце концов «победитель здесь будет только один. А побежденных может и вовсе не остаться». Представляете себе масштабы и ужас схватки, в которой при определенном ее исходе полтора миллиарда китайцев могут исчезнуть с лица земли (про какие-нибудь 15 миллионов евреев, которые должны исчезнуть при другом ее исходе, я и не говорю – число, приближающееся к нулю по сравнению с китайцами).

И тем не менее приближение именно такой схватки «дешифровал» наш герой. И в первую очередь среди «будоражающих людское море России... верных слуг Дома Иакова, которые частенько рядятся в личину русских патриотов-государственников, а то и националистов – и говорят очень «правильные» слова».

«Квалификационный тест»

На почти петушачий фальцет сбивается вдруг уверенный до сих пор голос А. Н. едва касается он своих националистических единомышленников-оппонентов, на такой же фальцет, что слышали мы в «Критических заметках русского человека», когда тот поучал «Вече». Слова другие, но смысл совпадает один к одному. Словно оглохли, мол, национал-патриоты, кричит он, не чувствуют, что «еврейский вопрос стал в России политическим квалификационным тестом», что **«столкновение национальных интересов евреев и русских на территории нашей страны есть один из определяющих факторов русской жизни»** (выделено А. Н.). Что «именно поэтому любой русский человек вынужден отныне оценивать общественных лидеров и общественные движения по неосозанному, но чрезвычайно весоному критерию: сожгли ли они за собой все мосты, которые еврейство усердно наводит со всеми

сколько-нибудь значительными силами России». Короче, как требовал в свое время от Владимира Осипова «русский человек» в совсем другой, советской реальности, – «все на борьбу с сионизмом!»

И чего это он вдруг так разволновался? Добились ведь своего, казалось бы, национал-патриоты: уезжают из России евреи, невиданно массовой стала в постсоветские времена еврейская эмиграция. И русская заодно тоже. Еще при Брежневем брак с евреем стал «не роскошью, а средством передвижения». Откуда же этот «огонь по своим!» в устах А. Н.? И огонь нешуточный. Вот лишь один пример – «красно-черная» газета «Дуэль», главный редактор которой Юрий Мухин, известный своей приверженностью к почившему СССР и бешеным антисемитизмом, позволил себе однажды коварный выпад в адрес «белых» националистов. Состоял выпад а том, что, говоря о 1917, Мухин заявил: «В тот момент с большевиками оказалась еврейская интеллигенция, позорный факт для русской. Евреи по крови оказались более русскими, чем те, кто числит свой род от Рюрика или Нестора-летописца».

Кому не ясно, что элементарный эпатаж перед нами, стебается человек? А. Н. не ясно. Послушали бы вы, с какой яростью набрасывается он на «национал-мазохизм» единомышленника! Так в чем все-таки дело? Мне кажется, вот в чем. Да, А. Н. близок в своем описании китайской угрозы к большинству редакции «Вече». Но Осипов, как и Мухин, не понимал, он уверен, «чего евреи хотят от России». Более того, не понимал их замысла и автор «Заметок русского человека». Замысел этот, полагает А. Н., между тем элементарен. «Мосты, которые усердно наводит еврейство со всеми сколько-нибудь значительными силами России», нужны ему для того, чтоб **отвести китайский удар от себя и – сравить с Китаем Россию!** Сплотиться бы «Вече» перед лицом этой двойной китайско-еврейской угрозы, сделать достойный настоящего русского патриота выбор. А оно вместо этого раскололось...

А. Н. в отчаянии от этой неизреченной глупости национал-патриотов, ибо кто, если не они, уверен он, может еще спасти Россию в этот грозный час, когда решается судьба мира? Но это его подробности. Для нас во всей этой истории интересны две

вещи, первоначально важные для будущего русского национализма. Во-первых, она продемонстрировала не только невозможность сохранить «Вече» (для этого Осипов должен был бы превратиться в Севастьянова, т. е. согласиться с капитуляцией России перед Китаем, что противоречило самой сути его убеждений), но и тщету какого бы то ни было примирения между державниками и этниками.

Во-вторых, проливает эта история новый свет на загадочный, почти мистический ужас перед сверхъестественной силой еврейства, объясняющий мироощущение того самого третьего предреволюционного поколения славянофилов, толкнувшего Россию в роковую для нее войну и оставившего в результате нам в наследство не одну лишь риторику сталинизма, но и «Протоколы сионских мудрецов». И дает она нам, эта история, некоторое (и довольно, согласитесь, наглядное) представление о том, что не умерло оно, это мироощущение, и в наши дни.

РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НА ЗАПАДЕ

О «Вече», о его судьбе и драме читатель знает теперь, кажется, все. Даже с проекцией загадки его раскола на будущее познакомил я читателя, рискуя рассердить редактора хронологическим скачком. Но куда я все это писал, как громом поразило меня: ведь дошли мы до черты, за которой, буквально по Пастернаку, кончается для меня искусство и начинается судьба. Отныне я уже не только историк и даже не только свидетель событий, я их участник. Со многими действующими лицами этой истории я был знаком, с иными – близко. Вот хоть два примера.

А. Иванов (Скуратов), один из основателей того же «Вече», для меня Толя Иванов, с которым мы много вечеров провели на моем диване в непримиримых спорах, перемежавшихся лишь окриками жены «Не обижай Толю!» и ее попытками посытнее его накормить (отчисленный с третьего курса истфака МГУ с волчьим билетом, он работал сторожем). Или В. В. Кожин, будущий видный молодогвардеец и певец черносотенства, для меня был филфаковец Вадим с гитарой. В ту пору соблазнял он вовсе не националистов, а студенток, томительно напевая «Гори, гори моя звезда!»

Толю я устроил (несмотря на полное отсутствие официального статуса) в уже упоминавшуюся дискуссию о славянофильстве 1969 года в журнале «Вопросы литературы», затянувшуюся на семь месяцев (в ней приняли участие все лучшие специалисты по русскому национализму XIX века). Вадим сам в нее устроился, и, конечно же, оба стали главными моими оппонентами.

Когда-нибудь, если позволят силы, я еще расскажу и об этой дискуссии. Сейчас скажу лишь, что эти непримиримые московские дружески-враждебные споры 1960-х сменились для меня в русскоязычной среде 1970-х, когда я волею судеб (и КГБ) оказался в Америке, сплошной сварой. Здесь не было ни старых друзей, ни солидных профессионалов – одно непуганое

царство националистов, еще, представьте себе, из белогвардейцев. И был я в этом царстве один против всех (со временем, впрочем, нашлись единомышленники: Андрей Синявский в Париже и Сергей Довлатов в Нью-Йорке).

Белогвардейцы без конца повторяли солженицынскую формулу «СССР не Россия». Откуда, спрашивается, возьмется там русскому национализму? Какая может там быть интеллигенция? Одна, извините за выражение, «образованщина». Не лучше, однако, обстояло дело и в университетской среде, где вообще мало кто слышал о русском национализме. Так или иначе, моя *The Russian New Right* встречена была в университете с недоумением, а в русскоязычной среде – с негодованием. Да и не до «русской новой правой» было тогда американцам.

Запад перед выбором

Едва ли многие помнят в России, что конец 1970-х был самым, пожалуй, драматическим после кубинского кризиса моментом в современной истории. Эра «разрядки напряженности» захлопнулась советским вторжением в Афганистан, и мир терялся в догадках, что за ней последует. Новая холодная война? Или, не дай бог, Третья мировая? Юджин Росту, бывший советник президента Кеннеди, с которым я встретился сразу же

Парад на Красной площади

по приезде (он даже любезно предложил мне прочитать лекцию в его классе в Техасском университете), точно сформулировал настроение тех лет: «Мы живем не в послевоенном, а в предвоенном мире». Лучший из тогдашних политических комментаторов Джеймс Феллоус объяснял: «Различие между либералами и консерваторами – в исторической призме, сквозь которую они смотрят. Когда либералы смотрят на 1980-е, они видят 1914 год, консерваторы видят 1938-й».

Но войну впереди видели все. Советское вторжение в Афганистан трактовалось как первый шаг к захвату нефтяных полей Ближнего Востока. Свою лепту в эту повальную панику внес, конечно, и Солженицын. «Всякую минуту, что мы живем, – писал он, – где-то на земле одна-две-три страны внове перемалываются зубами тоталитаризма. Этот процесс не прекращается никогда, уже сорок лет. Коммунисты везде уже на подходе – и в Западной Европе, и в Америке. И все сегодняшние дальние зрители скоро все увидят не по телевизору – но уже в проглоченном состоянии». Я как-то подсчитал, что если принять грубо число минут в сорока годах за 20 миллионов, а число стран в тогдашнем мире за 150, то окажется, если прав Солженицын, что каждая из них была уже «внове перемолота» коммунистическими зубами 133 тысячи 333 раза. Удивительная, согласитесь, в устах профессионального математика арифметическая абракадабра. Русскоязычная пресса, тем не менее, хором поддакивала. Сам воздух тех лет между тем насыщен был, казалось, апокалиптическими предчувствиями.

Моя позиция

Ничего чрезвычайного не происходит. Оснований для паники нет, – говорил я Росту и другим, до кого мог добраться, писал в *Washington Post* и в *New York Times*. Зарвалось кремлевское старичье, дайте им по зубам. В Афганистане они загнали себя в ловушку. Готов держать пари, что и шагу дальше сделать не посмеют, увязнут. И выйти с честью тоже не смогут. Аргументировал я так.

Ключевым понятием в русском политическом процессе всегда был РЕЖИМ, не идеология. То, что было немислимо

при режиме Ивана III, оказалось в порядке дня при деспотическом режиме его внука Ивана IV. И, наоборот, то, что мог себе позволить деспотический режим Николая I, стало невозможно при режиме его сына Александра II. То же самое сейчас. Тоталитарный владыка Сталин, действительно, мог попытаться осуществить все, чего вы сегодня страшитесь, особенно в последние годы жизни, когда утратил ощущение реальности. Все мог, включая танковый прорыв к Ла-Маншу и марш на Ближний Восток. Но выморочный, посттоталитарный режим кремлевских старцев, руководимых лишь инстинктом самосохранения, на такие подвиги не способен.

Момент истины наступит лет через десять, когда главные старцы уйдут в небытие и встанет вопрос: какой режим сменит эту вымирающую когорту? Прорваться к власти тогда могут и русские националисты, для кого, как говорил Ницше, «мир лишь перерыв в войне». Да-да, и близкий мне Толя Иванов и тем более Вадим Кожинов были такие: будущее России без смертельного врага, угрожающего самому ее существованию, представить себе не могли. Для «просвещенных националистов» то был Китай, для непросвещенных – Запад. У последних, однако, было несопоставимо больше шансов прорваться к власти, чем у их диссидентских конкурентов.

И ничто не помешает им в этом случае дать волю воинственным маршалам, какому-нибудь Огаркову или Ахрамееву (которых кремлевские старцы отвлекают сейчас от настоящей войны мелкотравчатой авантюрой в Афганистане), приступить к делу, что те спят и видят. Например, к тому же сталинскому танковому прорыву к Ла-Маншу. Вот тогда и наступит для Запада час X. И 1914 уместно тогда будет вспомнить, и 1938.

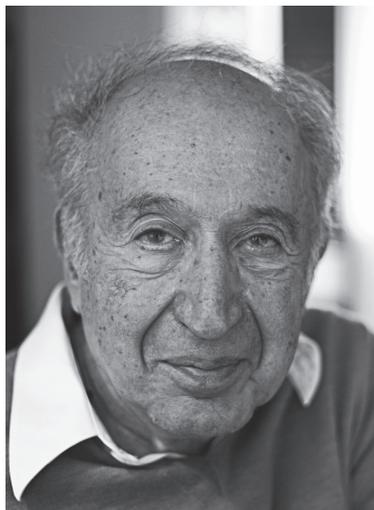
Есть ли альтернатива такому развитию событий? Есть, говорил я. А именно приход на смену посттоталитарным старцам режима либерализации. Так тоже в русской истории бывало. Не раз. На смену деспотическому режиму Павла I пришел либеральный режим Александра I, на смену николаевскому деспотизму – либеральный режим Александра II, на смену «сакральному» самодержавию Николая II – февраль 1917. Об этом, собственно, и была первая моя книжка в Америке *Détente After Brezhnev* («Разрядка напряженности после Брежнева»).

Смысл ее был в том, что, поддержав такую смену режима во время, можно изменить судьбу мира. Ирония в том, что, как показала история, я был прав: на смену посттоталитарному режиму в СССР, действительно, пришел режим либерализации, гласности. И испарились вдруг все страхи.

Но слабость всех моих аргументов, выглядевших, казалось, вполне убедительно в моей самиздатской рукописи «История русской политической оппозиции» (из-за которой я, собственно, и оказался в Америке), заключалась в том, что все они были историческими и теоретическими. А говорить-то приходилось с жесткими прагматиками, искренне презиравшими теории и понятия не имевшими ни об истории России, ни тем более о русском национализме. Или с их советниками-советологами, единственная теория которых состояла в том, что либерализация и тоталитаризм – понятия несовместные, как гений и злодейство. Представления о «посттоталитарном режиме» в их обиходе не существовало. Ни в нацистской Германии, ни в фашистской Италии (привычных моделях для суждения о тоталитарном СССР) никакой либерализации не произошло: тоталитаризм в принципе неспособен меняться, либерализация,

Jerry F. Haugh

Richard Pipes

стало быть, немислима. Так откуда же ей взяться в Москве? Удивляться ли, что мои аргументы отлетали от них как от стенки горох?

Откликнулась лишь русскоязычная пресса. Но с какой яростью откликнулась! Иначе, чем о «засланном казачке» обо мне и не писали. Борис Парамонов опубликовал уничтожающую статью «Парадоксы и комплексы Александра Янова» в главном эмигрантском журнале «Континент». Аргументов моих слушать никто не желал. Тем более, что отвечать я мог лишь в малотиражном парижском «Синтаксисе» и израильском «22». Оркестровал (и, подозреваю, оплачивал) травлю сам Александр Исаевич. Одного образца, пожалуй, достаточно: «Вот Янов. Был он коммунистическим журналистом, 17 лет подряд никому не известный. А тут с профессорской кафедры напечатал уже две книги с разбором СССР и самым враждебным отношением ко всему русскому. В «Вашингтон Пост» на целую полосу статья, что Брежнев – миролюбец. Смысл его книг: держитесь за Брежнева всеми силами, поддерживайте коммунистический режим». Это Солженицын. Такая вот, извиныте за выражение, «критика».

Не поспевая за жизнью

Так продолжалось долгих пятнадцать лет. В целом впечатление о них осталось двойственное. Лягушки в русскоязычном болоте, конечно, продолжали квакать. Но в свободном, т. е. в университетском, мире движение мысли началось. Страшно медленное, на первых порах беспомощное (мы сейчас увидим, до какой степени), но началось. Дай ему жизнь несколько лишних лет, оно, быть может, и дозрело бы до кондиций. Но жизнь не дала. Оттого и встретила Америка смену режима в СССР совершенно к нему неготовой. Прав оказался Черчилль, что Соединенные Штаты всегда принимают правильные решения, но... лишь перепробовав сначала все неправильные. Порою, как испытала на своем опыте Россия, правильные решения приходят слишком поздно, когда ничего уже не исправить.

Вот как это начиналось. В мае 1981 года собрались, наконец, советологи в Вашингтоне на первую конференцию,

посвященную русскому национализму. То, что я на ней услышал, навсегда останется самым странным событием в моей американской жизни. Первым выступил самый радикальный ревизионист советологии Джерри Хофф (Haugh) со сногшибательным тезисом «Все русские – националисты».

– *Значит ли это, – спросил я – что Андрей Сахаров такой же националист, как, скажем, Леонид Брежнев? Или как Александр Солженицын?*

– *Да, но он хороший националист.*

– *Что за детский сад, право, «хороший», «плохой»?*

Объясните лучше бунт русских националистов против режима в 1960-е, и не только в самиздате, но и в подцензурной печати? Почему не признали они брежневский режим своим? И почему режим не признал их своими, натравив на них не только официальную прессу, но и КГБ, упрятав одних в лагеря и заставив замолчать других?

Не было у Хоффа на эти вопросы ответа. Но самое интересное было дальше. Ричард Пайпс (Pipes), историк, откровенно презиравший Хоффа, на конференцию опоздал и его выступления не слышал. И моих вопросов, на которые Хофф не мог ответить, не слышал, конечно, тоже. Каково же было изумление аудитории, когда он слово в слово повторил тезис своего антагониста? И как должен был удивиться Пайпс, что зал, слушая его, хохотал. Рассказываю эту историю, чтобы дать читателю представление о том, как жалко и беспомощно это начиналось.

Свидетель защиты?

Жизнь, однако, не давала расслабиться. Появились такие документы, как «Слово нации» или сборник «Из-под глыб» (о которых в следующих главах). Стало очевидно, что пошлостями вроде «все русские – националисты» от проблемы не отделаешься. Может быть, какую-то роль сыграла и четвертая моя книга – *The Drama of the Soviet 1960-s* (понятно и без перевода). Так или иначе, за дело взялся постоянный мой оппонент в Америке Джон Дэнлоп (Dunlop). В 1984 году вышла его книга **Faces of Russian Nationalism** (тоже понятно), призванная раз и навсегда защитить от меня русский национализм.

Дэнлоп разделил своих подопечных на две группы, своего рода «меньшевиков» и «большевиков». Первые были дороги его сердцу, и он придумал для них духоподъемное название «православные возрожденцы», вторых назвал без затей «национал-большевиками» (НБ). И нисколько не скрывал, что НБ «по сути, фашистский феномен, радикально правое движение в государстве, номинально руководимом радикально левой идеологией». Зато возрожденцы, связанные с РПЦ, надежда России – и мира (автор сопроводил свое сочинение подробной инструкцией правительству США о том, как в грядущей борьбе за власть поддержать РПЦ и националистов).

Логично, казалось бы, предположить, что у возрожденцев нет ничего общего с фашиствующими НБ. Тем более, что от последних не ожидал он в случае их прихода к власти ничего, кроме всяческих ужасов, вроде того, говоря его словами, что «французский советолог Ален Безансон назвал панрусской военно-полицейской империей, или военной диктатурой, руководимой хунтой». Вопреки ожиданиям, однако, Дэнлоп подчеркивал, что между возрожденцами и НБ «китайской стены нет» и они «признают общность (community) своих интересов, как явствует из одобрения Солженицыным молодого гвардейца Чалмаева и вообще национал-большевистской ориентации его журнала.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев День! Это-то как понимать? НБ ратуют за военную хунту, а Солженицын их одобряет? Напиши я что-либо подобное, Дэнлоп первым съел бы меня с пуговицами. Но нет. Недоценили мы автора. Это хитрый ход. Вот что имел он, оказывается в виду: «когда НБ придут к власти, они будут уязвимы для доводов более утонченных возрожденцев, с которыми у них много идейных и эмоциональных связей. Возможный сценарий поэтому: за кратким царствованием НБ последует правление возрожденцев».

Ну да, мы же помним, большевики поцарствовали, а потом вдруг размякли и, уступив доводам «более утонченных» меньшевиков, «с которыми у них было много идейных и эмоциональных связей», добровольно отдали им власть. Не так ли? Или именно их, ближайших идейных родственников, они первыми и вырезали? Так же, как якобинцы вырезали

жирондистов, сталинисты – большевиков, крайние хомейнисты – умеренных. Ведь это элементарный закон всех революций: экстремисты начинают – и выигрывают. И с такой амуницией надеялся Дэнлоп опровергнуть мои аргументы и убедить американское правительство?

Все так. Свидетель защиты, сам того не заметив, превратился в свидетеля обвинения. Но, посмотрите, какой путь прошла свободная мысль за какие-нибудь три года после майской конференции 1981-го. Разве не впечатляет описание ужасов диктатуры, к которой привела бы победа националистов? Впервые не какой-то диссидентский историк из России, но американский ученый, прошедший прагматическую западную школу, представил публике в соответствии со всеми канонами политической науки самый страшный сценарий будущего в XX веке. И оказался это тот самый сценарий, о котором и слышать не хотели ни консерваторы, ни либералы лишь три года назад.

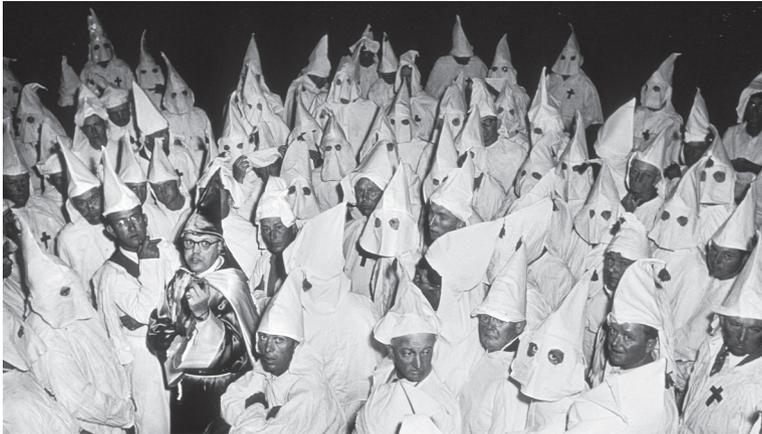
Нет, что ни говорите, но свободная мысль в свободной стране способна творить чудеса. Только очень, увы, медленно. Порою слишком медленно.

«СЛОВО НАЦИИ»

Что-то должно было сильно напугать Джона Дэнлопа, преданного американского попутчика «хороших» русских националистов, чтобы и до него дошло, что водятся в этом болоте не одни лишь благообразные «православные возрожденцы», как именовал он членов ВСХСОН, ссылаясь на «огромное сходство взглядов ВСХСОН со взглядами Солженицына и его друзей», но и плохие, очень плохие черти, которых сам же он и назвал, как мы помним, «фашистским, по сути, феноменом». Так что же такое его напугало? Это не могла быть «чалмаевщина» с ее проповедью византизма и нового Сталинграда, поскольку ссылаясь Дэнлоп, как мы опять-таки помним, на «симпатию Солженицына к Чалмаеву». Но если не молодогвардейская пропаганда «русификации духа», то что?

«На пути всемирного распада»

Похоже, вот что. Покуда «Вече» агонизировал под напором «патриотических» страстей своей читательской аудитории,

Ку-клукс-клан

в самиздате появился еще один документ с претенциозным названием «Слово нации» (и с еще более претенциозным подзаголовком «Манифест русских патриотов»). Тут вопрос был поставлен в новой, неожиданной плоскости, способной действительно напугать любого американского попутчика «новых русских революционеров» и даже «новых декабристов», как пристрастился вслед за Дэнлопом именовать членов ВСХСОН его единомышленник Дарелл Хаммер. Судите сами.

«Главной угрозой, – провозгласили в своем новом манифесте «русские патриоты» – мало кем еще понятой, остается общее вырождение, вызванное причинами биологического порядка... Демократия есть одно из следствий вырождения и одновременно его стимул». Она принесла миру несчастье: выпустив из бутылки джинна – желтую и черную расы, угрожающие поглотить арийскую цивилизацию. «Если не принять своевременных мер, мы можем дожить до того, что будем играть роль пешек или, в лучшем случае, пассивных наблюдателей в битве черной и желтой рас за мировое господство». И дальше – буквально крик отчаяния: «Должен же кто-то воздвигнуть, наконец, вал на пути всемирного распада».

Затем, как всегда в «патриотических» манифестах, следует неизбежный вопрос: где он, этот «кто-то», способный такой вал воздвигнуть? И столь же неизбежный ответ. Но сначала интрига. Германия и Франция? Они «сегодня зажаты между двумя сверхгигантами, само название которых почему-то зашифровано». И вообще «у европейских народов иссякают жизненные силы». На роль строителей вала на пути всемирного распада они, стало быть, непригодны.

Далее, один из «зашифрованных» сверхгигантов, США, тем более на эту роль не годится. Хотя бы потому, что «вкрапленные в американское общество представители «третьего мира» водружают ноги на стол, услужливо подставляемый им либералами, и твердо ведут линию на то, чтобы стать господствующим классом в Америке». Более того, когда «англосаксы окончательно погрязнут в либеральной тине, весь огромный промышленный потенциал США может превратиться в орудие для достижения мирового господства черной расы». Кошмар!

Мы, собственно, заранее подозревали, что единственным спасителем арийской расы непременно окажется у наших «патриотов» второй зашифрованный супергигант – СССР (или, как они его именуют, «единая и неделимая Россия»). Но одно дело подозрения, другое – доказательство. Теперь, показав непригодность всех других кандидатов, они это, считай, доказали. Сами, мол, видите, больше некому.

Ошибка Гитлера

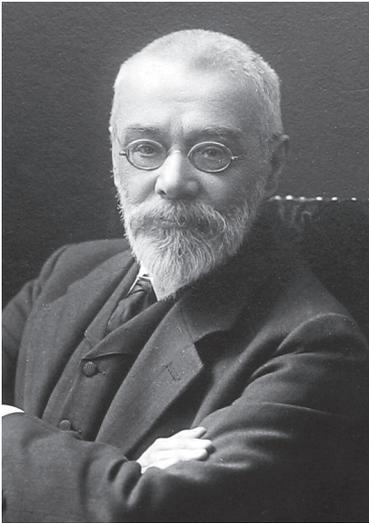
Здесь, однако, проблема. Все-таки: пионером в деле, которое отстаивают наши анонимные спасители арийской расы, был Гитлер. И про то, что приспешники его закончили жизнь на виселице, никто еще не забыл. Как ни крути, перенимают они эстафету у банкротов. Авторы «Слова нации» не согласны, однако. «Это правда, – говорят они, – что Гитлер объявил беспощадную войну вырождению. Но на деле-то руководился он при этом вовсе не расовыми принципами, которые провозглашал, а узконационалистическими германскими интересами, произвольно объявляя к тому же неполноценными таких же арийцев, как германцы».

Как видим, и сравнение с Гитлером не испугало авторов «Слова нации». И вообще они словно бы бравируют своим расизмом. Претендуют на роль первооткрывателей «истинного» расизма. Игнорируют не только европейских предшественников, как, скажем, Хьюстон Стюарт Чемберлен, но и отечественных. Между тем откровенными расистами были многие дореволюционные русские националисты. И не только выдающиеся, как «великий патриот», по мнению современных националистов, М. О. Меньшиков, но и вполне заурядные черносотенцы.

А. С. Шмаков, например, опубликовал в 1912 году книгу «Международное тайное правительство» (почему-то перепечатанное в 1999-м в Таллине), где утверждал, что «вся мировая история – борьба арийской и семитской рас, причем черная раса... в духовном родстве с семитической... Раса есть основной фактор в социальных и государственных проблемах. Опасны и нередко гибельны мероприятия, для которых не она признается фундаментом».

Различия, конечно, есть, но суть-то одна. А о конкретных верованиях не спорят. Они произвольны по определению. Меньшиков и Шмаков, допустим, верили, что неполноценны евреи (и черные), Гитлер считал неполноценными русских (и, конечно, тех же евреев), а «русские патриоты» верят в неполноценность других народов, допустим, белорусов. Поэтому единственное, чего мы можем требовать от верующих расистов, это логической непротиворечивости, верности их собственным постулатам. Если Гитлер потерпел поражение в таком достойном, по их мнению, деле, как спасение арийской цивилизации, из-за того, что подменил расовый принцип национализмом, то, казалось бы, именно этой роковой ошибки и должны избегать его наследники.

Увы. Уже на следующей странице «манифеста русских патриотов» читаем, что залог успеха «в создании мощного национального русского государства, служащего центром притяжения для здоровых элементов братских (sic!) стран». О «братских странах» мы еще поговорим. Но о мощи НАЦИОНАЛЬНОГО государства, требующейся для борьбы против «всемирного распада», это уже некорректно, заимствовано у Гитлера.

М. О. Меньшиков

Тем более, что за этим немедленно следует: «...и в этом государстве русский народ на самом деле, а не по ложному обвинению, должен стать господствующей нацией». Господствующей, заметьте, в многоэтническом и многоконфессиональном государстве! Если это не национализм, то и Гитлер, пожалуй, не расист. Чернила еще на высохли на странице, где так сурово был раскритикован за национализм неудачливый предшественник, а «русские патриоты»

туда же. Нет, не выдерживают они теста на логическую непротиворечивость.

О национальном своеобразии

«Борьба за национальное своеобразие, – объявляют они, – есть часть великой борьбы жизни и смерти во вселенной». Так ведь и Гитлер на том стоял. Проблема была лишь в том, что своеобразие наций определял он по собственному произволу. Чехам и полякам, например, в своеобразии он решительно отказывал. Русским, конечно, тоже (поскольку, видите ли, государство их управлялось до революции немцами, а после нее – евреями). Из-за этой произвольности, объясняют «русские патриоты» и потерпел Гитлер неудачу. Как, однако, объяснить в их собственном манифесте филиппики против «искусственно поддерживаемого существования белорусской нации, хотя сами белорусы себя таковой не ощущают, а белорусский язык представляет собой лишь собрание западнорусских диалектов»? Чем в таком случае отличается их произвол от гитлеровского?

О своеобразии молдаван или евреев вообще, по мнению «русских патриотов», и говорить нечего, этих они вообще за людей не считали. Зато особое раздражение вызывали у них претензии на своеобразие украинцев. «Целые области Украины правильнее, – уверены они, – было бы отнести к России. Мы уже не говорим о такой вопиющей несправедливости, как передача Украине Крыма, русское население которого заставляют теперь учить украинский язык».

А. Эйхман

И вообще, «если бы действительно встал вопрос о самостоятельном бытии Украины, неизбежно потребовался бы пересмотр ее границ. Украина должна была бы уступить России: а) Крым; б) Харьковскую, Донецкую, Луганскую и Запорожскую области с преобладающим русским населением; в) Одесскую, Николаевскую, Херсонскую (традиционную Новороссию), а также Днепропетровскую и Сумскую области с населением в *достаточной степени* (sic!) русифицированным... На что могла бы рассчитывать оставшаяся часть без выхода к морю и без основных промышленных районов – пусть подумают сами украинцы. Пусть подумают также о претензиях, которые могут предъявить поляки на западные области, население которых настроено полонофильски». Одним словом, пусть только посмеют – искромсаем, живого места не оставим!

Не менее сурово сказано о бунтующих народах на европейской периферии СССР и особенно о либеральной «пятой колонне», о тех, что «что вопят в случае **часто необходимого вмешательства в дела других стран** (выделено мной. А. Я.) “руки прочь!”, уподобляясь жене, которая, услышав на улице крик о помощи, повисает на своем муже и не позволяет ему выйти... Чем идейный либерал отличается от заурядного обывателя? Смелостью дезертира?». Конечно, М. Н. Катков или И. С. Аксаков, герои традиционных «патриотических истерий», сказали бы то же самое не так вульгарно, но в том, что мы отчетливо слышим здесь голос имперского национализма, не может быть сомнений. И для диссидентского националистического самиздата это решительно новость.

И впрямь было чего испугаться западным попутчикам. Рушилась вся их концепция националистического диссидентства как «новых русских революционеров», победа которых стала бы «резким улучшением по сравнению с советской системой». Хуже того, распалось само их деление националистов на «православных возрожденцев» и атеистов – «национал большевиков». Распалась потому, что авторы «Слова нации» отнюдь не были атеистами. Они были верующими. Православными. Воцерковленными. И слово “Религия” писали с заглавной буквы. Вот, пожалуйста: «В истории России Православная церковь сыграла огромную положительную роль... Дикий

антицерковный шабаш был составным элементом похода сил хаоса на русскую национальную культуру. В национальном же государстве, воссоздание которого мы ставим своей целью, традиционная русская Религия должна занять подобающее ей почетное место».

Короче говоря, перед нами православные расисты. Более того, православие для них не только «русская церковь», но и единственная ветвь христианства, способная спасти арийскую цивилизацию. Ибо все другие его ветви, изменив расовому принципу, лишь способствуют, полагают они, «всемирному распаду». Ей-богу, я не преувеличиваю. Вот пример. «Сегодня – дух зла, замаскировав свои рога под битловской прической, пытается вести свою разлагающую деятельность внутри других ветвей христианской церкви, проповедуя идеологию еврейской диаспоры, эгалитаризм и космополитизм, усугубляя процесс всемирного кровосмешения и деградации».

Для тех, кто внимательно читал «Вече», ровно ничего нового в этом пассаже, конечно, нет. Достаточно, кажется, сравнить его с «Письмом трех», подписанным в «Вече» священником и иеродиаконном православной церкви, чтобы не осталось сомнений, из каких кругов вышел «Манифест русских патриотов». Совпадения ведь буквальные, читатель может проверить: я это письмо цитировал. И, конечно, недаром православная – и вполне черносотенная – эмигрантская газета «Наша страна», впервые опубликовавшая «Слово нации» за границей по-русски (в Аргентине), назвала его «началом духовного пробуждения России»? Парадокс был лишь в том, что православные «возрожденцы», по терминологии американских попутчиков «хорошие» русские националисты, оказались наследниками Гитлера.

Другая революция,

Авторы «Слова нации», бесспорно, революционеры. Но, в отличие от ВСХСОН, они вовсе не намерены создавать «подпольную армию освобождения, которая свергнет диктатуру». Им диктатура тоже необходима, ибо «задача, стоящая перед Россией, под силу только диктатуре». Смысл их революции

в другом – «в идейной переориентации [существующей] диктатуры». Другими словами, нужна им «своего рода ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ революция». Чтобы раз и навсегда, «когда мы говорим “русский народ”, имели мы в виду действительно русских людей по крови и по духу. Беспорядочной гибридизации должен быть положен конец».

Как видим, авторы «Слова нации» лишь точно сформулировали настроение «патриотических масс», погубившее «Вече». Очевидно, однако, что отвергали они не только национал-либерализм своих диссидентских предшественников, но и, подобно молодогвардейцам, вялую брежневскую бутафорию патриотизма. В отличие от Чалмаева и Лобанова, однако, которым приходилось работать в рамках цензуры, они могли откровенно артикулировать темную черносотенную тоску своих «патриотических» читателей – тоску по фашизму.

Глава 12

СПОР ГИГАНТОВ

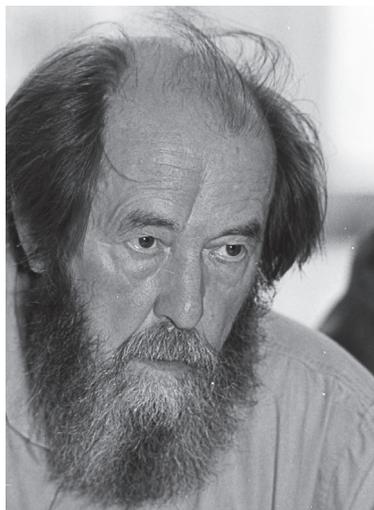
• Часть первая •

До сих пор вели мы речь о рядовых участниках возродившегося в 1960-х, националистического движения – о ВСХСОН, о молодогвардейцах, о «Вече» – о солдатах, одним словом, Русской идеи (и о западных их попутчиках). Но те же причины, что вызвали к жизни наших героев, разбудили и гигантов русской культуры – с авторитетом общенациональным, с мировыми именами. Избежать разговора о них невозможно, хотя и вступаем мы здесь на взрывоопасную почву.

Оба – легенды. У обоих есть масса последователей. Память о каждом из них дорога многим. Проблема, однако, в том, что расходились они между собою резко, стояли на противоположных полюсах российского политического спектра. Так же, как стояли в свое время друг против друга Александр Герцен и Михаил Катков, Владимир Соловьев и Николай

А. Д. Сахаров

А. И. Солженицын

Данилевский, Георгий Федотов и Сергей Булгаков. Короче, читателю предстоит выбор. Для меня, как легко поймет он из этого перечисления знаменитых мыслителей русского прошлого, выбор этот труда не составит. Только вот читатели у меня разные...

Трактат А. Д. Сахарова

Фабула рассказа простая. Дело было в году 1968, том самом, в котором советские танки вторглись в Прагу и который точно так же поляризовал страну, как столетия спустя поляризовало ее вторжение в Украину (разница лишь в том, что тогда открыто протестовала в Москве «за вашу и нашу свободу» лишь мужественная семерка, а сейчас 50 тысяч человек, и возмущение происходило тогда главным образом на интеллигентских кухнях, а сейчас – в интернете). Так вот, в том знаменательном году академик, четырежды Герой социалистического труда и будущий лауреат Нобелевской премии мира Андрей Дмитриевич Сахаров опубликовал трактат, потрясший мир. Назывался он длинно и скучно: «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Но смысл его был взрывной. Он стал СОБЫТИЕМ мировой политики.

Прославленный автор «Одного дня Ивана Денисовича» и вскорости лауреат Нобелевской премии по литературе Александр Исаевич Солженицын отозвался на это событие (сначала, в 1969-м, в личном письме, а четыре года спустя и публично – в знаменитом парижском сборнике «Из-под глыб»). На поверхности вот, собственно, и все, что произошло. На самом деле вновь предстал перед миром старинный, полутора-столетней давности спор славянофилов и западников, о котором человечество успело за советские годы позабыть. Предстал со всеми его ошибками и утопическими мечтами, со всей наивностью обеих сторон, но и со всеми их зловещими знаменами о будущем России.

В личном письме хватало и критики сахаровского трактата, но общий тон был комплиментарным: «Мы до того иссохли в десятилетиях лжи, что... радуемся каждому словечку правды,

что... первым нашим выразителям прощаем... и всякую неточность, даже большую, чем доля истины – только за то, что хоть что-то сказано, хоть что-то наконец!... Уже одно это делает страшное выступление Андрея Дмитриевича Сахарова крупным событием новейшей русской истории».

«Короткими ударами лекторской палочки, – продолжал Солженицын, – Сахаров разваливает тех истуканов, те экономические мифы 20–30-х годов, которые и мертвыми заораживают уже полвека всю нашу учащуюся молодежь – да так и до старости». И еще важнее: «С биением сердца мы узнали, что наконец-то разорвана непробудная, уютная, удобная дрема советских ученых... С освобождающей радостью узнали, что не только западные атомники мучимы совестью – но вот и в наших просыпается она».

Утопия

Но что же предложила миру – и власти – эта проснувшаяся совесть? Прежде всего ужас перед самоубийственной конфронтацией двух отрицающих друг друга социально-политических систем, противостояние которых не могло закончиться ничем (таково было всеобщее убеждение тех лет), кроме взаимного уничтожения. Это заключение из уст самого, пожалуй, компетентного в стране в своей опасной области специалиста подкрепляло позицию правоцентристской коалиции советских вождей, которая, как мы помним, только что, в 1967 году, разгромила воинственную сталинистскую группу Шелепина. Отношение этой правящей коалиции к сахаровскому трактату было двойственное. С одной стороны, он ей помогал, отпугивая партийную элиту от сталинистов, настаивавших на неизбежном ужесточении конфронтации.

Любителей рисковать ФИЗИЧЕСКИМ самоубийством среди этой элиты было немного.

С другой стороны, однако, и сторонников ПОЛИТИЧЕСКОГО самоубийства в этой элите не было. «Социализма с человеческим лицом», как показали события в Чехословакии, не стерпела бы она ни при каких обстоятельствах. Тем более «интеллектуальную свободу». Но ведь именно этого,

и требовал от нее трактат Сахарова. Он предлагал КОНВЕРГЕНЦИЮ обеих противостоящих друг другу систем. Иначе говоря, соединения каким-то образом лучших черт каждой из них – и, конечно, избавления от худших.

Я понимаю, что разговор о «партийной элите» (под которой я имею в виду Пленум ЦК), может вызвать у некоторых читателей скептическую усмешку. Между тем за первые пятнадцать лет посталинского «коллективного руководства» Пленум уже трижды продемонстрировал свою решающую роль в конфликтах правящего Политбюро (в 1957 году, когда была разгромлена группа Маленкова, в 1964-м, когда был уволен сам генсек, и в 1967-м, когда жертвой его оказалась группа Шелепина). Конечно, каждого члена Пленума в отдельности аппарат мог раздавить без особых усилий, но Пленум как целое, как институт был серьезной силой в постсталинском СССР. При всяком расколе в Политбюро последней инстанцией была именно эта партийная элита.

Так или иначе, то, что трактат Сахарова в этих условиях утопия, было очевидно. Заслуживала она критики? Бесспорно. Но... от критики, если она хотела быть конструктивной, требовалось

А. И. Герцен

М. Н. Катков

все-таки предложить какой-нибудь иной, более реалистичный проект МИНИМИЗАЦИИ угрозы взаимного уничтожения. Той самой, что не давала спать Сахарову. В этом смысле критика Солженицына была полностью лишена конструктивности. Угроза, сжигавшая Сахарова, его просто не интересовала. Словно бы и не жил тогда мир в преддверии ядерного Армагеддона, когда на кону стояло само существование человечества. Во всяком случае, ни слова об этом, если не считать проходного упоминания о «западных атомниках», в письме Солженицына не было.

Упрекал он автора главным образом в том, что, упоминая об отрицательных чертах Запада, Сахаров недостаточно подчеркивал мерзкие черты советской действительности. У нас все хуже, говорил Солженицын. Более того, у них пороки устранимы, а у нас – нет. И потому ужесточение конфронтации НЕИЗБЕЖНО. А там будь, что будет. Столь демонстративное пренебрежение смертельной ядерной угрозой, из-за которой, собственно, и взялся за перо Сахаров, выглядело, согласитесь, парадоксально.

Перенося эту критику на расклад политических сил «наверху», получаем следующую картину. Положение правящей коалиции было еще неустойчиво. Да, первая (шелепинская) атака сталинистов была отражена. Но пока сидели в Политбюро люди, как Г. И. Воронов или Д. С. Полянский, пока МКГ партии возглавлял В. В. Гришин и Ленинградский обком – Г. В. Романов, главной фишкой которых как раз и была неизбежность ужесточения конфронтации с Западом, (та самая, не забудем, на которой настаивал Солженицын), рецидив раскола в Политбюро исключен не был. И предсказать позицию партийной элиты в случае такого раскола, не мог никто.

Солженицына, однако, не волновало и это. Советские вожди были для него на одно лицо. Все – коммунисты и, стало быть, враги. То, что одни из них готовы были рискнуть взаимным уничтожением, а другие нет, было не то чтобы второстепенно, но как бы просто в его системе ценностей не присутствовало. Выбор для него был один: либо коммунисты перестанут быть коммунистами, как предложил он в «Письме

вождям», либо они должны быть уничтожены. Как? Очень просто: достаточно было каждому советскому человеку «перестать жить по лжи». Иначе говоря, сахаровской утопии Солженицын противопоставил свою. Какая из них выглядела, если можно так выразиться, утопичнее, судить читателю. Вот вам еще один парадокс.

Другое дело десятилетие спустя, когда ситуация изменилась коренным образом. Правящая группа кремлевских старцев уже сидела тогда в седле прочно. Сталинистской угрозы больше не было. Воинственные страсти «ястребов» с возрастом поутихли: одних убрали, других кооптировали. Кипели страсти теперь только среди военных. Их приходилось отвлекать от большой конфронтации то диверсиями в Африке, то вторжением в Афганистан. Важнее, однако, было то, что на горизонте вырисовалась отчетливая альтернатива как утопической конвергенции Сахарова, так и солженицынскому ужесточению конфронтации.

Я попытался более или менее подробно познакомить с ней читателя в главе «Русский национализм на Западе», описывая драматическую ситуацию в мировой политике конца 1970-х. В двух словах состояла она в том, что по мере вымирания главных кремлевских старцев, руководимых лишь инстинктом самосохранения (общий возраст 13 главных членов Политбюро, избранных на XXVI съезде в 1981 году составлял 989 лет!) обычный в России диктаторский обморок имел все шансы смениться столь же обычной либерализацией. И именно к этой «оттепели», чреватой в то же время националистическим взрывом, и следовало бы на протяжении ближайшего десятилетия готовиться Западу. Готовится тщательно, ибо задача предстояла сложнейшая. Одно неверного шага было достаточно, чтобы российский маятник раскрутился в обратную сторону.

К сожалению, эта точка зрения – главным образом из-за своего абстрактно-исторического характера – не стала сколько-нибудь влиятельной среди прагматичных западных политиков. Вот и свалилась на них горбачевская гласность как снег на голову. И в результате серьезно помочь ей Запад так и не сумел. Да и не верили в либерализацию здешние «ястребы»

до последней минуты. Подозревали подвох, очередной маневр коммунистов с целью усыпить бдительность Запада. Леопард, говорили, пятен не меняет.

Ну и Солженицын, конечно, будто продолжая свой старый спор с Сахаровым, даже и в 80-е подбрасывал в огонь все тот же конфронтационный хворост (помните: «Коммунисты везде уже на подходе – и в Западной Европе, и в Америке. И все сегодняшние дальние зрители скоро все увидят не по телевизору – но в уже проглоченном состоянии») Пусть читатель сам судит, чей прогноз сбьлся.

«Эта беда – наша общая»

Но мы забежали вперед. Вернемся к письму, написанному в 1969 году. Критиковал тогда Солженицын сахаровский проект немилосердно. И, не зная мы дальнейшего развития сюжета, следовало бы признать, что было в этой критике немало и справедливого. По крайней мере, вот в чем. «Рассуждать о международной политике, а тем пуще о проблемах других стран, – писал Солженицын, – мы имеем моральное право лишь после того, как осознали **свои** внутренние проблемы, покаялись в **своих** пороках» (выделено автором). И, развивая эту ключевую мысль, Солженицын ловит Сахарова на слове.

«Чтобы иметь право рассуждать о «трагических событиях в Греции», надо прежде посмотреть, не трагичнее ли события у нас». Да, «трагизм нищеты... 22 миллионов негров» рвет сердце. Но «не нищей ли 50 миллионов колхозников?» «Чтобы доглядываться издали, как «от американского народа пытаются скрыть... цинизм и жестокость», надо прежде хорошо оглянуться: а **ближе** нет ничего похожего, да когда не «пытаются скрыть», а когда отлично удается (выделено автором).

И общий вывод такой: «Это беда – наша вьезшаяся, общая. С самого начала, как в Советском Союзе звонко произнесли и жирно написали «самокритика» – всегда это была «ЕГО критика» (Выделено мной. А. Я.)» Десятилетиями нам внушали наше превосходство, а судить-рядить разрешали только о чужом... Называть вслух пороки нашего строя робко кажется грехом против патриотизма».

Честно говоря, Крылов сказал то же самое задолго до Солженицына и даже до советской власти с ее обманной «самокритикой». И сказал куда более кратко и выразительно: «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» Но, в принципе, и впрямь ведь золотое правило. Здорово было бы, научись российская журналистика не подменять информацию пропагандой (как это теперь называется). Увы, не научилась. Ни после Крылова, ни после Солженицына. Очевидно, что и невозможно это без «интеллектуальной свободы», о которой писал Сахаров и к которой Солженицын был вполне равнодушен.

Я не преувеличиваю. Вот, пожалуйста, из того же письма 1969 года: «Уж Запад-то захлебнулся от всех видов свободы, в том числе и интеллектуальной. И что же, спасло это его? Вот мы видим его сегодня: на оползнях, в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой». Это «доглядываясь издали» – та самая «общая беда», в которой упрекал Солженицын Сахарова. Ни одного дня он тогда на Западе не был и понятия не имел, о чем писал. А писал категорически, будто имел. Образцовая, согласитесь «ЕГО критика».

Помните ВСХСОН?

Действительно серьезная, принципиальная критика Сахарова начинается в письме, однако, лишь под занавес. Прежде всего за то, что перечисляя «прогрессивные силы страны», Сахаров попросту игнорировал «национализм... живые национальные силы». Мы с читателем познакомились уже, кажется, со всеми этими «силами» – и с ВСХСОН, и с молодогвардейцами, и с «Вече» и даже с «Критическими заметками русского человека». Нет сомнения, Солженицын знал их все. Если верить Джону Дэнлопу, он сочувствовал всхсоновцам и симпатизировал Чалмаеву. Вопрос лишь в том, какие из этих сил читатель и впрямь счел бы «прогрессивными»?

Второе принципиальное разногласие в письме касается того, что «соответственно требованию свободы Сахаров предлагает допустить в социалистических странах многопартийную систему». Солженицын не согласен опять-таки категорически. «Попробуем, – говорит он, – возвыситься и над западными

представлениями: в многопартийной парламентской системе не разглядим ли мы тоже некоего истукана, только уже всемирного?». Опять «русский путь» к свободе? Я очень надеюсь, что не забыл еще читатель главу «ВСХСОН». Это ведь и был центральный пункт ИХ программы!

Аргументация, правда, у Солженицына другая, схоластическая: «Partia – это часть. Всякая партия всегда защищает интересы этой **части** против – кого же? Против остальной части этого народа... А своих членов партия нивелирует или подавляет. От всего этого общество не возвышается в нравственности... И маячит нам [поэтому] поиск: а нельзя ли возвыситься и над многопартийной парламентской системой? Не существует ли путей **ВНЕПАРТИЙНОГО**, **вовсе БЕСПАРТИЙНОГО** развития нации» (выделено автором)?

Мы помним темпераментные филиппики Николая Бердяева против западных парламентов с их «фиктивной вампирической жизнью наростов на народном теле». Помним, как бесстрашно противопоставил он этим «выродившимся говорильням» именно «беспартийные пути развития нации». Правда, было это в пору его увлечения Муссолини, когда Бердяев считал «фашизм единственным творческим явлением в Европе».

Но дело ведь не в одном Муссолини. Все фашистские и полуфашистские режимы Европы того рокового межвоенного двадцатилетия, не жалея сил, искали пути «беспартийного развития нации». И у всех без исключения результат получался один и тот же: авторитарная диктатура. Даром ли после капитуляции нацистской Германии все эти попытки как ветром сдуло? А ведь это был гигантский всеевропейский, можно сказать, исторический эксперимент, в ходе которого было **ДОКАЗАНО** ценою невиданных жертв очевидное: то, что «маячило» Солженицыну (и ВСХСОН) в 1960-е, – химера. Доказана, другими словами, бессмертная шутка Черчилля, что демократия, может быть, и худшая из политических систем... за исключением всех других.

Ну ладно, всхсоновцам по молодости простительно, что они и через двадцать лет после провала «беспартийного» эксперимента не поняли химеричности «маячившего» им проекта. Но Солженицын-то бросил вызов одному из самых

выдающихся ученых мира! В столь ответственном споре как мог он себе позволить столь очевидный промах?

В том-то и дело, однако, что, как предстоит еще нам увидеть во второй части разговора о споре гигантов, Солженицын вовсе не считал это промахом. Об истории в «Добавлении 1973 года» говорил много. Но той, что прямо относилась к делу, будто и не заметил. И то был третий его парадокс.

СПОР ГИГАНТОВ

• Часть вторая •

Я довольно долго размышлял не столько даже о солженицынских парадоксах, сколько о том, как объяснить, что, настаивая на них, развернул он их в своем «Добавлении» к личному письму Сахарову в целую философию. Если в письме он вслед за всхоновцами просто отверг предложенную Сахаровым многопартийную парламентскую систему, предложив вместо этого «возвыситься и над западными представлениями», занявшись «поиском БЕСПАРТИЙНОГО развития нации», то в «Добавлении» попытался он доказать, почему именно для России авторитарная система в принципе предпочтительнее парламентской.

Признаюсь, что ничего путного так и не пришло мне в голову. Если не считать одной отчаянно странной гипотезы, в которую мне долго не хотелось верить. Я знал Солженицына как вполне современного писателя, замечательно талантливое (во всяком случае, в первых его повестях), как человека легендарного мужества, с вполне современным лагерным опытом.

Но в спор с Сахаровым вступил он все-таки не в качестве писателя, но как мыслитель, философ. И в этом качестве оказался он неожиданно, как бы это сказать, безнадежно вторичным, чтоб не сказать архаичным. Звучал как эхо давно ушедших веков. Тех, что не знали еще ни о смертоносном ядерном оружии, ни о кровавых мировых войнах XX века, ни об опыте межвоенного двадцатилетия в промежутке.

Во всяком случае впечатление было такое, что философия, опираясь на которую судил Солженицын о современных ему проблемах страны и мира, принадлежала вовсе не ему, а старинной славянофильской традиции XIX века. К той, для которой существовала лишь одна реальность – Россия и Запад, и про них она твердо знала, что – буквально по Кипплингу – «вместе им не сойтись».

Гипотеза

Нет слов, гипотеза, как я и говорил, странная: может ли в самом деле один и тот же человек жить одновременно в столь отличных друг от друга временах? С другой стороны, велик был и соблазн исследовать этот почти невероятный случай. В конце концов, окажись эта гипотеза верна, объяснила бы она все парадоксы Солженицына разом. В пользу соблазна говорило и то, что в истории русской литературы нечто подобное и впрямь случалось.

Вот хоть один пример. Гениальный Гоголь взял вдруг и написал совершенно дикие «Выбранные места из переписки с друзьями» – страстную апологию крепостного рабства, уместную разве что в Московии XVII века. Да еще и ценил ее выше «Мертвых душ». И говорил о ней: «...действовал твердо во имя Бога, когда составлял эту книгу, во славу Его святого имени, потому и расступились предо мною все препоны». Иными словами, искренне, чтоб не сказать беззаветно, верил в московитский вздор, который проповедовал.

Так или иначе, как уже, наверное, понял читатель, уступил я соблазну, взялся проверять гипотезу. Что из этого получилось, судить не мне. Скажу лишь, что последней, если можно так выразиться, каплей послужило нескрываемое презрение,

с которым отнесся Солженицын к «единодушному», по его словам, стремлению современников, включая, конечно, и Сахарова, к парламентской системе. Вот документальное свидетельство: «Среди советских людей неказенного образа мыслей почти всеобщим является представление, что нужно нашему обществу, чего следует добиваться и к чему стремиться: СВОБОДА и парламентская многопартийная система» (выделено автором).

И ничем не смог Солженицын объяснить это стремление современников, кроме «нашей традиционной подражательности Западу, пути для России могут быть только повторительные, напряженье большое искать иных. Как метко сказал Сергей Булгаков: «Западничество есть духовная капитуляция перед культурно сильнейшим». Так объясняли протест против самодержавия славянофилы XIX века: «подражательностью Западу» да обломовской ленью («напряженье большое искать путей иных»). Но современники Солженицына, советские люди с неказенным образом мыслей, разве из лени и подражательности стремились они к парламентской системе? Разве не потому, что символизировала она для них свободу?

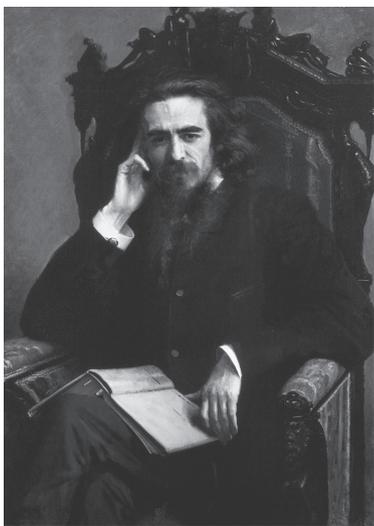
О свободе – «внутренней» и «внешней»

Вот об этом-то и были у Солженицына самые серьезные сомнения: понимают ли эти люди, что такое свобода? Знают ли, что «мы рождаемся уже существами с внутренней свободой» и поэтому «большая часть свободы дана нам уже в рождении»? Что эту «свою внутреннюю свободу мы можем твердо осуществлять и в среде внешне несвободной»? И что именно «сопротивление среды награждает наши усилия и бóльшим внешним результатом»?

Подтверждал эти сомнения Солженицын экскурсом в отечественную историю: «Россия много веков существовала под авторитарной властью... и миллионы наших крестьянских предков, умирая, не считали, что прожили слишком невыносимую жизнь. Функционирование таких систем... целыми веками допускает считать, что, в каком-то диапазоне власти, они тоже могут быть сносными для жизни людей».

Рассказал бы это Солженицын, не скажу Белинскому, которого, как мы помним, страшно возмутило аналогичное «открытие» Гоголя, но хоть Николаю I, потрясенному картиной помещичьего беспредела, развернутой перед ним на следствии декабристами. Нет, не счел эту картину царь «сносной для жизни людей». Счел «невыносимой». И тотчас распорядился создать секретный комитет, которому было строжайше наказано немедленно положить этому конец.

Удивительно ли? Вот лишь фрагмент этой картины: «Помещики неистовствуют над своими крестьянами, продавать в розницу семьи, похищать невинность, развращать крестьянских жен считается ни во что и делается явно». А ведь «функционировало» это в России вот именно что целыми веками. Нет, зря, право, полез в трясину истории русского крестьянства Солженицын. Уж очень страшные водились в ней лешие. Об одном из них еще в 1850-е напомнил в открытом письме Александру II Герцен. «В передних и девичьих, – писал он, – схоронены целые мартирологи страшных злодейств, воспоминание о них бродит в крови и поколениями назревает в кровавую и страшную месть, которую остановить вряд возможно ли будет».

В. С. Соловьев

А Солженицын уверяет: не считали его крестьянские предки, что «прожили слишком уже невыносимую жизнь». Ох, считали, Александр Исаевич, и как еще считали! Оттого и разнесли в куски самодержавную машину напрогноченной Герценом пугачевщиной, когда грянул их час. Как бы то ни было, на риторический вопрос Солженицына: «Внешняя свобода может ли быть целью сознательно живущих существ?» – любой историк, да что там историк, любой образованный человек без колебаний

ответит: «Еще бы!». Все европейские революции произошли как раз из-за этой «меньшей части свободы».

И впрямь ведь, если верить Солженицыну, получалось, что и в 1648 году в Англии, и в 1789-м во Франции, и в 1848-м во всей Европе восставшие во имя свободы народы точно так же, как советские люди с неказенным образом мыслей, просто не понимали, что «свою внутреннюю свободу они могут твердо осуществлять и в среде внешне несвободной». И потому, безумцы, затеяли свои революции зря, по недоразумению. Точнее, по недопониманию, что именно «сопротивление среды награждает наши усилия бóльшим внешним результатом». Короче, совершенный бы вздор получался.

Кто это придумал?

Впрочем, как давно уже, я думаю, догадался читатель, и само это различие между «бóльшей» и «меньшей» частями свободы вовсе не принадлежит Солженицыну. Поколения славянофильских мыслителей над ним работали. Для них это различие было императивно, ибо в центре их представления о свободе стояла необходимость ОПРАВДАТЬ самодержавие. Ибо означала для славянофилов свобода не столько гарантии от произвола власти, как для любого европейца, в том числе и русского, сколько сокрушение «западного ига», поработившего, по их мнению, Россию при императоре-предателе Петре.

Это правда, во времена Петра российское самодержавие могло затеряться в массе абсолютных монархий, господствовавших в тогдашней Европе. Но уже к началу XIX века скрыть его

Н. Е. Марков

отличие от них стало труднее. В особенности для людей проницательных, как, скажем, Михаил Михайлович Сперанский. Вот что писал он об этом в письме Александру I: «Вместо всех нынешних разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч., я вижу в России лишь два состояния – рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называют себя свободными только по сравнению со вторыми, действительно свободных людей в России нет, кроме нищих и философов... Если монархическое правление должно быть нечто более, чем призрак свободы, то мы, конечно, не в монархическом еще правлении».

Иначе говоря, с самого своего начала самодержавие отличалось от классических абсолютных монархий именно ВСЕОБЩНОСТЬЮ рабства. А уж в середине XIX века, когда бывшие абсолютные монархии превращались (или находились на пути к превращению) в конституционные, т. е. в единственную разновидность монархии, у которой был шанс сохраниться и в XXI веке, не замечать эту разницу становилось невозможно. Русское самодержавие торчало среди всех этих монархий, как гвоздь. Но – вот парадокс! – как раз этим и было оно любезно славянофилам. Для них знаменовало оно последний оплот надежды на свержение «западного ига».

Так же, как их учителя, германские романтики-тевтонофилы, ратовали они не за права человека, но за свободу НАЦИИ. Если, однако, учителя боролись против всеевропейского деспота Наполеона, законсервировавшего распад их отечества на «жалкие, провинциальные, карликовые – по выражению Освальда Шпенглера – государства без намека на величие, без идей, без целей», то ученики-то жили в могущественной европейской сверхдержаве. И, следовательно, боролись они против фантома. Объединяло их с германскими романтиками лишь одно: и те и другие боролись против Запада – с его правами человека и прочей дребеденью, ничего общего не имевшей со свободой нации.

Боролись, надо отдать им справедливость, умно и изобретательно, блестяще, как им казалось, доказывая преимущества самодержавия, пардон, «среды внешне несвободной». Вот и придумали, между прочим, про свободу «большую» и «меньшую».

И много еще чего про превосходство самодержавия придумали. И что же Солженицын? Он, словно нарочно, чтобы подтвердить нашу гипотезу, повторял как эхо за своими наставниками: «Страшны не авторитарные режимы, но режимы, не отвечающие ни перед кем, ни перед чем. Самодержцы прошлых веков при видимой неограниченности власти ощущали свою ответственность перед Богом и собственной совестью».

Допустим. Станем на минуту на славянофильскую точку зрения. Самым, пожалуй, ярким примером «ответственности» самодержца перед собственной совестью был в русской истории Иван IV. Тем более уместный это пример, что царствовал он задолго до предателя Петра, так что никак уж грехи его не спишешь на «западное иго». Так вот, известно, что со лба его никогда не сходили кровоподтеки, так истово отмаливал он свои преступления. После чего поднимался царь с колен и шел творить новые, еще более ужасные. Особенно заботясь при этом, чтобы жертвы его не успели перед смертью покаяться.

Именно это его злодеяние потрясло на всю жизнь замечательного советского историка и глубоко религиозного человека Степана Борисовича Веселовского. «Физическая жестокость палачей, – писал Веселовский, – казалась царю Ивану недостаточной, и он прибегал к крайним мерам, которые для жертв и современников были еще ужасней, чем физическая боль или даже смерть, поскольку они поражали душу в вечности. Для того, чтобы у человека не было времени покаяться, его убивали внезапно. Для того, чтобы тело его не получило выгод христианского погребения, его разрубали на куски, стлкали под лед или бросали на съедение собакам, хищным птицам и диким зверям, запрещая родственникам хоронить его. Для того, чтобы лишить человека надежды на спасение души, его лишали поминовения».

Нет спора, не все самодержцы были столь мстительны и кровожадны. Но как предугадать, который из них окажется новым Иваном IV? Вот в самом конце XVIII возник вдруг на русском престоле еще один, как раз и «вообразивший себя, по словам Н. М. Карамзина, новым Иоанном Павел I, управлявший страной ужасом». Вице-канцлер Виктор Кочубей, третье лицо в государстве, писал про нового самодержца в апреле 1799 года

послу в Лондоне Семену Воронцову (дипломатической, конечно, почтой): «Тот страх, в котором мы все пребываем, невозможно описать. Все дрожат. Доносы, верные или ложные, всегда выслушиваются. Крепости переполнены жертвами. Черная меланхолия охватила всех. Все мучаются самым невероятным образом».

А про самодержца XX века что писать? Сам Солженицын воздвиг грандиозный памятник его злодеяниям в «Архипелаге ГУЛАГ». Что ж удивляться, если понадобились советским людям с неказенным образом мыслей ГАРАНТИИ от возникновения самодержцев, ответственных только перед собственной совестью? И если ничего, кроме многопартийной парламентской системы, таких гарантий дать не может? Не придумало, видите ли, ничего другого человечество.

Самое интересное, однако

Не знаю, что скажет читатель, но мне кажется, что гипотеза, которую я взялся проверить, доказана. Не забудем, однако, что ситуация, в которой оказался Солженицын, уникальна. «Все смешалось в доме Облонских»: с ног на голову опрокинулась славянофильская картина мира. Запад, которого он вслед за своими наставниками терпеть не мог, оказался вдруг в непривычной роли единственной надежды России на освобождение. От чего? От отечественного самодержавия (авторитаризма), который ему, как всякому славянофилу, следовало оправдывать. Поистине ЛОВУШКА-22. Как быть в такой, непредвиденной наставниками ситуации, буквально разрывавшей его на части?

И он метался. Отпугивал своих от Запада: «в последние десятилетия проступили опасные, если не смертельные пороки многопартийной системы». Главный из них: «безграничная свобода дискуссии приводит к разрушению страны перед нависающей опасностью и к капитуляции в непроигранных войнах». Чего ждать от него такого: «в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой»? Но если не от него, то от кого? И, противореча самому себе, Солженицын пытался мобилизовать Запад, поднять на борьбу с «нависающей

опасностью». Толковать, что: «все сегодняшние дальние зрители скоро все увидят не по телевизору, но – в уже проглоченном состоянии».

Если честно, у Запада и его многопартийной системы есть куда более серьезные недостатки, чем «раздерганная душа» или свобода дискуссии. Например, то, что ее, эту систему, оказалось слишком легко ИМИТИРОВАТЬ – чтобы лицемерно прикрыть продолжающийся произвол власти. Но и в этом случае приходится все-таки подражателям вводить ее, как бы иллюстрируя тем самым справедливость старинной поговорки, что «Лицемерие – дань, которую порок вынужден платить добродетели».

Как бы то ни было, презирал Солженицын Запад. Презирал за расхлябанность, за несобранность, одним словом, за неспособность, – и это, согласитесь, самое интересное – спасти Россию. От самой себя.

«ИЗ-ПОД ГЛЫБ»

Последней яркой вспышкой националистической мысли между крушением «Вече» и неожиданной популярностью идей Геннадия Шиманова (т. н. «коммунистического православия, о котором нам еще предстоит поговорить»), была, конечно, публикация в середине 1970-х в Париже сборника «Из-под глыб». Инициатором и главным автором сборника был, разумеется, только что высланный из СССР Солженицын, и смыслом предприятия, помимо желания окончательно расквитаться с Сахаровым и либеральной интеллигенцией, было извещение городу и миру, что надежды свои отныне связывал он прежде всего с православным возрождением в России.

Тем более актуально это звучало, что оно, это возрождение, было, с его точки зрения, в опасности. С одной стороны, угрожало ему полуофициальное экуменическое движение внутри самой иерархии, возглавлявшееся Митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом, вторым человеком в иерархии. Но еще больше угрожало все испортить движение диссидентское, группировавшееся вокруг о. Александра Меня (авторитетными фигурами в котором были А. Краснов-Левитин, Е. Барабанов, о. Г. Якунин, М. Меерсон-Аксенов). Из этих кругов, в частности, вышел совершенно уже еретический анонимный сборник «Метанойя», опубликованный в 1970 году в «Вестнике» РХД.

Ужасные вещи говорились в этой «Метанойе» (что, между прочим, по-русски означает «раскаяние, покаянное изменение ума»). Это кому же предлагалось покаяться? «Народу-победителю фашизма»? Один пример скажет все: «Россия не избавится от деспотизма до тех пор, пока не откажется от идеи национального величия. Поэтому не “национальное возрождение”, а борьба за свободу должна стать центральной творческой идеей нашего будущего». Понятно, что такая наглость вызвала единодушное осуждение националистической

общественности. «Отпорами» ей был полон православный самиздат. Но качество этих «отпоров» выглядело безнадежно любительским.

Опять-таки одного примера (кстати, тоже опубликованного в «Вестнике» РХД), достаточно: «В 17 веке русские люди сокрушили Самозванца, что делает войны Смутного времени преобразованием конечной борьбы с Антихристом. Пафосом борьбы с Антихристом вдохновлялся русский народ и в войне 1812 года. На памяти живущего поколения вновь исполнились жертвенные судьбы России, Имеются многочисленные свидетельства, что нашествие фашистов было не только военной, но и мистической, сопоставимой с вторжением Чингисхана. Не призывается ли Россия снова стать щитом против чингисидов XX века (читай: китайцев), заявивших претензии на завоевания своих предшественников?» Короче, Россия только и делала, что спасала мир от Антихриста. Ей ли каяться? Ей ли забыть о своем национальном величии?

Разумеется, такая фундаменталистская абракадабра не выглядела в глазах Солженицына серьезным ответом на экуменическую угрозу «православному возрождению». Нужен был, по его словам, «коллективный сборник такого объема, серьезности основных поставленных проблем и решительности их трактовки, какого не было в Советском Союзе за 50 лет» Таково было предназначение «Из-под глыб».

В принципе можно было идти по стопам «Вече», который первым выдвинул в качестве бастиона против экуменизма московитскую традицию России. «Вече», как мы помним, опирался для этого на учение Н. Я. Данилевского, возведшего изоляционизм в ранг естественно-исторического закона. Согласно Данилевскому, напомним, славянский (т. е. православный) и романо-германский (т. е. европейский) миры представляли собой непроницаемые друг для друга «культурно-исторические типы», локальные цивилизации, как сказали бы сегодня. А всемирной Цивилизации не существовало вовсе.

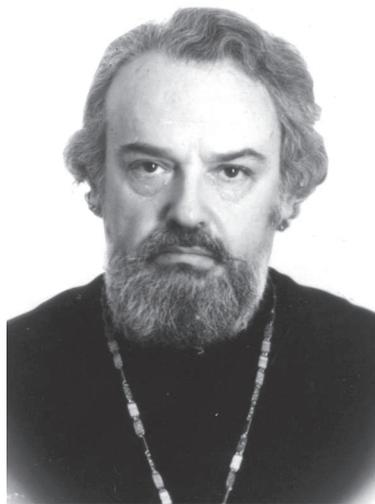
Но с Данилевским как с законоучителем были проблемы. Мало того, что отрицанием всемирной Цивилизации снималась и проблема «всемирного» Варварства, которое предстояло как-то преодолеть. Непонятно было также, с какой точки

зрения смотрит сам Данилевский на оба культурно-исторических типа? Как он может увидеть другой тип, и, тем более, сразу оба «сверху», если они непроницаемы друг для друга? Уж не со «всемирного» ли птичьего полета бросает этот взгляд Данилевский, противореча сам себе? И, наконец, как обеспечить чистоту самой славянской «цивилизации»? Куда было девать поляков, чехов, словаков и хорватов, которые, никуда не денешься, были католиками? Тут ведь развернулся прямой путь к экуменизму. И главное, Данилевский был позитивистом, т. е. совершенно не подходящим учителем для рекрутирования новых адептов «православного возрождения».

Солженицыну и редакции «Из-под глыб» нужно ведь было еще объяснить этим будущим рекрутам, как обстоит дело с изоляционизмом (и вообще с национализмом) с точки зрения метафизики, с точки зрения христианского «несть ни эллина, ни иудея». Не должно нас поэтому удивлять присутствие в солженицынском сборнике его молодых друзей, чьи страстные метафизические трактаты призваны были обосновать антилиберальную, антиэкуменическую стратегию совсем иначе, чем делал это столетием раньше позитивист Данилевский.

о. Иоанн (Кронштадтский)

о. Александр (Мень)

И, честно говоря, именно эти богословские, по сути, трактаты, а не унылое наукообразное пережевывание старой жвачки М. Агурским и И. Шафаревичем и представляют самое интересное в «Из-под глыб» (за исключением, конечно, статей самого Солженицына).

«Нация–личность»

В блестяще написанном эссе, которое так и называется, В. Борисов рассказывает драматическую сагу о крушении «гуманистического сознания», для которого «альфой и омегой была свобода человеческой личности». На самом деле, объясняет Борисов, это миф, для которого нет никаких рациональных оснований. Просто потому, что «личность в своем первоначальном значении есть понятие религиозное и даже специфически христианское». Ибо «индивидуум – это раздробление природы, самозамыкание в частности и его абсолютизация», в силу чего есть он «воплощенное отрицание общей меры в Человечестве».

В противоположность индивиду, «личность не дробит природу, поскольку содержит в себе всю ее полноту». Что же это за личность такая? А это, раскрывает, наконец, секрет Борисов, «нация как целое», «нация как личность, без которой индивид не имеет ни самостоятельного значения, ни самостоятельной ценности». Изгой, одним словом. Правда, единственным подтверждением этого является, по Борисову, событие дня Пятидесятницы, когда Св. Дух снизошел на апостолов и они заговорили НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ.

Нет, автор не утверждает, что все это уже осознано христианским человечеством. поработанным секулярным гуманизмом. Понадобится большая работа, чтобы освободить его из «плена египетского». Но «такова принципиальная установка христианского сознания». И Борисов полон оптимизма, ибо установка эта непременно «подлежит реализизации в человеческой истории». Ибо «не может народ не стремиться к осуществлению полноты своей личности». Ибо «нация есть один из уровней в иерархии христианского космоса, часть неотъемлемого Божьего замысла о мире».

Рискуя профанировать метафизический пафос автора, скажем попросту, что смысл его открытия таков: вопреки общепринятому представлению исторической науки о сравнительно недавнем происхождении наций, существовали они ВСЕГДА, во всяком случае с момента, когда Св. Дух снизошел на апостолов. Или еще проще: человечество квантуется не индивидами, а нациями.

Смертный грех интеллигенции

К трактату Борисова примыкает эссе Ф. Корсакова «Русские судьбы», где разговор переносится с горних высот иерархии космоса на грешную русскую землю. В страстном, темпераментном символическом потоке речи, почти стихотворении в прозе, выясняется несовместимость «Бога Авраама, Исаака и Иакова с Богом философов и ученых». Это, конечно, заимствовано у Паскаля, но представляется Корсакову самоочевидным и триста лет спустя. Ибо «что же дали все мудрствования века Просвещения, кроме Конвента и гильотины» и «за вздором интеллигентского морализма с его гуманистической фразеологией» кроется все та же «антихристова структура», все тот же «черт с рогами и копытами».

Между тем «Бог философов и ученых» принес за эти столетия многим странам, пусть и не России, не одну лишь гильотину, но и ГАРАНТИИ ОТ ПРОИЗВОЛА ВЛАСТИ. А так ли уж это мало, если дало возможность миллионам людей жить по-человечески? И все потому, что не пренебрегли они кантовским императивом «*Sapere aude!*» – имели мужество пользоваться собственным умом. Это, однако, по Корсакову, и есть худшая из ересей. Ибо именно попытка самостоятельно понять Божественный замысел и есть гордыня и, следовательно, смертный грех, от которого должна отречься интеллигенция, чтобы приобщиться к православной Истине. Без такого отречения никогда не сможет она понять, что «православие, только оно одно истинно».

А загадка этой уникальности православия, узнаем мы далее, связана с загадкой русской нации, которая отличается «от всего остального мира, существующего в некой иной – «разомкнутой

системе». Что такое «разомкнутая система», нам не объясняется, говорится лишь, что «все бьющие в глаза преимущества той, якобы свободной разомкнутой системы бесконечно уничтожают себя, тогда как здесь все остается с нами». Тут автор, признаюсь, меня потерял.

При моем безнадежном невежестве в вопросах иерархии христианского космоса и «разомкнутых систем», мне ли оспаривать схоластическую риторику молодых друзей Солженицына? Скажу лишь, что будь я на его месте, я бы не взял ее в сборник, которым он так гордился. Но он взял, значит, надо полагать, счел, что свою функцию она худо-бедно выполнила, изоляционизм и «особый путь России» в богословских терминах обосновала. Да и то сказать, ребята старались, рисковали свободой. А если получилось у них не очень внятно и убедительно, на то был в сборнике он, Солженицын, окончательно порвавший отныне с либеральной интеллигенцией и ее губительным экуменизмом, чтобы расставить все точки над *i*.

«Образованщина»

В отличие от своих молодых друзей, он не ссылался ни на иерархию христианского космоса, ни на «якобы свободные разомкнутые системы». Он не доказывал, он бил. Вложив в этот удар весь свой авторитет и мировую славу, бил по своим. По тем, кто самоотверженно выступал в его защиту, кто шел в тюрьму за чтение его «Письма вождям». По вчерашним диссидентским союзникам, по самиздатским мыслителям, мучительно следовавших завету Канта – в поисках выхода из советского тупика. Бил, не считаясь с тем, что, как горько заметила Юлия Вишневская, «слишком хорошо знал, что любое возражение ему будет расценено в СССР чуть ли не как сотрудничество с КГБ».

Это их, вчерашних союзников, которые прятали его и перепечатывали его рукописи, передавая их «на одну ночь» из рук в руки, распространяли, рискуя репутацией и свободой, обозвал он теперь презрительно «образованщиной» (так назвал Солженицын одну из своих статей в «Из-под глыб»). Это им отказывал он в человеческом достоинстве и в нравственности мирозерцания. А кому же, если не им? Не чиновному же

союзписательскому сословию, от которого и не пахло экуменизмом. Не «вождям», с которыми, как мы помним, готов он был к диалогу, поскольку «не чужды они своему происхождению, отцам, дедам, прадедам и родным просторам». Не уралвагонзаводской, наконец, гопоте, с энтузиазмом клеймившей его на митингах как «литературного власовца» и национал-предателя.

Унизительно было бы опуститься до опровержения его приговора (не говоря уже о том, что эволюцию взглядов Солженицына мы довольно подробно рассматривали в «Споре гигантов»). Задержимся на минуту лишь на одной, спорной, скажем так, детали, что могла бы ускользнуть от внимания читателя при невнимательном чтении «образованщины». Я говорю о таких сентенциях, как «потеря в образовании – не главная потеря в жизни», и таких рекомендациях, как императивность создания «новой жертвенной элиты, воспитанной не столько в библиотеках, сколько в нравственных испытаниях». Да и правда, при чем здесь библиотеки, если «православное возрождение» требует от нас пойти к народу вместе с «полуграмотными проповедниками религии».

Не знаю как вас, но меня пронзила здесь почти невероятная догадка, что солженицынская «образованщина» середины 70-х всего лишь прозрачный псевдоним молодогвардейского «просвещенного мещанства» конца 60-х, той самой – помните? – «дипломированной массы. что как короед подтачивает здоровый ствол нации». Разве не были, по Чалмаеву, все великие подвиги в русской истории совершены как раз «проповедниками религии» – в союзе, конечно, с царями и ломая сопротивление «образованщины», пардон, «просвещенного мещанства»?

О, разумеется, во всем, что касается сегодняшнего дня, Чалмаев и Солженицын – «национал-большевик» и «возрожденец», по терминологии их американских попутчиков, – непримиримые враги. Но посмотрите, как на наших глазах превращаются они в союзников в том, что касается прошлого России. И главное – в том, что касается ее будущего!

Три главных элемента оба одинаково выделили в структуре русского общества – два положительных и один отрицательный. И странным образом все три у обоих совпали. Чалмаевские «пустынножители» оказались близнецами солженицынских

«проповедников религии». Чалмаевские «цари и князья церкви» не пример ли они для солженицынских «вождей»? О предательской роли «просвещенного мещанства», «образованщины» между ними и спора нет. Как это объяснить?

Все, кажется, станет яснее, если мы вспомним, как неожиданно оказались двоюродными братьями неудавшиеся ниспровергатели «коммунистической олигархии» из ВСХСОН и ее неудавшиеся спасители, молодогвардейцы. Ответ, похоже, один в обоих случаях: ЛОГИКА РУССКОЙ ИДЕИ. Сказав «а» (выбрав, иначе говоря, «особый путь» России в человечестве), националист, как бы ни относился он к существующему режиму и будь он хоть семи пядей во лбу, не может не сказать «б». А «б» у них у всех одинаковое.

ИЗМЕЛЬЧАНИЕ РУССКОЙ ПАРТИИ

Начиная с конца 1960-х Русская партия предложила, как мы видели, «патриотическим» массам практически все свои крупные идеи переустройства и возрождения страны. И – странное дело – ни одна из них массы не зажгла, ни одна не была ими усвоена как руководство к действию, не повелись, на них, как говорится, массы. Ни на *всхоновскую* теократию, ни на «сибирский проект» «*Вече*», ни на «православное возрождение», к которому под влиянием Солженицына склонялась редакция «*Из-под глыб*», ни даже на *молодогвардейскую* «русификацию духа». Не интересовало «патриотические» массы ничего, кроме антисоциализма и... советской власти.

Конечно, иные активисты Русской партии утешали себя надеждой на ход времени. Ну, не могла же пустота брежневского безвременья продолжаться вечно. Должна же их пропаганда когда-нибудь принести плоды. Как писал ленинградский активист М. Любомудров, «борьба наша идет тихо, бесшумно, порой скрытно, в сложном переплетении тайного и явного, замаскированного и открытого. Совершается высвобождение отчизны из плена вавилонского». Но... никакого «высвобождения» в реальности не наблюдалось. Другое наблюдалось: старые идеи Русской партии не сработали, а новых не было.

И мельчала поэтому к концу 1970-х ее интеллектуальная элита, и ширилась пропасть между ней и ее массовой «патриотической»

М. А. Суслов

базой. И особенно это было обидно потому, что карты вроде бы как сами шли ей в руки. В 1978 году на ключевой пост заведующего Отделом пропаганды ЦК партии назначен был покровитель молодогвардейцев бывший первый секретарь ЦК комсомола Е. В. Тяжелников. В 1981-м главным редактором популярнейшей «Комсомольской правды» стал лидер Русской партии В. Н. Ганичев, бывший директор издательства «Молодая гвардия». И, конечно же, переташил он к себе из поблекшего после увольнения А. В. Никонова одноименного журнала многих преданных «никониан» (так они себя называли). А идеи как назло не появлялись.

Скандалы вместо идей

Нет, я вовсе не хочу сказать, что Русская партия сидела в конце 1970-х сложа руки. Любомудров был прав, ее борьба за «освобождение из плена вавилонского» продолжалась. Но как она выглядела, эта борьба? Если десятилетие назад главным ее инструментом были идеи, то сейчас их место заняли... доносы. Я не преувеличиваю. Вот несколько примеров.

В 1978 году сотрудник Института философии Е. С. Евсеев опубликовал скандальную монографию «Сионизм в системе антикоммунизма». Смысл ее, понятное дело, был самый тривиальный: советская культура захвачена евреями. Но пикантность ее заключалась в том, что замаскированным их вдохновителем представлен был новый главный редактор «Нового мира» С. С. Наровчатов, пьяница, но в остальном надежный, проверенный товарищ с большими связями. «Правда» осудила книгу Евсеева. Скандал пришлось гасить самому Тяжелникову.

В декабре того же года будущий главный редактор «Нашего современника» Станислав Куняев написал письмо в ЦК партии, обличившее «русофобские и сионистские мотивы» в знаменитом либеральном альманахе «Метрополь». В результате инициатор альманаха Василий Аксенов был исключен из Союза писателей (мы еще поговорим об этой истории подробнее). В 1979 году активист Русской партии В. С. Бушин (псевдоним Вадима Григорьева) обвинил в журнале «Москва» в сионистских мотивах повесть Булата Окуджавы «Путешествие

дилетантов». Миролюбивый Булат просто отмахнулся от Бушина как от мухи. Последствий не было, но публичный донос был. И скандал тоже.

В апреле 1982 года «Комсомольская правда» опубликовала коллективное письмо писателей-деревенщиков под названием «Рагу из синей птицы». В письме сурово осуждалась за «неуважение к национальным традициям» популярная рок-группа «Машина времени». Секретом Полишинеля было, что Русская партия сводила таким образом счеты с отцом руководителя группы Андрея Макаревича (*что, через 32 года повторяется в его августовской травле*), который, по ее мнению, был главным закоперщиком компании архитекторов-сионистов, целенаправленно разрушавшей исторические памятники Москвы.

В том же апреле активист Русской партии, критик Аполлон Кузьмин впервые публично приравнял в «Нашем современнике» термины «русофобия» и «антисоветизм», обвинив коллегу, литературного критика Валентина Оскоцкого в обоих грехах разом. Скандал был нешуточный.

Ловушка

Я не знаю, как иначе назвать этот интеллектуальный упадок Русской партии в конце 1970-х, нежели ее измельчением. Может быть, какой-нибудь находчивый читатель назовет его как-то по-другому, но суть дела едва ли от этого изменится. Тем более, что состояла эта суть в двух неоспоримых фактах. Во-первых, обращалась отныне Русская партия для «высвобождения из плена вавилонского» вовсе не к оппозиционным массам, а к... Вавилону, т. е. к власти – в надежде, что именно власть рассудит ее с сионистами».

Во-вторых, что еще важнее: чем упорнее нажимала Русская партия на единственную, оставшуюся в ее распоряжении кнопку, на «сионистскую» опасность, тем шире становилась пропасть между ней и ее «патриотической» базой. Объяснение этому парадоксу было простое, Нет, вовсе не был очарован коммунизмом «патриотический» читатель. Просто советская власть представлялась ему БОЛЕЕ НАДЕЖНОЙ защитой от «сионистской» напасти, чем все альтернативы ей,

предложенные ему Русской партией. Обзор читательской почвы «патриотических» изданий, цитировавшийся в нью-йоркском «Новом журнале», не оставит сомнений, что она попала в собственную ловушку.

«Раскачать коммунистическую власть легко, – писал один читатель, – но потом-то что? Ведь если скинуть большевиков, к власти придут сионисты, у них деньги и агентура плюс блестящая организованность, а у нас ничего, кроме большевистской партии, которая плохо-бедно, но защищает нас, русских». Читатели ссылались на книги В. С. Пикуля («У последней черты», первоначальное название «Нечистая сила») и Солженицына «Август 14» и были уверены, что досконально знали ситуацию в православной монархии, от которой освободили ее коммунисты. Они не хотели, как писал второй читатель, «оказаться беззащитными перед еврейской бандой Рубинштейнов, Винаверов и Симановичей, как оказались наши деды». Разве не православная монархия «позволила сионистам не только захватить русскую прессу и промышленность, но и втравить Россию в мировую войну – и тем самым совершить политическое самоубийство?»

Злую шутку, право, сотворила история с идеологами и писателями Русской партии. Не они ли убедили своего читателя во всемогуществе «сионистов»? В том, что дай им волю, они завоюют Россию? Незадачливые эти идеологи думали, что слово их, заимствованное из «Протоколов сионских мудрецов», падет на девственную почву. На самом деле обращались они к людям, воспитанным в сети советского политпросвета, и посеянные ими «Протоколы» неразрывно переплелись в сознании «патриотического» читателя с азами вульгарного марксизма.

И вот вам результат. «Советская власть, сменившая самодержавие, – пишет третий читатель, – сделала главное: лишила сионистов в нашей стране права частной собственности на средства производства. Может быть, эта фраза набила кому-нибудь оскомину, но если бы не это, 2000 год для детей Израиля уже давно наступил бы и все проблемы русского народа давно лежали бы на дне топок сионистских крематориев». Четвертый подхватывает: «Все, что в нашей сети политпросвещения

называется империализмом, эксплуатацией, угнетением, – все это относится к богатым евреям».

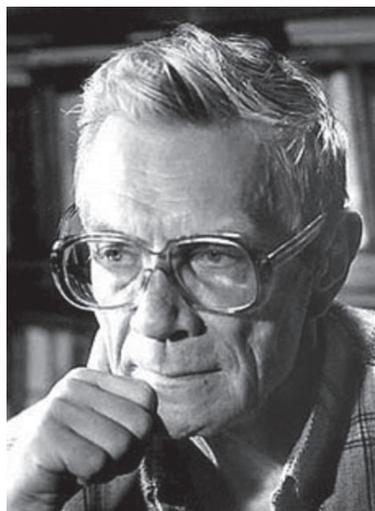
Ты этого хотел, Жорж Данден! Годами сеяла Русская партия в советских «патриотических» массах дикую ксенофобию. Удивляться ли, если чудовищной оказалась жатва?

Что оставалось? Карьера!

При всем том Русская партия вела себя, как мы видели, на удивление агрессивно и уверенно. Николай Митрохин, автор «Русской партии», объясняет это так. Ждать, по их мнению, оставалось недолго. По мере вымирания кремлевских старцев власть будет переходить к ним, к кому же еще? Подтверждение: выписка из дневника Сергея Семанова, серого кардинала партии: «Сказал Ганичеву, что ждать нам осталось 3–4 года, потом будет много лет, чтобы занимать боевые посты. Сходные самооценки можно найти в воспоминаниях и интервью с другими участниками русской партии» (Митрохин пишет это название с прописной буквы). Общее заключение такое: «Итоговую цель их усилий можно определить достаточно однозначно: за счет

С. Ю. Куняев

В. В. Кожин

критики либералов и скрытых евреев, за счет призывов к проведению более агрессивной внешней политики и к прекращению разрядки – восполнить пустоту брежневского правления и занять ключевые посты в идеологической сфере». И это все?

Где вы, времена ВСХСОН и «Вече», времена мужественного, смертельно-серьезного племени, готового идти в тюрьму ради возрождения отчизны? Были ведь, и у них были свои Дон Кихоты, свои Новодворские наоборот? Всего десятилетие назад были. А теперь что? «Ключевые посты»? «В вавилонском плену»? Интеллектуальная нищета русофилов конца 1970-х поражает воображение. Даже от отчаянной молодогвардейской попытки остановить деградацию режима следа не осталось...

Массу фактов приводит Митрохин, подтверждающих эту скоропостижную идейную кончину Русской партии (хотя он таких выражений не употребляет. Вероятно, потому, что пренебрег ее героическим периодом, не видит контраста). Ну вот хоть один такой факт. Митрохин цитирует воспоминания Станислава Куняева, самого, пожалуй, активного их тогдашних ее деятелей. «Куняев понял, что его не устраивает обычное времяпрепровождение членов русской партии, состоящее в употреблении алкоголя, перемежаемого чтением и пением стихов Лермонтова и Есенина». И, «действительно, – продолжает Митрохин, – выступления Куняева показывают, так сказать, желание “русского человека” дать ответы на актуальные вызовы времени».

Увы, самым опасным таким «вызовом» оказался для Куняева уже упоминавшийся выход альманаха «Метрополь». Ответил он на него, как мы помним, доблестно, как и положено было «русскому человеку» конца 1970-х, – доносом в ЦК партии. Сам Куняев объясняет, почему сочинил он этот донос, довольно цинично: «Конечно же (к чему лукавить?) мне не было дела до того, что печатают Белла Ахмадулина или Инна Лисянская и тем более Попов с Ерофеевым... Но я понял, что правильно сделал, оформив свое сочинение как письмо члена партии в родной Центральный комитет, пусть все это выглядит как забота о судьбе культуры, а не как нелегальная листовка, пусть лучше меня прорабатывают в ведомстве Зимянина [т. е. в ЦК], а не Андропова [т. е. не в КГБ]. А пока прорабатывают – пусть

расходится по руслам и ручейкам патриотического самиздата, помогает нашему общему русскому делу».

Лукавит Куняев, знал, что выбор у него был вовсе не между доносом и нелегальной листовкой, мог ведь и напечатать свое «сочинение» как рецензию в «Молодой гвардии», или в «Огоньке», или, на худой конец, у себя в «Нашем современнике». Но кто бы обратил там на него внимание? Другое дело письмо а «родной Центральный комитет», от озабоченного судьбой русской культуры члена партии. Сигнал, сионисты, можно сказать, торжествуют, куда смотрит партийное руководство? Скандал, исключения из Союза писателей. И неожиданный приварок. Да еще какой!

В. Матусевич, трудившийся в ту пору в «Нашем современнике», вспоминает: «Куняев написал письмо в ЦК, а на следующий день его сына, который выбежал на улицу за сигаретами, сбила машина. Куняев теперь везде ходит и всем рассказывает, что это месть сионистов». Ох, и глупы же, прости господа, были все эти любители «ключевых постов»! Так и не поняли, что, чем больше трезвонили они о всемогуществе «сионистов», тем вернее оказывались генералами без армии и тем дальше, стало быть, от своих вождельных «постов». Ибо шире становилась пропасть между ними и их собственной политической базой, и крепчала уверенность «патриотических» масс, что оборонить их от этих всемогущих «сионистов» способна только большевистская партия. На самом деле требовалось то, чего у них не было. Требовался

Мост через пропасть

И нашелся, как это всегда бывает, человек, способный такой мост предложить. Конечно, сделан был этот человек совсем из другого теста, нежели все эти Куняевы и Семановы, разменявшие Русскую идею на «ключевые посты». Скорее походил Геннадий Шиманов (речь о нем) на моего приятеля Толю Иванова, т. е. был одним из тех русских интеллигентов, что оставили мечту о жизненном успехе и ушли «на дно» материального существования, чтобы обрести там свободу. Шиманов был лифтером. Там, на дне, «в подвале, где сыро и душно, рядом

с мусоропроводом», написал он десятки статей и собрал их в два самиздатских манускрипта «Письма о России» и «Против течения».

В героическом периоде Русской партии, в конце 1960-х – начале 1970-х, водиться с Шимановым не хотел никто. В ВСХСОН его бы и на порог не пустили. О молодогвардейцах или о вотчине Солженицына, редакции «Из-под глыб», и говорить нечего. Даже в «Вече» его развернуться ему не дали. 29 апреля 1973 года Осипов написал резкое письмо Шиманову: «Наша линия правее революционистского подполья (читай: ВСХСОН), но левее той робкой позиции, на которой стоите Вы. Думаю, что СВЕРХПОСЛУШАНИЕ так же, как и бунт, не принесут России добра». Это все Шиманов сам мне рассказал – и показал, – когда мы встретились после моего возвращения в СССР в 1990 году и даже в некотором смысле подружились. Ничего не могу с собой поделатъ: уважаю мыслящих людей, даже если они на противоположном полюсе политического спектра.

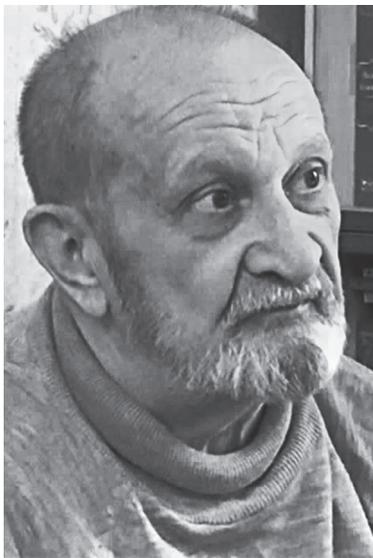
Совсем иная ситуация сложилась в конце 70-х, когда все конкуренты Шиманова оказались отторгнутыми «патриотическими» массами, а легальная фракция националистического диссидентства и вовсе, как мы видели, выродилась в любителей «ключевых постов» и доносов. Тогда и пришло время Шиманова. Засвидетельствовал это редактор «Московского сборника» (самиздатского сборника, попытавшегося заменить «Вече»), бывший всхсоновец Леонид Бородин, предпослав его статье такую ремарку: «Точка зрения Г. Шиманова **сегодня весьма популярна** в среде национально настроенной русской интеллигенции». Следовало читать: ничего, кроме шимановских идей в арсенале Русской партии не осталось.

Им, этим идеям, и посвятим мы следующие две главы.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

• Часть первая •

В двух словах самиздатские сочинения Шиманова (в особенности «Против течения») были последней в советское время серьезной попыткой перебросить мост через пропасть, развергшуюся между, так сказать, интеллектом Русской партии и ее «патриотической» почвой. Сам он рассматривал эту попытку как единственный шанс предотвратить то, что Путин впоследствии объявил «величайшей геополитической катастрофой XX века», т. е. распад советской империи (ее, эту империю, Шиманов именовал не иначе, как **«мистическим организмом»**, состоящим из наций, которые во главе с русским народом представляют **малое человечество** – начало и детонатор для человечества «большого»). Стоит ли напоминать, что попытка была неудачной?

Г. М. Шиманов

Но вот как Шиманов это предотвращение себе представлял (длинно, но ничего не поделаешь, он писал размашисто, в духе XIX века, в дальнейшем я буду стараться излагать, где возможно, его многословные периоды своими словами, но иногда придется потерпеть): «Ныне советская власть уже не может всерьез стремиться к призраку коммунизма. Но в то же время не может она и отказаться от грандиозности своих задач, ибо иначе придется держать ответ за напрасные жертвы, которым поистине нет числа. И только в том сможет

она найти оправдание, что была бессознательно, а ныне вполне сознательно является инструментом Божиим для построения нового христианского мира. Иного оправдания у нее нет, а это является подлинным и великим оправданием. Признав его, наше государство откроет в себе неисчерпаемые источники духовной энергии и силы, каких не было в истории никогда. Ветхий языческий мир Запада ныне уже окончательно изжил себя. Чтобы вместе с ним не погибнуть, надо построить новую цивилизацию. И только советская власть, приняв православие способна начать ВЕЛИКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ МИРА».

И это все? – спросит скептический современный читатель. Опять заплесневелая славянофильская тягомотина? Опять «Русская вера» в роли спасительницы мира? Даже РПЦ не осмелится нести такую откровенную пургу из опасения стать всемирным посмешищем. Погодите, однако. Перед нами текст, написанный в предчувствии крушения советской империи в 1970-е (!), когда никто, кроме Шиманова, не мог себе этого представить даже в дурном сне. Автор в панике. Он отчаянно искал способ предотвратить катастрофу, о неминуемости которой никто еще не догадывался. И подумайте, разве «Русский мир», провозглашенный недавно в качестве официальной идеологии РФ, не есть лишь светская версия того же поиска? И разве она хоть сколько-нибудь более рациональна, чем шимановская?

Чтоб не быть голословным, сошлюсь на ищущих (в данном случае на бывшего премьер-министра т. н. ДНР А. Ю. Бородаю). Вот его свидетельство: «Границы Русского мира значительно шире границ Российской Федерации. Я выполняю историческую миссию во имя русской нации, суперэтнуса, скрепленного православным христианством. Так же, как на Кавказе, я борюсь на Украине против сепаратистов, на этот раз не чеченских, а украинских. Потому что есть Россия, великая Россия, Российская империя. И теперь украинские сепаратисты, которые находятся в Киеве, борются против Российской империи». Каково? Сепаратисты – это, оказывается, не донецкие мятежники, а правительство суверенной Украины? Захочется вам после этого смеяться над Шимановым?

Право же, его мысль выглядит образцом ясности по сравнению с мешаниной из высказываний Победоносцева, Столыпина,

Гумилева и Проханова, которая царит в голове этого человека, нашего современника. Но, по сути, в обоих случаях одинаково в основе идеологического переворота, лежит все та же Русская идея, которой посвящена эта книга. Отречение, то есть, от Европы во имя неких «традиционных ценностей», к числу которых относится, как видим, и православие?

На самом деле речь идет об отказе от петровской культурно-политической ориентации, властвовавшей над умами отечественной элиты на протяжении столетий. Суть ее высказала в краткой формуле еще Екатерина Великая: «Россия есть держава европейская». Никакой «русской веры» или «русского мира» эта ориентация не предусматривала. Их введение в формулу российской государственности означает идеологическую революцию. Она не произошла в СССР. Она происходит в РФ. В конце концов главная разница между проектами шимановской «русской веры» и путинского «русского мира» лишь в том, что последний безнадежно опоздал, когда ничего уже не поправишь, почивший в бозе «мистический организм» не воскресить.

Совсем иначе, согласитесь, обстояло дело в начале 1980-х, когда даже Андропов растерянно признал, что «мы не знаем страны, в которой живем». Соберись тогда все националистические силы державы под шимановским, антипетровским

И. И. Гиркин (Стрелков)

А. Ю. Бородай

знаменем и мобилизуй они для этого переворота «патриотические» или, как сказали бы сейчас, уралвагонзаводские массы, кто знает, чем это могло закончиться? Так что не торопитесь смеяться над Шимановым. Может быть, и впрямь не существовало другого способа сохранить советскую империю?

Да, предложил он вернуться в допетровскую Московию. И себя предложил в качестве лидера уралвагонзаводских масс – с тем, чтобы повести их против кучки либералов-западников. И он ведь, действительно, подходил для этой роли, как никто. Простой человек, лифтер, патриот, без диплома о высшем образовании (Шиманов даже и среднюю школу не закончил) – один из них. Нет спора, амбиции были у него колоссальные. И на первый взгляд смешные. Лишь до тех пор, однако, пока не становится страшновато. Повезло, наверное, все-таки России, что элита Русской партии была так ничтожна. Что не собралась она вокруг Шиманова и остался он непонятым одиночкой.

Могло ли все сложиться иначе? Не знаю. В принципе, могло. Серьезных конкурентов в качестве идеолога реакции у Шиманова к началу 1980-х уже не было. Не Куняев же в самом деле с компанией, озабоченной «ключевыми постами». И Владимир Осипов, бывший редактор «Вече» и тем более Солженицын были напрочь скомпрометированы в глазах уралвагонзаводского читателя поддержкой «сионистского» Запада. Их интервьюировали «сионистские» журналисты, их печатали в «сионистских» изданиях, о них говорили по «сионистскому» радио. Шиманов был в этом смысле чист: он представлял своего читателя в его незамутненной ненависти к «сионизму». И он, единственный, мог законно претендовать на роль посредника между «вождями» и массами. (У него, впрочем, были свои скелеты в шкафу: раннее увлечение либеральным христианством, психушка, «Записки о красном доме», которые тоже передавали по Би-би-си, но все это, полагал он, было давно забыто).

Чего ему не хватало – это «крыши». Сказывались годы изоляции в «подвале рядом с мусоропроводом», без связей, без сильных покровителей, без доступа к читателю, даже самиздатскому. Никто наверху не заинтересовался им. Да и то сказать, триста, если память мне не изменяет, страниц убористого

машинописного текста – в один интервал (!). Кто из вельмож Русской партии осилил бы это?

Но пойдем по порядку. Ведь за тем, чего мы мельком в этом вступлении коснулись, целая философия. Я буду стараться свести свои комментарии к минимуму, выделяя их в скобках. Но все-таки придется, как я уже говорил, большей частью излагать шимановский текст своими словами. В наш твиттерный век не всякий читатель сумеет прорваться сквозь его велеречивые тирады. Итак,

Доктрина историческая

Приходится все же начать с цитаты. «И очевидный, – пишет Шиманов, – крах коммунистической утопии, который нельзя бесконечно замалчивать и из которого надо с достоинством выходить, и ничтожество западных путей, неспособных привлечь к себе никаких симпатий, и военная опасность со стороны Китая, и внутренние процессы буржуизации и духовно-нравственной деградации, которым надо не на словах, а на деле противостоять, все это должно толкать советскую власть сначала к частичным переменам, а затем и к решительным – перед лицом скорой государственной катастрофы».

Значит ли все это, что колоссальные жертвы, принесенные русским народом на пути к всемирной цели, заменившей ему Бога, напрасны? Что цели больше нет? Что Бог, так сказать, умер? Этот страшный вывод, который инстинктивно отбрасывался его читателями, вывод, о котором они боялись думать, как о собственной смерти, отбросил в своей исторической доктрине и Шиманов. Все не так, как объясняют вам либералы, говорил он, все наоборот.

Просто христианство как универсальный инструмент спасения мира, «не удалось». Выйдя из катакомб, оно соблазнилось блеском материальной культуры и променяло свою всемирную миссию на чечевичную похлебку мирской власти. Миссия осталась без носителя. Но... был один народ на земле, который Провидение уберегло от соблазнов «испорченного» европейского христианства. Уберегло страшным, но благодатным способом – наслав на него монголов, отрезавших его от «мощных

ренессансных объятий Европы». Так, единственная на свете, чудом сохранила Россия «истинную веру» среди всемирного торжества буржуазной «порчи».

И так открылся Шиманову «modus operandi» Провидения. Когда оно хочет охранить свой избранный народ от мирских соблазнов, оно насыляет на него чуму, национальное бедствие. Да, и монгольское иго, и петровская реформа, и Октябрьская революция, и советская власть, и ГУЛАГ были великими бедствиями народными. Но бессмысленность их жестокости лишь кажущаяся. На самом деле они полны смысла, ибо стоит за ними божественный Промысел. Они – цена за великое будущее народа русского.

Выше голову, русские! Вы на верном пути к истинной цели. Крушение коммунистической утопии расчистило перспективу. Присмотритесь, и вы увидите: ее крах возвещает зарю обновленного христианства. Соедините русскую веру с имманентно религиозной сущностью коммунизма (здесь Шиманов заимствует старую бердяевскую идею о коммунизме как инобытии христианского мессианства, идею, которую все его предшественники избегали как огня) – и вместо фальшивого идола вы увидите перед собой Бога. Он вел вас тернистыми тропами. Но он привел вас к порогу Земли Обетованной. Остался один шаг.

«Я скажу, что после опыта тысячи лет, загнавших человечество в невыносимый тупик, разве не ясно, что выходом из тупика может быть лишь подлинное христианство?» Для русских только? Или для человечества? «Для всех!» – отвечает Шиманов (Правильно ли я понимаю, что и эту мысль он заимствовал, на этот раз у классиков евразийства, рассматривавших другие народы как язычников и, стало быть, потенциальных православных? Но Шиманов не слышит нашего вопроса и продолжает). «Откуда же и ждать человечеству благовеста, если не от единственного народа, сберегшего истинную веру? Не от народа, который Господь сохранил на этой земле, хлеща бичами советской власти и ГУЛАГа?»

(Даже оставив в стороне миф о «единственной истинной вере», опасно, я думаю, недооценивать актуальные политические потенции шимановского истолкования русской истории,

в котором даже ГУЛАГ получает свое оправдание, как бы косунственно это ни звучало. Не в том ли была причина многолетней изоляции либерального диссидентства, со страшной убедительностью разоблачавшего бессмысленность человеческих жертвоприношений на алтарь сталинизма, что «патриотические» массы не хотели слышать этих разоблачений?

Словно наталкивались они на невидимую стену, воздвигнутую в глубинах «патриотического» (оно же державное) сознания для самосохранения империи. И, наоборот, мгновенно расцветает это сознание при всяком успехе державы. Не в этом ли получили мы неожиданную возможность убедиться уже в наши дни, когда «крымнаш» молниеносно охватил практически всю страну? Так или иначе, именно это интуитивное стремление державного сознания обелить черное, вернуть смысл бессмыслице, обратить позор нации в залог ее величия и угадал, похоже, Шиманов. Угадал причем в момент, когда еще не поздно было, возможно, предотвратить гибель империи, пусть даже таким почти невероятным идеологическим переворотом, как путинский «Русский мир». Ведь, как бы парадоксально это ни выглядело, Шиманов использовал ГУЛАГ, как Гитлер – Версаль).

Доктрина идеологическая

В согласии с «патриотическим» читателем и в отличие от своих конкурентов, Шиманов добивался не отбрасывания коммунизма и советской власти, но их ПРЕОДОЛЕНИЯ. И у него были для этого серьезные, чтоб не сказать провидческие соображения. Вот образец: «Чего я боюсь, это внезапной либерализации... на которую так надеются некоторые интеллигенты... Пока существует советская власть, остановить религиозное возрождение невозможно. Остановить его может только одно – внезапный обвал, внезапная либерализация... Случись такое и, несомненно, сразу же откроется множество церквей и приток людей к религии сразу увеличится, но на этом, увы, вскоре все закончится и захиреет. Это будет ВЫКИДЫШ, и Россия... окажется захолустьем и задворками теплостылого и сытого Запада». Как в воду глядел, согласитесь.

Его конкуренты, однако, провидцами не были. В их представлении коммунизм был явлением для России чужеродным и подлежащим ликвидации. ВСХСОН, как мы помним, уповал на «вооруженное свержение коммунистической олигархии». «Вече» предложил вместо революции **отделиться** от коммунизма географически, создав вторую, православную Россию в Сибири. Солженицын апеллировал к «русской душе» советских вождей, убеждая их отказаться от «чуждой» западной идеологии. При всем различии подходов общим, как видим, было одно: возрождение России может начаться лишь после коммунистов.

Один Шиманов, кажется, прозревал, что, совпадая в этом с либералами, националисты таким парадоксальным образом предрекали их победу. Они, по сути, помогли либералам устроить тот антикоммунистический «обвал», которого так боялся Шиманов. Не понимали, полагал он, его конкуренты элементарных практических вещей. Во-первых, что коммунизм худо-бедно, но охраняет страну от «язвы обуржуазивания», создавая своего рода защитную оболочку, в которой только и может созреть ее возрождение. Во-вторых, только коммунизм своей остаточной имманентной религиозностью поддерживает в массах тот пламень веры, без которого и невозможно никакое возрождение.

Массы должны во что-то верить. Отнимите у них коммунизм и во что вы хотите, чтоб они поверили? В демократию? «В России было слишком много страданий, и разрешиться им в комическом и жалком демократическом пшике Бог не позволит. Западной демократии у нас не должно быть». Более точно выразил эту позицию русской реакции только Константин Леонтьев в своем знаменитом афоризме: «Русская нация специально не создана для свободы».

При всех этих идеологических завихрениях, однако, странным образом оставался Шиманов вполне практичным и реалистическим политиком. Он не Бородай, не путаник, то есть. Бывало, оказывается, в России и такое. Как увидим мы далее, Путина есть с кого брать пример.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

• Часть вторая •

Здесь придется много цитировать шимановские тексты. Но ничего не поделаешь. Только сравнивая их, сможем мы увидеть, как мистические речитативы сменяются в них холодными канцеляризмами, огненная проповедь – слогом заурядного делопроизводителя, яростные инвективы против «жидомасонства» – апелляциями к «прогрессивной мировой общественности». Не увидим, иначе говоря, по-своему замечательных метаморфоз Шиманова – из идеолога «патриотических» масс в прагматичного политика, торгующегося с властью. И обратно.

Хоть один образец такой метаморфозы, согласитесь, нужен. Хотя бы для того, чтобы убедить читателя, что я ничего не выдумываю. Итак, терпение. Вот Шиманов – идеолог.

«Россия буквально выстрадала новую теократию. Ведь это же совершенно очевидно, что необходима иная, чем ныне, патриархальная структура общества и новое мистическое отношение к земле. Эта задача не по плечу западной демократии, но кому же тогда она по плечу? Я думаю, что наилучшим инструментом может оказаться та сила, которая с самого начала ополчилась на Бога, власть богоборческая, решившая целый мир перевернуть по своему, – она-то может послужить для славы Божией лучше всего. Я, конечно, имею в виду Советскую Власть с ее, по существу, самодержавным строем, с ее максималистским прицелом и настолько противоречивую по своей природе и по своей идеологии, способную, благодаря этому обстоятельству, трансформироваться от минуса к плюсу и только выигрывать от подобной метаморфозы».

Ключевое слово здесь, конечно, «трансформироваться». Именно его ждали от своего идеолога уралвагонзаводские массы. Нет, они не испытывали особого почтения к советской власти с ее легендарным «Народ и партия едины, раздельны только магазины». Но в то же время были они убеждены, что

именно она, эта давно утратившая харизму власть, защищает их от враждебного мира, воплощенного в непонятном, но угрожающем термине «сионизм». В том, что мир враждебен России, убедила их сеть политпросвета, во всемогуществе «сионизма» убедили националисты. Но во что же было им верить, бедным массам, если и то плохо, и это плохо? Шиманов, как мы уже говорили, предложил им новую веру – в ТРАНСФОРМАЦИЮ советской власти.

Это резко отличалось от того, что предлагали другие. ВСХСОН звал массы к оружию, «Вече» – переселяться в Сибирь, Солженицын – к столь же непонятному, как «сионизм», православному возрождению, идейно измелчавшая Русская партия вообще ничего больше не предлагала, только пугала «сионизмом». Короче, националисты проигрывали либералам **идейную войну**. В ретроспективе тех лет очевидно, что шимановская вера в трансформацию советской власти, действительно, была последним шансом националистов. По неразумию они ее отвергли. И заплатили за свою роковую ошибку крушением дорогого им «мистического организма», великой империи, сверхдержавы.

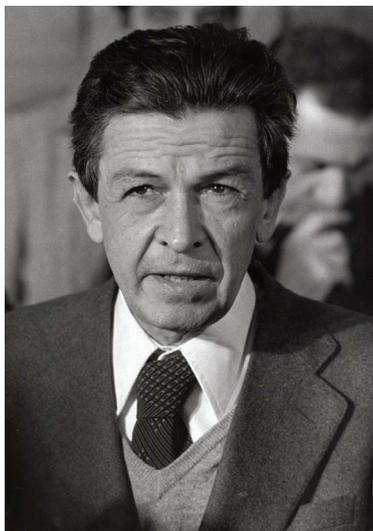
Целую эпоху спустя они загорают об этой ошибке и будут отчаянно пытаться собрать рассыпавшуюся державу – по осколкам, как разбитую тарелку. Но то, что во времена

Шиманова могло представляться трагедией, будет тогда выглядеть безнадежным фарсом. Нам, однако, важно во всем этом одно: о человеке, который предложил им надежду, когда еще не было поздно, о Шиманове, националисты забудут. Но история, как говорил Карамзин, злопамятнее народа. Вот мы им о нем и напомним. Очень подробно.

Второй Шиманов

И прежде всего о том, насколько изобретательно пытался он продать свои идеи – как массам, так и власти. До такой степени изобретательно, что, как мы опять же говорили, могло показаться: перед нами не один писатель, а два, поминутно перебивающих друг друга. Шиманова как идеолога масс мы уже слышали. Но вот вам второй Шиманов – заурядный советский агитпроповец, умеющий не хуже какого-нибудь Куняева жаловаться «родному Центральному комитету». Разница лишь в том, что донос Куняева имел целью всего лишь причинить либералам очередную пакость, тогда как Шиманов и в доносе преследует далеко идущие **идейные** цели. Речь о «Проекте

Э. Берлингуэр

законодательства СССР о народном образовании». Автор пытается убедить власть, что клика догматиков-антирелигиозников составила его так, что он «принесет огромный вред Советскому государству и уронит в глазах прогрессивной мировой общественности авторитет коммунистической нравственности».

Проект должен быть отвергнут, продолжает Шиманов, «да не компрометируется наша Советская власть обвинением в насилии над свободой совести – и кого же? – не эксплуататоров, не помещиков

и капиталистов, а советских трудящихся. Разве не признаком слабости явилась бы отмена известного ленинского положения о свободе как религиозной, так и антирелигиозной пропаганды? Здесь, я думаю, уместно будет вспомнить то тяжелое время, когда наше общество перед лицом наступавшего во всеоружии немецко-фашистского врага отказалось от обессиливавших его самораздираний и победило врага морально-политическим единством всего нашего советского народа. Это морально-политическое единство оказалось выше всех идеологических перегородок и явило собою несомненную, проверенную самой жизнью ценность, поступаться которой нам было бы преступно с государственной точки зрения. Морально-политическое единство всего советского народа нам надо крепить, а не разваливать посредством разжигания внутренних конфликтов в обществе, потому что на крутых поворотах истории нашему государству еще не раз придется столкнуться с опасностями нисколько не меньшими, чем опасность времен Великой Отечественной войны. Перед лицом совершенно реальной – и возрастающей – китайской угрозы нам нужно укреплять все здоровые силы общества, способные в трудную минуту прийти на помощь своему государству».

Больше нет, как видите, Шиманова – громокипящего пророка. Есть занудный партийный пропагандист, словно бы заимствовавший из передовицы «Правды» казенные пассажи об «известном ленинском положении», о «коммунистической нравственности» и «морально-политическом единстве советского народа». При всем том этот, второй Шиманов, прекрасно знает, чего он хочет (в данном случае свободы религиозной пропаганды) и с помощью

Г. М. Шиманов

чугунных пропагандистских блоков пытается внушить, на этот раз власти, а не массам, на понятном ей языке свою концепцию «трансформации» советской власти.

Он убеждает власть в **надежности** ее православных подданных, в том, что именно они, а не марксистские догматики, и есть те «**здоровые силы**» нации, которые в случае чего снова придут ей, власти, на помощь, как пришли во времена великой войны. Конечно, при условии, что она вернется к «известному ленинскому положению», не забудет о сталинском «морально-политическом единстве» и согласится на «мирное сосуществование» с православием. Подобно самой мощной в ту пору еврокоммунистической партии, итальянской, генсек которой Энрике Берлингуэр провозгласил тогда «исторический компромисс» с Ватиканом.

Маневр Берлингуэра

Но самое интересное здесь не столько даже в способности Шиманова к своего рода литературному раздвоению, сколько то, что в его лице «диссидентская правая» обрела свою **политику**. Начала говорить с властью на **ее** языке. Начала демонстрировать преимущества, которые она, власть, получит от союза с нею – против марксистских догматиков. Шиманов уже обвинял ИХ, марксистов, в подрыве репутации СССР «в глазах прогрессивной мировой общественности», в том, что они разжигают внутренние конфликты» в стране. Обвинял практически в **антисоветизме**.

Это вам не унтерпришибеевское «Письмо вождям» Солженицына, где им черным по белому предлагалось покончить идеологическим самоубийством. Шиманов предлагал власти **вторую** базу массовой поддержки, подчеркивая выгоду, которую она сможет получить, маневрируя между двумя конкурирующими силами – марксизмом и православием. И выгода казалась очевидной: зачем стоять на одной ноге, тем более уже ослабшей и подгибающейся, когда можно стоять на двух? Берлингуэр не испугался такого маневра, способного привлечь на его сторону массы верующих, укрепив тем самым ветшающую на глазах привлекательность коммунизма. Россия теряет

свое драгоценное духовное первородство, отдает его за чечевичную похлебку материального благополучия.

Таковы были стратегия и тактика Шиманова. Все зависело, так сказать, от потребителя. Массам он продавал **стратегию** «трансформации», где маячил в финале отгороженный от жидо-масонского Запада «православно-русский мир». Здесь нужны были высокая патетика и страстная проповедь. Власти он продавал **тактику** «трансформации», и здесь нужны были деловая проза и реклама. В его лице диссидентская правая научилась торговаться и шельмовать конкурентов. Иначе говоря, зря называли шимановцев «ультра» их бывшие союзники. Не воителями они были, а обыкновенными, пусть реакционными, политиками, предлагавшими власти более гибкую и эффективную тактику, более глубокую социальную базу, более широкое операционное поле для политического маневрирования. Вот, собственно, и все.

Мог ли Шиманов спасти империю?

Тут мы вступаем в область догадок и спекуляций. Доказательств нет никаких. Одна логика. Я исхожу из того, что, в принципе, Горбачев был прав: так жить дальше – без стратегии, без надежды, без будущего и во вражде с миром – нельзя было. Но это вовсе не означает, что брежневское безвременье непременно должно было разрешиться либеральным поворотом, гласностью и быстрым крушением империи. То, что произошло в России в эпоху Путина, свидетельствует как будто бы, что у империи еще были незадействованные резервы. Я имею в виду яростную ностальгию по сверхдержавности и бурлящую патриотическую истерию. И на этом имперско-«патриотическом» потенциале, совершенно не зависимом от советской власти, мог сыграть кто-нибудь, условно вроде Романова, тоже сравнительно молодого соперника Горбачева, вошедшего в Политбюро еще раньше него, как раз когда разворачивал свои идеи Шиманов (в 1976 году). И Шиманов подбрасывал ему козыри.

Самым больным, самым уязвимым местом власти был стремительно формировавшийся комплекс неполноценности. Советская империя все больше превращалась в оскандалившуюся

коммунистическую утопию. Даже компартии – и на Западе (итальянская) и на Востоке (китайская), и в самой империи (венгерская) – последовательно отбрасывали все, что было специфически русского в их практике и доктрине. СССР, конечно, продолжал быть сверхдержавой с пятимиллионной армией, но интеллектуально пустой, идейно нищей, как Россия времен Александра III. Он еще вторгнется в Афганистан – и застрянет там на десятилетие, словно бы демонстрируя тщету своей сверхдержавности. Все это могло стать козырями в руках условного Романова. Но не стало.

Теоретически из этой ситуации могли быть два выхода – горбачевский (либерализация и гласность, в конечном счете неминуемо ведущие к превращению России а полуевропейскую страну, какой она была до 1917 года) и «патриотически-имперский» (трансформация советской власти, по Шиманову, в конечном счете ведущая к провозглашению «православно-русского мира», – а поскольку русские жили во всех без исключения республиках СССР, то **с сохранением империи**).

Всю восточноевропейскую периферию империи можно было отпустить на волю, символ ее, Берлинскую стену, разрушить, из Афганистана войска вывести, советские ракеты средней дальности и спровоцированную ими угрозу натовских «Першингов» в двух часах лета от Москвы из европейской части России убрать или, лучше по соглашению с НАТО, уничтожить, от коммунизма официально отказаться – и на этом объявить холодную войну с Западом законченной. В тогдашней ситуации Запад с большим вероятием это устроило бы. Невозможно сказать, устроило ли бы это Украину, Закавказье и Прибалтику, но, имея в виду, что никакой гласности не было бы и СМИ оставались бы под жестким контролем чекистской власти, сопротивление этой антилиберальной Перестройке едва ли довело бы империю до распада.

Для успеха такой шимановской версии трансформации советской власти понадобилось бы, однако, объединение под ее знаменем всех националистических сил страны и дружная поддержка СВОЕГО кандидата в Политбюро. Но прежде всего понадобилось бы шимановское прозрение приближающейся катастрофы. Не случайно ведь проиграли националисты 1917 год.

Как и тогда ни прозрение, ни объединение под одним знаменем (в нашем случае, под знаменем Шиманова) оказались в 1980-е невозможны. Неспособны на это националисты.

В заключение маленькая иллюстрация ко всему сказанному. Николай Митрохин пишет о Шиманове: «В приличные компании (дом И. Глазунова, собрания молодогвардейцев) его не пускали, в том числе, вероятно, из-за ярко выраженной семитской внешности». Что до «семитской внешности», я ничего подобного не заметил, впрочем, у меня, в отличие то националистов, глаз ненаметанный. Но то, что Шиманова даже не пускали в «приличные» компании, говорит о тогдашней ситуации в националистической среде, пожалуй, больше иных томов.

РУССКАЯ ИДЕЯ ВЫХОДИТ НА УЛИЦУ

Вопреки уверению Гоголя, что Россия, как «птица-тройка», несется, подобно вихрю, неизвестно куда, впечатление такое, что русская история XIX столетия тащилась, можно сказать, на волах. И куда именно тащилась она, мы тоже теперь знаем: к крушению петровской империи. Во всяком случае славянофильству, тогдашней ее «идее-гегемону» (см. «Лексикон Русской идеи» в первой книге *Русской идеи*), понадобились два поколения, чтобы выродиться из страстного протеста против «душевредного деспотизма» в его апологию. Лишь в третьем поколении, много десятилетий спустя, опустилось оно до уровня черносотенства. В XX веке русскому национализму понадобилось для аналогичного путешествия – от ВСХСОН до «Памяти» – каких-нибудь двадцать лет.

И вообще со славянофильством, как мы видели в первой книге, все было куда сложнее. Конечно, внимательный наблюдатель мог бы уже в 1880-е предсказать с большой степенью вероятия, что доктрина, проповедовавшая духовное возвращение в допетровскую Московию, вернется к началу следующего

«Русский марш»

века в Московию и политически. Уподобится, то есть, чему-то вроде стрельцов конца XVII столетия, единодушно поднявшихся против петровских реформ из-за того, что «идут к Москве немцы, последуя брадобритию и табаку, во всеовершенное благочестия ниспровержение».

Знаем мы теперь и то, что наблюдатель такой нашелся и даже оставил нам забытую нынче «лестницу Соловьева», с замечательной точностью предсказавшую, чем это все кончится. Но нет, не заметили тогда, – как, впрочем, и после – эту роковую «лестницу». Разве что Константин Леонтьев, назвавший Владимира Сергеевича за нее «сатаною», хоть и заметил на челе его «печать гения». Так на то же и был Леонтьев, по словам Петра Струве, «самым острым умом России XIX века».

По сути, разворачивался тогда перед глазами Соловьева своего рода исторический эксперимент и подтверждение его гипотезы обещало, помимо всего прочего, выдающийся академический результат. Увы, само представление об историческом эксперименте как стратегии политического исследования возникло лишь столетие спустя и лишь на Западе (я имею в виду обсуждение статьи Дэвида Сингера «Historical Experiment as a Research Strategy» в 1974 году. Соловьев, увы, даже упомянут в ней не был).

Так или иначе, русский национализм XX века, как мы уже говорили, прошел всю «лестницу» Соловьева, от идеализма ВСХСОН в 1960-е до черносотенства 1980-х с головокружительной быстротой. Вот как описывал результат анонимный самиздатский автор в августе 1983-го: «В последнее время на улицах, в скверах и парках многих советских городов все чаще можно встретить компании молодых людей, одежда, речь и поведение которых до странности напоминают печально известные образцы Германии 1920-х, включая полуфабричным способом изготовленные брелоки со свастикой. В прошлом году москвичи уже стали свидетелями попытки фашистской демонстрации у памятника Пушкину 20 апреля – в день рождения Гитлера. В нынешнем году за несколько дней до этой даты директоров средних школ собирали специально для инструктажа на случай возможных выступлений «фашиствующих элементов из числа несознательных групп молодежи».

И, действительно, 20 апреля в ряде городов были зафиксированы такие выступления... Участники этих акций – главным образом студенческая и рабочая молодежь, старшеклассники, учащиеся профессионально-технических училищ».

Это могло бы показаться преувеличением, если бы Евгений Евтушенко впервые не предал гласности явление русского фашизма в сентябрьской книжке «Нового мира» за 1985 год, где, описав в стихах те же факты, что и самиздатский автор, заключил их горестным вопросом:

Как случиться могло, чтобы эти, как мы говорим, единицы,
Уродились в стране двадцати миллионов и больше теней?
Что позволило им, а верней, помогло появиться,
Что позволило им ухватиться за свастику в ней?

Тем временем в эмиграции

По странному совпадению тот же вопрос и в то же время задавал себе другой наблюдатель (Я. Костин) – в Нью-Йорке, описывая возникновение черносотенного издательства «Русский клич», поставившего себе целью публикацию «редких книг, физически уничтоженных и в СССР, и на Западе». За короткий срок (начиная с 1982-го, т. е. с того самого года, когда прошла первая фашистская демонстрация в Москве), «Русский клич» издал 87 таких книг, начиная с Гитлера и Розенберга и кончая «Протоколами сионских мудрецов» и «Программой Союза русского народа».

Издатель, некто Николай Тетенов, разъяснял, что «ценность этих книг заключается в разоблачении ИСТИННЫХ врагов нашего народа, а так же является пособием для формирования духовного и национального сознания». И просил всех, «кто любит наш многострадальный народ» посылать в СССР «с туристами, моряками и даже обычной почтой книги, которые дают ясное представление, что произошло с Россией и в какое болото разврата и вырождения катится западный мир».

В дополнение тот же издатель основал журнал «Русское самосознание», где объяснял читателям, что «семиты погубили нашу родину и только антисемитизм спасет ее. Отвращение к жидам заложено в нас самим Господом. Антисемитизм – святое

чувство, тот, кто заглушает его в себе, не только грешит, но и губит как себя, так и свою страну».

Как и московские черносотенцы, Тетенев не оставлял ни малейшего сомнения в том, на чьей стороне были его симпатии во Второй мировой. «Что касается Гитлера, то именно он поднял Германию из голода, из разрухи, ликвидировал безработицу, обеспечил своему народу высокий уровень жизни, а хищникам-евреям указал на дверь», тогда как «Запад с правами человека уже сейчас с помощью наркотиков, сексуальных извращений, рекламы и поп-музыки превратил свой народ в безвольную массу потребителей, годную в историческом плане разве что для удобрений».

«Руситы»

Как объяснить одновременное выступление на сцену черносотенства и в Москве, и в эмиграции (где оно тоже выглядело неслыханно со времен позорной капитуляции фашизма в 1945-м)? У Евтушенко, как и у его нью-йоркского единомышленника, конечно, нет ответа на этот вопрос. Им делает честь то, что они публично его задали.

Американский журналист Дэвид Шиплер, живший в Москве с 1975-го по 79-й, понял силу выродившейся Русской идеи (которую он называл «руситством») и иллюстрировал ее беседой с немолодым советским писателем. «Националистическое движение, – сказал ему тот, – **единственное** массовое движение в стране. Эти люди верят, что государство, церковь и нация – одно, и это очень опасный миф». Разговор происходил, обратите внимание, почти полвека назад, впереди были эпоха гласности и демократическая конституция, которые представляются при таком раскладе сил чем-то невероятным, почти марсианским. Но как живучи эти стереотипы! Право же, я не удивлюсь, если такой же разговор происходит и сегодня, в 2014 году, между каким-нибудь американским корреспондентом и либеральным писателем. Но это так, замечание в сторону.

Вернемся к Шиплеру. Когда разговор коснулся будущего «руситов», писатель попросил не упоминать его имени: их он боялся больше, чем партии и КГБ: «Нами управляют сытые

волки, а это – волки голодные». Объяснение самого Шиплера столь же стеротипно и столь же знакомо: «Потенциальная сила руситства, апостолом которого является Солженицын, лежит в совпадении самых мощных импульсов политической иерархии и народа. Разделяя преданность советскому коммунизму и политическое единодушие, оно также нащупывает глубочайшие русские истоки подчинения власти и обнаруживает такое физиологическое отвращение к плюрализму, что либеральные диссиденты боятся: руситы у власти были бы даже страшнее коммунистов».

Как и большинство западных интеллектуалов, сталкивающихся с русским национализмом, Шиплер апеллирует к «глубочайшим русским истокам» произвола, к фундаментальным стереотипам политической культуры. Но даже будь они верны, стереотипы эти **статичны**, на то они и фундаментальные. Они должны существовать ВСЕГДА, а не время от времени. И поэтому просто не могут объяснить странную **динамику** русской политической системы. Нет, я не стану ссылаться на очевидные примеры, на то, например, что, вопреки ожиданиям, победили в 1990-е коммунизм не могущественные, якобы, националисты («единственное массовое движение в стране», как слышали мы от собеседников Шиплера), но безнадежно слабые, как все они были уверены, русско/европейские либералы.

Напротив, сошлюсь на случай совсем уже темный, о котором едва ли слышал когда-нибудь читатель, на царствование Василия Шуйского. Происходило оно во времена после знаменитого Ивана IV, по всем статьям, казалось бы, воплощавшего те самые предполагаемые фундаментальные черты русской политической культуры, о которых писал Шиплер: подчинения власти требовал царь беспрекословного, за «плюрализм» казнил безжалостно – все поголовно семейство виноватого. Полюбил ли его, однако, за это народ? Об этом мы можем вполне компетентно судить по тому, что сделал Шуйский в первый же день своего царствования, 19 мая 1606 года.

А сделал он вот что: поклялся в соборной церкви Пречистой Богородицы: «Целую я всей земле крест, что мне ни над кем ничего не делати без Собора никакова дурна; и есть ли отец виновен, то над сыном ничего не делати, а есть ли сын

виноват и отцу никакова дурна не сделати». Достаточно вспомнить известный «Синодик» царя Ивана, пестрящий записями: «Помяни, Господи, душу такого-то, казненного “исматерью, изженою, и сыном и сдочерью”», чтобы стало ясно, что именно обещал своему народу новый царь. Он не намерен был продолжать политику Грозного, он публично, торжественно от нее отрекался.

Конец террора, личную безопасность – вот что он обещал. Перед нами, если хотите, средневековый аналог речи Хрущева на XX съезде КПСС – деиванизация. Но Шуйский шел дальше. В крестоцеловальной записи, разосланной по всем городам русской земли, обещал он и безопасность собственности («животов») всех без различия сословий: «Мне, Великому Государю, вотчин, и дворов, и животов у братьи и у жен и у детей не отымати... Так же и у гостей и у торговых и черных людей дворов и лавок и животов не отымати... Да и доводов ложных мне, Великому Государю не слушати, а ставить с очей на очи, чтобы в том православное хрестьянство не гибло».

Конец доносам, конфискациям, массовым грабёжам, казням без суда и следствия, конец произволу – вот что означала деиванизация. Именно это и имел в виду Ключевский, когда писал: «Воцарение князя Василия составило эпоху в нашей политической истории. Вступая на престол, он **ограничил** свою власть». И куда, спрашивается, девались тогда «глубочайшие русские истоки» произвола? Делал ведь все это Шуйский не потому, что был человеколюбом. Делал потому, что именно этого ждал от него народ, «вся земля», которой он присягал. Потому, что не сделай он этого, не удержался бы он на троне и дня.

И повторялась такая либерализация, если можно так выразиться о тех темных временах, начиная с Шуйского, регулярно – после каждой диктатуры! И после Петра она была, и после Павла I, и после Николая I, после всех диктаторов, одним словом, вплоть до Сталина. Что может это означать? Не то ли, что там, в «глубочайших русских истоках», гнездится, помимо инстинкта подчинения власти, и некий неумирающий либеральный импульс, непобедимое отвращение к произволу? Он-то, импульс-то этот, откуда в тех «глубочайших истоках» взялся?

Не стану, впрочем, повторяться, в приложении к первой книге «Зачем России Европа?» я уже попытался это довольно подробно объяснить.

С другого края пропасти

Нам повезло: мои оппоненты обрели собственного, можно сказать, официального историка. Книга С. В. Лебедева «Русские идеи и русское дело» хорошо издана и легко читается. Особенно порадовал меня подзаголовок «Национал-патриотическое движение в прошлом и настоящем». Главный вопрос, которому она посвящена, сформулирован на первой же странице: «Есть ли в стране силы, способные... вернуть России державное величие?». Мы еще не раз будем сверять свои идеи с этим своего рода взглядом с другого края разделяющей нас с Лебедевым пропасти. Да и читателю такое сравнение будет, надеюсь, полезно.

Но сейчас, естественно, интересует нас то, как объясняет автор, что именно в начале 1980-х Русская идея вышла на улицу, другими словами, внезапное явление на советской политической сцене **черносотенства**. Надо сказать, что к самому этому феномену автор относится в высшей степени положительно, лозунги первой его ипостаси (1905–1917 годов) «Россия для русских» и «Бей жидов, спасай Россию!» подробно обосновывает и оправдывает, возникновение черносотенства связывает с угрозой утраты сакрального характера власти: «Когда власть в России теряет свой сакральный характер, то государство стремительно рушится». Смысл черносотенства был, следовательно, в том, чтобы не допустить этой роковой утраты.

В 1905 году Россия оставалась единственной великой державой, где власть еще считалась сакральной (во всяком случае частью ее населения). История, совершенно очевидно, не благоприятствовала черносотенству. Проще говоря, оно было **обречено**. И ничего не меняют в этом ни уверенность автора в том, что «если какие-нибудь партии в тогдашней России и можно было назвать всенародными, то это могли быть лишь черносотенцы», ни длинный список знаменитостей, которых он к ним причисляет.

Важно нам во всем этом не столько даже то, что на первых же всеобщих (и свободных) выборах в Государственную Думу фавориты потерпели сокрушительное поражение (их депутатов там не было, иначе говоря, народ России проголосовал **против них** и, представьте себе, **за** либералов: абсолютное большинство в первой Думе досталось кадетам), сколько полная неприменимость его критерия к брежневской России. Возрождение черносотенства в начале 1980-х никак нельзя было связать с утратой сакральности советской власти. Какая уж там сакральность у «коллективного руководства» безбожной партии?

Предложенное нами объяснение, что возрождение черносотенства связано (так же, как и его возникновение в 1905) со вступлением империи в зону экзистенциального кризиса, Лебедеву тоже не подходит. Никакого кризиса в СССР 1980-х он не видит. Напротив, как раз тогда, по его мнению, «советская система была крепка как никогда». Тем более, что «сверхдержавный статус страны вызывал чувство законной патриотической гордости», а «возникавшие социальные и экономические проблемы были вполне разрешимы в рамках системы».

Но позвольте, если... никакого кризиса не было, откуда же Перестройка? Подвело, по мнению автора, предательское стремление «советской партийной и хозяйственной

Погром (Львов, 1941)

номенклатуры, давно уже не верившей ни в какие идеалы коммунизма, завладеть той государственной собственностью, которой руководила». Или еще проще «предательство советской правящей верхушки». Тут возникает несколько вопросов сразу. Во-первых, если вся поголовно элита страны вдруг так коварно ее предала, то не свидетельствует ли это именно о том самом экзистенциальном кризисе империи, о котором мы говорили? О том, иначе говоря, что страна была заведена в тупик, из которого не было никакого выхода, кроме отказа от империи?

Во-вторых, если эта элита «давно не верила... в идеалы», то почему собралась она предавать страну именно в 1980-е? В-третьих, куда смотрел КГБ, который так доблестно расправлялся с диссидентами, не щадя и национал-патриотических, тогда как гнездо измены было у него под носом? От этого вопроса автор, впрочем, отделяется без труда: «КГБ был активным соучастником антигосударственных сил, рвущихся к власти в СССР». Ужас какой! Шабаш «антигосударственных сил», оперировавших на виду у всех! И никто, не исключая и автора, не замечал этого на протяжении десятилетий. Во всяком случае не слышали мы, чтобы он или кто-нибудь еще, кроме диссидентов, бил по этому поводу тревогу. Единодушно, небось, родной партии присягали, в верности до гроба клялись. И вот тебе, пожалуйста, что родная партия учудила.

Так или иначе, подсуетился при виде такой неожиданной удачи и Запад, для которого «расчленение и эксплуатация России была стратегической целью на протяжении веков». Ясное дело: для него предательство советской номенклатуры «означало исторический шанс разрушения исторической России» (читай: державы, империи). Тут и Горбачев пригодился. «Предал [сукин сын!] страну даже не за тридцать сребреников, а за медный ломаный грош».

* * *

На фоне этой кошмарной (но странной, согласитесь) оргии всеобщего предательства как-то подзабылось, что автор так и не дал нам ответа, почему вышло в начале 1980-х на улицу черносотенство. Мой ответ читатель уже в общих чертах знает. Так же, как в 1905, знаменовал его выход, что Российская империя вступила в зону экзистенциального кризиса. И что

так же, как тогда, идейные закрома националистов оказались пусты: нечем им было окормлять массы. Особенно после того, как они отвергли свой последний – шимановский – шанс. И не было на этот раз на сцене Ленина, способного собрать по кусочкам рассыпавшуюся державу. И потому последняя империя мира была обречена. Читателю осталось лишь сравнить два эти столь непохожие друг на друга объяснения.

«ПАМЯТЬ»

Нетрудно догадаться, что начало Перестройки представлявшаяся С. В. Лебедеву сплошной оргией предательства великой державы, в глазах других, в частности, русских европейцев, как я их называю, выглядело совсем иначе. Андрей Сахаров, например, писал в статье **«Неизбежность перестройки»**, что «наше общество оказалось тяжело больным». Дмитрий Фурман в статье **«Наш путь к нормальной культуре»** предостерегал: «Хотя наша болезнь, если ее не лечить, обязательно в конце концов приведет к смерти пациента и лечение необходимо, болезнь – привычна, а лечение не только трудно, но и рискованно». Леонид Баткин озаглавил свою статью **«Возобновление истории»**, Вячеслав Иванов – **«Воскрешаемая культура»**, Дмитрий Лихачев – **«Тревоги совести»**.

Все это было собрано в два монументальных сборника: «Иного не дано» (1988) и «Назад пути нет» (1989). Их оказалось на удивление много, этих авторов, приветствовавших перестройку (тем более, что кого попало не приглашали, все люди с именами, известные ученые, профессионалы, одних экономистов – созвездие: акад. В. Немчинов, акад. В. Новожилов, акад. С. Шаталин, акад. Т. Заславская, акад. А. Аганбегян, акад. Н. Петраков, Е. Либерман, Н. Шмелев, Е. Ясин). 35 авторов в первом сборнике, 52 – во втором.

Митинг «Памяти», выступление Д. Васильева

За этими двумя поспешали в том же 89-м еще два сборника: «Постижение» (34 автора) и «Осмыслить культ Сталина» (24 автора). Этот подарил мне, когда я вернулся в Москву, один из 24, Бенедикт Сарнов, с трогательной надписью: «В память о прошлом, с благодарностью настоящему и с надеждой на будущее». Так думали тогда люди. Так выглядела культурная элита страны. Решительно некого было национал-патриотам противопоставить этому ареопагу классных умов. Пусто оказалось в их рядах, хотя именно они годами готовились, говоря словами Лебедева, «перехватить власть у дряхлеющей КПСС и осуществить социальные и политические реформы, способствующие сохранению мощи державы».

О каких именно неосуществленных проектах национал-патриотических реформ речь, Лебедев, впрочем, умалчивает. Удивительно ли, если вспомнить, что единственным стремлением «системных» националистов в конце 1970-х была, как мы видели, всего лишь страсть к «ключевым постам» в существующей системе? В той самой, добавим, в которой держатели этих «ключевых постов», т. е. партийная элита страны, готовились вовсе не к реформам, а к повальному дезертирству с державного корабля. Такова, по крайней мере, версия национал-патриотической истории Перестройки.

И вот тут возникает действительно интересный вопрос: почему на выборах 1989 и 1990 годов «патриотические кандидаты, как признает Лебедев, потерпели сокрушительное поражение»? И хуже того, почему «в устах «просвещенной публики» слово “патриот” стало тогда ругательством»? Другими словами, почему, несмотря на «всенародный характер» национал-патриотического движения, повторился в 1989–90 годах постыдный результат выборов 1906 года: народ снова проголосовал **против них**? Должна ведь быть какая-то причина такого двойного фиаско?

Я понимаю, это трудный вопрос для историка национал-патриотизма. Знаем ведь мы, что объяснительная база для ответов на вопросы такого рода у этой отрасли знания узка. Сводится она, по сути, к трем возможным объяснениям провалов национал-патриотов: предательство элиты («шестая колонна», говоря языком Александра Дугина), жидо-масонский заговор

и провокация Запада. Объясняя Перестройку, С. В. Лебедев сделал ударение, как мы видели, на первом из них. Но провал своих фаворитов на выборах, объяснил он совсем уже странным для серьезного историка, даже национал-патриотического направления, образом (все-таки коллега, профессионал, научный сотрудник Института русской цивилизации): он обвинил в этой неудаче, кого бы вы думали? «Память»!

Ту самую «Память», которой в середине 1980-х московские интеллигенты пугали детей? Ту, что высоко, на весь мир, подняла знамя «антисионизма» (который многие перепутали с фашизмом)? Ту, что, как метеор, осветила на мгновение гаснущее небо национал-патриотов? «Да, ее!» – бесстрашно отвечает историк. Он честно признается, правда, что не знает, кто вел ее тайными тропами провокации, выяснить это – задача будущих историков. Но тут же поправляется: «Не важно, кто именно “вел памятников” – КГБ, ЦРУ, Мосад, или все вместе, но дело было сделано». Мысль, действительно, новая. И, согласитесь, интригующая. Посмотрим, как сопрягается она с реальностью.

Восход «Памяти»

Возникла она задолго до Перестройки, в конце 1970-х, как одно из многих разрешенных тогда общественных объединений, посвятивших себя вполне безобидной охране памятников истории и культуры. О ее достижениях на этом поприще истории не известно. Первым ее выступлением на политической арене был доклад тогдашней председательницы «Памяти» Елены Бехтеревой 4 октября 1985 года, разоблачивший нерусское происхождение руководителей организации, ведавшей реконструкцией Москвы, под ильфпетровским названием ГЛАВАПУ. Ничего особенного в докладе не было: обычный донос в духе модной тогда, как мы знаем, в кругах «системных» националистов заботы.

Так бы, наверное, и продолжалось, когда б главный в ту пору спонсор национал-патриотов, знаменитый тогда художник Илья Глазунов не отрядил для руководства «Памятью» своего помощника Дмитрия Васильева, личность, несомненно, харизматичную, хотя, возможно, не вполне психически

уравновешенную. Своего рода черносотенного Жириновского, чтоб совсем было понятно. Именно с приходом Васильева и начался кратковременный восход «Памяти» к вершинам международной известности. Скорее всего, потому, что «Память» сменила в глазах иностранных корреспондентов увядающий всплеск подросткового русского фашизма.

Проблема, однако, была не столько в иностранных корреспондентах, сколько в отечественной публике, в глазах которой васильевская «Память» выглядела прямой наследницей этих фашистов. Васильев усугубил ошибку нью-йоркского антисемита Тетенова, о котором мы говорили, перемежая в своей пропаганде (а пропагандист он был первостатейный: магнитофонные кассеты с записями его речей распространялись по всей стране) свои «антисионистские» диатрибы с цитатами из гитлеровского «Майн камф». Все это, представьте себе, – **в одном пакете!**

Ему, Васильеву, как и Тетенову, казалось, что так его пропаганда будет выглядеть авторитетнее, легитимнее, укорененнее в истории. На самом деле она выглядела убийственнее для него. Тетенов-то сидел в Нью-Йорке, а Васильев был в Москве, где тысячи людей только что лицецерели подростков в эсэсовских униформах, празднующих день рождения Гитлера!

Если эпатаж фашиствующих подростков еще можно было списать на влияние «Семнадцати мгновений весны», очаровавших впечатлительную молодежь романтикой черномундирного «арийского братства», то вторили-то им вполне взрослые дяди. Подтверждая тем самым, что все это всерьез, что кровное родство их «антисионизма» с самым махровым фашизмом, с «рогами и копытами», как сказал бы автор «Из-под глыб», – это факт, от которого никуда не денешься.

Ну что, по вашему, должен был подумать человек с улицы, увидев «антисионистов» в эсэсовских мундирах? Не было, наверное, ни одной семьи, которую не затронула бы великая война с этими «антисионистами». Тут уже и до самого тупого из патриотов не могло не дойти, что под маской «антисионизма» совершается великое кощунство. Короче, в погоне за легитимностью «Память», сама того не замечая, отталкивала массы, в том числе и «патриотические».

Закат

Этим, я думаю, и объясняется быстрый закат «Памяти». Ничего ведь, кроме «антисионизма» не было в ее идейном арсенале. Никаких «реформ, способствующих укреплению мощи державы», о которых говорит Лебедев, она не предлагала. Они и в голову не приходили ни Васильеву, ни конкурировавшим с ним национал-патриотам. Пусты были их идейные закрома. Миновали безвозвратно времена ВСХСОН и «Вече». О Шиманове они, небось, и не слышали. Даже единственная массовая акция, которую удалось им организовать и на которой, собственно, и основана была их претензия на всемирную славу, публичная манифестация 6 мая 1987 года, посвящена была вполне тривиальному протесту – против воздвижения монумента на Поклонной горе.

И в историю вошла эта манифестация лишь тем, что была первой в постсталинском СССР, которую не разогнала милиция. И тем, конечно, что после нее Васильева принял первый секретарь Московского горкома КПСС Б. Н. Ельцин. То был звездный час «Памяти». Но и лебединая ее песня.

А. П. Баркашов

А. Г. Дугин

На самом деле триумф ее продолжался не намного дольше, чем всплеск подросткового русского фашизма. Но она пришла после него. И невольно застолбила в народном сознании его кровное родство с «антисионизмом», который, собственно, и был синонимом национал-патриотизма. И потому лишь отчасти прав Лебедев, что «результатом [пропаганды «Памяти] было самоустранение молчаливого большинства советского общества от политической активности». Тем более, что вообще умолчал историк о недавнем всплеске русского фашизма, сыгравшем во всей этой истории решающую роль. Кто-то, наверное, и впрямь «самоустранился», но подавляющее большинство очень быстро переплывило свое разочарование в «антисионизме» в голубой воды антикоммунизм. Что, если не коммунизм, породило этого монстра?

Итоги

Так что же такое была «Память»? Провокация, как настаивает историк национал-патриотизма, настаивая, что «она была организована с провокационными целями»? Но кем она была организована? Сам Васильев впоследствии, давно уже исключенный «за предательство» из давно уже превратившейся в фантом «Памяти» (в 1998 году), винил в своей катастрофе коммунистов: «коммунисты в лице КГБ открыли беспощадную войну с «Памятью». Было внедрено такое количество провокаторов, что мне пришлось бороться не с сионизмом, пришлось бороться с провокаторами внутри организации».

Но, заметьте, обвиняет Васильев КГБ вовсе не в организации «Памяти», а в ее удушении. И похоже ведь на правду, даже если Васильев считал провокаторами не только «внедренных», но и своих конкурентов. Обычная ведь тактика КГБ, если только не думать, как Лебедев, что «КГБ был соучастником в заговоре антигосударственных сил». Это тот самый крючковский КГБ, который организовал августовский путч? Нет, извините, но не сходятся тут у Лебедева концы с концами. Тем более, что несколькими страницами раньше он объявил тогдашнего главу КГБ В. А. Крючкова надежным государственным

(за «разоблачение» Александра Николаевича Яковлева как, якобы, агента ЦРУ).

ЦРУ? Но ему-то зачем нужна была эта провокация? США тогда твердо стояли **против** распада СССР. Еще в декабре 1990 года президент Джордж Буш (старший) старательно пытался уговорить украинцев проголосовать на референдуме против провозглашения независимости Украины (ему и по сию пору поминают в Америке тот знаменитый Chicken Kiev speech). Провокация против Горбачева? Немыслимо.

Остается из перечисленных Лебедевым заговорщиков один Моссад. Израиль и вправду был заинтересован в увеличении еврейской алии. И «Память» своей свирепой антисемитской пропагандой, действительно, пугала евреев, способствуя тем самым их эмиграции. Но заподозрить фанатичного, до психического расстройства «антисиониста» Дмитрия Васильева, а тем более откомандировавшего его в «Память» Илью Глазунова в конспирации с сионитской разведкой выше, согласитесь, нормального человеческого воображения. Во всяком случае моего.

Что же остается, если все обычные конспирологические фантазии национал-патриотов вне игры? Оказывается, самое простое: идейное банкротство «патриотической» мысли. Да, «Память» пришла, как мы уже говорили, после всплеска подросткового русского фашизма. И она не только от него не отмежевалась, она НЕ МОГЛА от него отмежеваться. Просто потому, что никакой идеологической амуниции, кроме «антисионизма», в национал-патриотическом арсенале больше не оставалось.

Все перепробовали – и теократию, и «вторую, сибирскую Россию», и православное возрождение (от «коммунистического православия», правда, сами отказались) – ничего не привилось на выжженной коммунизмом советской почве. Один «антисионизм» привился. А тот на поверку оказался **родным братом фашизма**. Что ж винить в этом «Память»? И тем более КГБ, ЦРУ или Моссад, если перед нами печальные итоги затянувшегося на два с половиной десятилетия бесплодного путешествия национал-патриотической мысли? Если ни к чему, кроме фашизма, она в финале не пришла? Но об этом вы ничего

не найдете в лебедевской истории, хоть и фигурируют в ее заголовке «русские идеи». На деле царит в ней конспирология. Безраздельно.

Воспоминание

Дальнейшая судьба «Памяти» ничем не отличалась от судьбы других национал-патриотических организаций на закате СССР: раскол за расколом. И все, конечно, связанные с «предательством». Сначала группа раскольников во главе с неким Николаем Филимоновым не то, чтобы отделилась от «Памяти», просто объявила **себя** национально-патриотическим фронтом «Память» и первым делом исключила из рядов Васильева. Не прошло и месяца, как на свет явилась третья «Память» во главе с Александром Кулаковым, в свою очередь исключившая за предательство и Васильева, и Филимонова. Таким манером к концу 1980-х существовало уже десять (!) игрушечных национально-патриотических фронтов «Память».

Но грозная ее слава не умирала до самого 1990-го. Тем более, что местные ее отряды время от времени продолжали проводить митинги, порою и погромы. Несколько таких митингов, например, прошло летом 1988-го в Румянцевском сквере в Ленинграде. Последний погром прошел уже на моей памяти 18 января в ЦДЛ (Центральном Доме литераторов). Большая группа «памятников» ворвалась на заседание писательского объединения «Апрель», начала бузить, крушить мебель, оскорблять женщин, вступившихся за них мужчин бить «по очкам», угрожая завтра устроить еще не такую вакханалию. А у меня завтра, 19 января, назначена была в этом самом ЦДЛ встреча с писателями.

Я тогда, как я уже упоминал, только что впервые с 1974 года вернулся в Москву (преподавать в МГИМО) и был нарасхват: разные встречи назначены были практически на каждый вечер – на месяц вперед. И вот утром 19-го звонят мне из ЦДЛ и говорят, мол, так и так, приглашительные давно разосланы, но придут ли люди после вчерашнего погрома? И, помявшись, признаются, что гарантировать безопасность не могут: конечно, будет милиция, но если «памятники» вернутся числом

человек 50, как вчера, то что смогут сделать два милиционера? Вот так встреча! Разумеется, я читал о «Памяти», но был уверен, что от нее уже воспоминания не осталось, а тут.

Решил, однако, рискну. Я хоть уже и немолод, но все-таки был у меня в юности первый разряд по боксу. Рискнули и приглашенные. Во всяком случае зал был полон. Позже судили организатора погрома, некоего Смирнова-Осташвили, человека явно психически нездорового. Его довод на суде был, что он решил действовать самостоятельно, поскольку «в центре организации теперь засели жидаы». В тюрьме он то ли повесился, то ли заключенные его повесили. Но не смертью этой жалкой фигуры кончилась история «Памяти».

Настоящими ее похоронами была гигантская, более чем 100-тысячная антифашистская демонстрация в Москве 4 февраля 1990 года. Резолюция митинга, которым она закончилась, гласила:

«No Pasaran! Фашизм не пройдет!».

ПЕРЕСТРОЙКА

• Часть первая •

Не знаю никакой другой аналогии той чудовишной метаморфозе, что произошла в российских умах с репутацией Перестройки 1989-1991, кроме одной. Я говорю о превращении Царя-освободителя Александра II в «зайца, преследуемого охотником». Это, по словам императрицы, наблюдавшей из окна Зимнего за своим коронованным супругом, Освободителем России, петлявшим по площади, убегающим от пули террориста.

В отличие, однако, от случая Александра II, репутация Перестройки рушилась на моих глазах. И мне кажется, что поэтому я могу объяснить эту метаморфозу лучше, нежели ту, полуторастолетней давности.

Конечно, попыток ее объяснить было много. Начиная с того, что фундаментальная реформа в России несовместима со свободой («гласность погубила Перестройку», как гласила модная в 1990-е мудрость). И кончая отчаянным «Страна такая, к свободе не приспособленная» (тут обычно ссылаются на «кодекс чести русского патриота», сформулированный Александром Прохановым: «Пропади она пропадом, эта свобода, если выбор между ней и державой»). По разным причинам меня все эти объяснения не устраивают. Но посмотрим сначала, что, собственно, имею я в виду под Перестройкой.

«Пражская весна» в Москве

Передо мной три аккуратных томика в красных обложках: «Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет». И даже канцелярская проза Председателя ЦИК В. П. Орлова, открывавшая Съезд 25 мая 1989 года не могла скрыть веявшего от него дыхания свободы. Скрыть, то есть, что в стране происходил великий праздник, поистине всенародный праздник. Вот его слова: «Выборы проходили

в условиях невиданной доселе гласности и открытости, бурного роста политической активности трудящихся. Это особенно убедительно подтвердил воскресный день 26 марта, когда более 172 миллионов советских людей – почти 90 процентов всех избирателей – пришли на избирательные участки, чтобы выразить все оттенки общественного мнения, поддержать перестройку».

Сопоставьте это с результатами опроса ВЦИОМ 5–6 марта 2005 года. Поддерживали тогда Перестройку два (!) процента опрошенных. Прошло всего 16 лет со времени того Съезда. Практически те же люди отвечали на вопросы ВЦИОМ, девятно (!) процентов которых голосовали в марте 1989-го в поддержку Перестройки. Похоже, что перед нами другая страна, не правда ли?

Во всяком случае иностранец, посещавший страну раз в 16 лет, не узнал бы в ней ту Москву, которая в прошлое его посещение буквально прилипла к телевизорам, со страстью или с негодованием следя за ходом прений на Съезде. До такой степени прилипла, что улицы были пустынные: город ушел на Съезд. Даже в 1990-м, когда я вернулся в Москву, гл. редактор *Известий* с гордостью пригласил меня на балкон показать далеко внизу длиннейшие очереди у газетных киосков на Пушкинской площади и бурлящее море голов, обсуждавших последние статьи.

Да та ли то была Москва, которую я покидал, казалось, навсегда 16 лет назад? Та ли хмурая, настороженная «не приспособленная к свободе» Россия, словно бы запечатанная заклатьем Проханова? «Держава», «держава» только и было на устах той России. А теперь что? Хоть ложкой хлебай было в этой новой, перестроечной России свободы! Будто снова был на дворе апрель 1917, когда точно так же не узнал свою страну только что вернувшийся из Швейцарии Ленин, объявивший тогда Россию «самой свободной страной в мире». А если искать пример поближе по времени, то ведь Прага перед нами, Прага весны 1968-го, столь же одухотворенная, столь же беззаветно поверившая в «социализм с человеческим лицом» и столь же не подозревавшая, что ждет ее впереди.

Сходство еще усиливается, когда читаешь во вступительном слове В. П. Орлова хвалу партии, выбравшей свободу. Оказывается, «более мощного общенародного референдума в пользу Коммунистической партии, ее курса на обновление никогда у нас еще не было». А нововведения-то были все пражские: «Кандидаты в депутаты выдвигались только снизу. В предвыборной борьбе участвовали тысячи претендентов, выборы осуществлялись на альтернативной основе. Миллионы избирателей только сейчас ощутили, как много значит их голос в общественно-политическом развитии страны».

Вот это новое чувство ответственности перед «своими избирателями», пославшими их на Съезд, особенно бросалось в глаза в речах и поведках значительного меньшинства депутатов, ответственности не перед партией, то есть не перед державой, но перед людьми, перед «своими» избирателями. В ней, в этой ответственности, и заключалось, собственно, «человеческое лицо» Перестройки. И чем дальше читаешь эту стенограмму, тем больше убеждаешься, что немало из двух с половиной тысяч человек, собравшихся в тот майский день в зале Большого Кремлевского дворца, чувствовали себя СВОБОДНЫМИ. Не все, нет, но серьезное все же меньшинство.

И куда все они подевались в сумрачной, угрюмой России 2005 года? Ну, никак нельзя было в ней представить очередей

Первый съезд народных депутатов РСФСР

у газетных киосков. И тем более толпы, оживленно и страстно обсуждавшие на площади последние статьи в газетах. Мне, как историку, напомнило это резкое, почти невыносимое изменение даже не апрель 1917 в сравнении с жестоким январем 1918 и не Прагу весны 1968 в сравнении с послеавгустовской пустыней, а совсем уже что-то невообразимо древнее: жалобу преподобного Иосифа Волоцкого в 1490 году.

Вот что писал тогда Иосиф: «С того времени, когда солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси. В домах, на дорогах, на рынке все – иноки и миряне – с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, с ними дружатся, учатся от них жидовству». Подумайте только «в домах, на дорогах, на рынке». Рассуждают. Своим умом думают. Чувствуют себя свободными от классиков, то бишь, «от пророков и апостолов». Право же, звучит жалоба преподобного, как статья какой-нибудь средневековой Нины Андреевой, оскорбленной, что распустилась, мол, улица, ересь несет несусветную, поступается принципами, покушается на святое. И скоро, едва лишь уйдет со сцены Иван III, положен будет этому безобразию конец. И опять станут зарубежные путешественники удивляться безмолвию народа на Руси.

Но то было давно – и забыто. А в нашем случае все, что случилось, общеизвестно. Пражскую весну раздавили советские танки. А московской весне суждено было дойти до своего логического конца. И выяснилось, что никакого «человеческого лица» не может быть у социализма. Ибо он, этот социализм, всего лишь исторический тупик. И задолго до московской весны обнаружили китайцы, что в сухом остатке остается от социализма лишь однопартийная диктатура.

В СССР, однако, царил гласность (которую китайцы после Тяньаньмыня придушили). И когда гласность покусилась на святое, т. е. на эту самую однопартийную диктатуру, настало время выбора – между гласностью и «социализмом» (читай: диктатурой). Ден в Китае свой выбор сделал – в пользу диктатуры. Горбачев колебался. Отказаться от гласности? Про Тяньаньмын он знал. Запятнать руки кровью не хотел. Но и отказаться

от социализма (что означало очень непопулярную реформу, решающий переход к рыночной экономике), не хотел тоже.

С империей дело обстояло еще хуже. В условиях, когда азербайджанцы и армяне уже воевали друг с другом, узбеки и киргизы друг друга резали, в Таджикистане и в Молдове шла гражданская война, прибалты, по сути, отделились от СССР, грузины и украинцы голосовали за независимость, сохранить советскую державу Горбачев, даже будь он семи пядей во лбу, не мог. Но и представить себе Россию без империи не мог тоже. Придумал странный Союз суверенных государств, который, на вкус партийной верхушки, напоминал скорее конфедерацию, чем державу. Это и предстояло подписывать 20 августа.

Кончилось тем, что верхушке этой надоели его колебания, и, запретив Горбачева в Форосе, она сделала выбор за него – 19-го. И выбор этих коммунистов был однозначно национал-патриотическим, прохановским. Мало кто обратил тогда внимание на то, что в обращении путчистов к народу не было **ни единого слова** ни о завоеваниях Октября, ни о социалистическом выборе, ни о КПСС, но исключительно о **сохранении державы**. «Могло ли быть случайностью, – резонно спрашивал впоследствии сербский исследователь Велько Вуячич, – что идеи путчистов и даже их язык оказались скопированы с национал-патриотической публикации?» (речь о манифесте «Слово к народу», подписанном Прохановым, Распутиным и Бондаревым и опубликованном в «Советской России» за три с половиной недели до путча?). То был грозный сигнал для будущего России!

Но не услышали его тогда даже самые проницательные умы. Гипноз реставрации коммунистического прошлого был так силен, что даже мысль о национал-патриотическом будущем не приходила в голову. И глотнувшая свободы, прошедшая через горнило Съезда московская публика в буквальном смысле встала на баррикады – против реставрации коммунизма. Объединилась вокруг Ельцина, который, в отличие от Горбачева, свой выбор сделал – в пользу России с частной собственностью и против державы с Госпланом. Стрелять в многотысячную толпу, собравшуюся у Белого дома, путчисты не посмели.

Да и во имя чего стали бы они устраивать московский Тяньаньмынь. Ден Сяопин в Китае устроил свой – во имя

реформы. А эти и путч-то затеяли как раз **против реформы**. Ничего ведь, кроме имперских лозунгов, за душой у них не было. А час империи и национал-патриотизма тогда еще не настал. Вот они и капитулировали.

Так закончилась короткая пора московской весны, связанная с Перестройкой – и свободой. Как и пражская весна, то была утопия, конечно. Но какая же благородная утопия! Есть, однако, как мы уже говорили, и другие версии Перестройки, две из которых грех было бы не упомянуть.

Национал-патриотическая версия

Тут все было проще. Никаких неразрешимых проблем, созданных социалистическим тупиком, куда завела Россию родная партия, для этой версии не существует. Она знает одно: Перестройка была устроена Западом, для которого, как мы уже слышали от С. В. Лебедева, «расчленение и эксплуатация России была стратегической целью на протяжении веков». В 1980-е вечному врагу России повезло. Он смог опереться на «предательство советской правящей верхушки». И вдобавок

М. С. Горбачев

на КГБ как на «активного соучастника антигосударственных сил» и на советский генералитет, оказавшийся «в числе самых коррумпированных деятелей» Перестройки. Хорошенькую же компанию воспитала за 70 лет родная партия для руководства сверхдержавой. Предатель на предателе и вор на воре.

Свежо предание, но верится с трудом. Не сходится у историка «национал-патриотизма в прошлом и настоящем» концы с концами. Разве советская правящая верхушка не устроила

в августе 1991-го путч, о котором мы только что говорили, – в отчаянной попытке спасти державу? Разве не руководитель «антигосударственного» КГБ В. А. Крючков был вдохновителем этого путча? Разве Путин не из той же конторы? Совсем за рапортовался историк. Швы торчат в его версии. Впрочем, его товарищи по цеху предлагали версии еще более фантастические.

Интерпретация ГКЧП Александром Невзоровым как «политической провокации» либералов впоследствии, уже в наши дни, подхваченная и развернутая Прохановым, звучит в окончательной редакции так. «ГКЧП, – пишет Проханов, – итог сложнейшей спецоперации [Запада] под названием Перестройка... Смысл ГКЧП заключался в том, чтобы перебросить полномочия союзного центра региональному российскому центру, возглавленному Ельциным. Само появление Ельцина как параллельного центра являло собой часть блестяще задуманной операции Перестройка».

И это пишет вдохновитель и идеолог ГКЧП, человек, идеями и языком которого говорили путчисты! Коротка поистине национал-патриотическая память. Хорош, конечно, и родоначальник этой конспирологической версии – Невзоров, только в июле 1991 года, т. е. за месяц до путча, получивший медаль из рук маршала Язова, одного из главных путчистов (хотя, согласно «Независимой газете» (27 июля 1991), в армии никогда не служил по причине «психического расстройства»). За какие такие заслуги Невзорова наградил министр обороны СССР? И хорошо же отблагодарил он своего благодетеля, объявив его участником «провокации» либералов!

А. Н. Афанасьев

Самым умеренным из конспирологов оказался С. Ю. Глазьев – человек с большим будущим, – который взялся аккуратно поправить коллег. Судите сами. Нет, не предательство и тем более не спецоперация, а «глупость наших руководителей, – объяснял Глазьев, – вкупе с алчностью их свиты позволила за тридцать сребреников уступить контроль над страной марионеточному режиму, сформированному иностранными спецслужбами». Горбачев поверил в добрую волю Запада, искренне не понимая, что на самом деле западная политика диктуется спецслужбами, которые «со времени своего основания и до сих пор считают своей целью уничтожение России».

Холодная война в изображении Глазьева выглядит, таким образом, как схватка спецслужб, в которой ЦРУ переиграл КГБ. В частности, КГБ прохлопал, что Перестройка – ловушка, на которую неизбежно должна была купиться всегда слабоватая по части либерализма русская интеллигенция. И едва Горбачев отворил ворота гласности, ЦРУ нечего было беспокоиться: всю работу за него доделали российские СМИ, которые «с удовольствием тиражировали порочащие Россию слухи и сплетни». А также «режиссеры и продюсеры, создававшие очерняющие Россию картины».

Исходя из этого анализа, Глазьев и предложил еще в 1997 году длинный список рекомендаций, еще один, если хотите, «кодекс чести русского патриота», смысл которого сводился к тому, что главная задача его единомышленников состоит в том, чтобы каким-то образом заткнуть рот интеллигенции. А если не справятся с этой задачей национал-патриоты, предупредил Глазьев, «Россия не встанет с колен и обречена на колонизацию». Похоже, справились.

Версия высококолых

Здесь, ясное дело, нет и следа вульгарной конспирологии. Речь здесь об уроках истории, о том, что «весь опыт мировой цивилизации показывает: модернизация режимов, подобных нашему, совершалась асинхронно. Сначала шла модернизация в духовной сфере... Затем модернизировалась

экономика... И только тогда осуществлялось изменение политической системы». Это Андриак Мигранян, которому случилось в августе 1989 года дать совместно с Игорем Клямкиным нашумевшее тогда интервью. Конечно, впоследствии эти двое оказались по разные стороны баррикады. Да и в интервью согласны они были только в одном, в том, что «переход от нетоварной экономики к рынку никогда и нигде не осуществлялся одновременно с демократизацией. Политические перемены всегда проводились авторитарными режимами».

Мигранян подхватывал: «Именно поэтому я был вообще против съезда. Ведь он, кроме иллюзии демократии, ничего дать не мог... Съезд имел бы смысл, лишь если бы он признал – экономика в развале, социальная ситуация катастрофическая, межнациональные отношения зашли в тупик... Исходя из этого съезд должен был вручить мандат Президенту, дать ему возможность сформировать Комитет национального спасения, прекратив на это время действие всех остальных институтов власти... Да, я за диктатуру, за диктатора».

Так же примерно рассуждали высоколобые в разоренной веймарской Германии начала 1930-х. И большинство рейхстага с ними согласилось. Предпочли диктатора. Чем дело кончилось, мы знаем. Но это просто ремарка в сторону.

«Впрочем, возможен и другой путь, – продолжал Мигранян, – и прямо скажу, его я боюсь меньше: консервативные силы на время прерывают процесс реформы и вводят страну в состояние стагнации. Плохо, безусловно, но лучше, чем неуправляемый разгул страстей».

Похоже, Мигранян, подобно немецким высоколобым начала 1930-х (и своим российским коллегам полвека спустя), недооценивал грозную мощь национал-патриотизма, способного, действительно, объединить деморализованное население под знаменами реванша, заткнуть рот интеллигенции, как рекомендовал Глазьев, и затянуться надолго. Не «на время прервать процесс», но царствовать, покуда не доведет страну до окончательной и уже непоправимой катастрофы. Это снова ремарка в сторону, конечно. Но интересно, что возразил на сомнительные заявления Миграняна Клямкин.

Вот что: «Собирать съезд нужно было! И не для того, чтобы наделить лидера чрезвычайными полномочиями. Горбачев получил на съезде мандат представителя народа. И это позволяет ему противостоять партийным структурам». Что ж, с точки зрения сиюминутной политики это было разумно: удобнее стоять на двух ногах, чем балансировать на одной. Но как все-таки быть с ключевым тезисом интервьюируемых? То есть с тем, что экономическая реформа может быть проведена только диктатурой? Тем более такая грандиозная реформа, как выход из тупика нетоварной экономики и переход к рыночной?

С этим-то согласны были оба. «Можно ли сделать это, опираясь на массы?» – спрашивал Клямкин. И отвечал: «Нет, конечно, 80 % населения этого не примут. Рынок ведь означает расслоение, дифференциацию по уровню доходов. Надо очень много работать, чтобы жить хорошо». Мигранян развивал: «Когда массы подключаются к решению серьезных вопросов, они решают их зачастую себе во вред, опираясь скорее на популистские настроения, чем на серьезные идеи. Поэтому на массы серьезному реформатору рассчитывать не приходится».

И тут ловушка захлопывается. Получается элементарный силлогизм:

- *Первая посылка.* Выход из тупика нетоварной экономики императивен.
- *Вторая посылка.* Переходный период возможен только при популистской диктатуре.
- *Вывод.* Следовательно, раньше или позже он, этот переходный период, неминуемо убьет свободу, порожденную Перестройкой.

За скобками остались у высоколобых лишь два вопроса. Во-первых, что делать в этом случае тем 20 %, для которых смысл жизни и состоит в свободе? Во-вторых, поскольку именно эти 20 % и составляют творческий потенциал страны, что делать России, оставшейся без своего творческого потенциала?

День и ночь мучили меня эти вопросы. Месяцами. Покуда не пришла мне в голову нелепая, на первый взгляд, мысль:

да ведь и российские высоколобы, и национал-патриоты при всех их различиях исходят из ТОЙ ЖЕ посылки, из которой исходили полвека назад их немецкие коллеги. Из посылки, то есть, что решение нашей проблемы нужно искать исключительно на национальной арене. А там, на этой арене, решения она, действительно, не имеет. Но что, если от этой посылки отказаться? Не следует ли из этого, что в таком случае предотвратить роковую метаморфозу репутации Перестройки – и свободы, – с которой начал я эту главу, было возможно? Но об этом во второй ее части.

ПЕРЕСТРОЙКА. ЭПИЛОГ

Мы закончили предыдущую главу, посвященную духу свободы, который принесла с собой Перестройка, головоломным вопросом: можно ли было выйти из тупика нетоварной экономики, сохранив при этом свободу? Ответ высоколобых был однозначно отрицательный: нельзя, в истории такого не было. Национал-патриотов свобода не волновала, пропади она пропадом, была бы держава. А вот державу-то (т. е. советскую империю) Горбачев и потерял. Одни думали из-за «глупости», другие подозревали в предательстве. В любом случае из-за того, что поверил в добрую волю Запада. Вот это-то меня и озадачило.

А вдруг, подумал я, ошибка Горбачева в обратном, в том, что поверил он в эту добрую волю недостаточно? Не доверился мудрости предков, пригласивших некогда на Русь для порядка и сохранения свободы варягов. И не прогадали ведь предки. Три с половиной столетия, семь поколений, до самого нашествия монголов, жили и впрямь свободно, насколько возможно это было в Средневековье.

Это, впрочем, было давно. Но вот и позже, в XX веке, доверились доброй воле Запада побежденные в жесточайшей войне Германия и Япония. И что же, колонизовал или того пуще уничтожил их Запад, как не устают пугать Россию национал-патриоты? Живут, здравствуют, процветают. И все реформы были проведены, и свобода сохранилась. Так не в том ли была ошибка Горбачева, что, подобно Сталину (пусть с противоположным знаком), полагал он, будто спастись можно лишь в одной, отдельно взятой стране?

И не говорите мне, что в промежутке там была оккупация. С врагами в горячей войне иначе нельзя было. А Россию-то зачем оккупировать, если и без того народ ее тогда к Западу «милел людскою лаской», говоря словами Маяковского? Только помочь надо было. Проблема была в том – **как** помочь. И **в чем** помочь. Сложность была. Не в одном лишь тупике нетоварной экономики была сложность: Россия переживала коллапс

вековой имперской цивилизации, распад всех традиционных ценностей. Опасность была в том, что шоковый переход к рынку и галопирующая инфляция мгновенно обездолили бы большинство населения и так же мгновенно обесценили в его глазах свободу, отождествив ее с нищетой. А это, в свою очередь, удесятерило бы силы национал-патриотической оппозиции.

Народ этого рокового тождества не забудет. И любой демагог во главе страны свяжет в его сознании дважды два: свобода = распаду империи и нищете. И, заткнув рот интеллигенции, когда она попытается возражать, натравит на нее свою пропаганду и полицию. Хуже того, извратит в народном сознании само представление о свободе. И пойдет за ним народ воссоединять державу, уверенный, что ОСВОБОЖДАЕТ отпавшие ее части, будь то Украина, Грузия или Белоруссия. Освобождает от кого? От Запада, конечно, который неминуемо превратится при таком развитии событий из вчерашней светлой надежды в мрачного, смертельного врага, как веками учили его национал-патриоты.

Можно ли было в 1990 году предотвратить такой чудовищный финал Перестройки? Не знаю. Но если да, то понадобился бы для этого какой-то совершенно нестандартный ход, нарушающий все общепринятые каноны. И осуществить такой ход способны были только умы мирового класса, политические гроссмейстеры, рассчитывающие на много ходов вперед. Но где их взять, этих гроссмейстеров? А в голове все время крутилось завещание Герцена: «Без западной мысли наш будущий Собор так и останется при одном фундаменте».

Б. Н. Ельцин

Идея

На идею навела меня назревающая политическая катастрофа для Маргарет Тэтчер. Слишком долго она царствовала и слишком много нажила врагов даже в собственной партии. Мне казалось, что она вот-вот «выпадет из тележки». Выяснилось, что в Москве это было очевидно не всем. Расскажу в связи с этим забавную историю, чтоб хоть на минуту развеять свое мрачное повествование. Валентина Терешкова, которой предстояло возглавить делегацию в Лондон, спросила меня, какой подарок понравится Тэтчер. Я обронил (разговор был на ходу): «Боюсь, вы едва ли с ней встретитесь». Вернувшись из поездки, Терешкова всплеснула при встрече руками: «Ой, да вы пророк, Александр Львович!» Хотя я был всего лишь внимательным наблюдателем.

Как бы то ни было, наблюдение за Тэтчер словно открыло мне глаза. Господи, да ведь их целая плеяда, таких гроссмейстеров, отвергнутых на национальной арене в расцвете сил, энергии и мудрости, выброшенных, можно сказать, на улицу. Грех, право, было бы не подобрать такое добро. Тем более, что и выглядело бы все, как бы это сказать, вполне взаимовыгодно: мы даем им гигантскую арену для приложения сил, способную удовлетворить даже самое гомерическое честолюбие, возвращаем им чувство востребованности, они – нам свой опыт и политическую мудрость. И, конечно, связи. Рычаги, на которые смогут они, когда потребуется, в своих странах нажать, никому в Москве и не снились.

И подумайте, какое созвездие имен могли мы поставить на службу будущему России! Вилли Брандт в ФРГ, Валери Жискар д'Эстен во Франции, Дэвид Рокфеллер и Роберт Макнамара в Америке, Маргарет Тэтчер в Англии, Ясухиро Накасоне в Японии, Пьер Трюдо в Канаде. Да и Россия в грязь лицом не ударила бы. Вполне достойно смотрелись бы среди этих корифеев и Александр Яковлев, и Станислав Шаталин, и Юрий Рыжов, и Василий Селюнин.

Нет спора, все это очень-очень разные люди. Смогут ли они сработаться? Не станут ли друг другу мешать? Но, с другой стороны, однако, что им в России делить, будь они даже консервативнейшими из консерваторов и либеральнейшими из либералов?

Важны эти различия в их странах, на национальной арене. А в России интерес у них был бы один, пусть и троякий: **вывести ее из тупика нетоварной экономики; предотвратить при этом травму в сознании населения; ослабить, по возможности смертельно, силы имперского реванша.**

Справились ли бы эти люди с такой задачей? Ну как я могу знать, что пришло бы в голову опытнейшим (не чета нашим) политикам, умам мирового класса? Знаю лишь, что с аналогичной задачей они после 1945 года справились: Европу из немислимых, казалось, руин подняли и никакого серьезного отката – ни коммунистического, ни тем более национал-патриотического – не последовало. Слов нет, европейским политикам пришлось еще повозиться с оппозицией (не забудьте, что СССР приложил тогда гигантские усилия, чтобы разжечь из искры пламя), но так и не пришли в конечном счете воители несвободы к власти. Нигде в Европе. Ничего похожего с тем, что произошло в России. Значит, сработано было крепко.

Оставалось, короче, лишь собрать вместе эту «могучую кучку», дать ей приличное название, объяснить задачу, наладить процедуру взаимодействия – и пустить в свободное плавание. Спасти таким образом дух свободы, порожденный Перестройкой. Такая была идея.

Ясно, что тут нужны были согласие – и помощь! – руководства России. За ними и отправился я при первой же предоставившейся мне возможности в Москву в январе 1990 года (меня пригласили прочитать курс советско-американских отношений в МГИМО, правда, обязательно по-английски). Получилось, честно говоря, довольно нелепо: студенты говорили по-русски, я тоже, а общаться мы должны были по-английски. Будь я и впрямь пророком, как думала Валентина Терешкова, я, конечно, предвидел бы, что-то была лишь первая нелепость, которая ожидала меня в России. Но я не предвидел.

Ельцин

Первый из государственных людей, с кем поделился я своей идеей, был, конечно, Ельцин. Нет, убедить его оказалось непросто: недоверие к Западу сидело в нем глубоко. С какой стати

станут они нас спасать? При всем том любопытен был Ельцин необыкновенно. Об истории России не знал ничего. Но хотел знать. И интуиция дьявольская. Мало того, что он заставил меня прочесть ему экспромтом лекцию по истории русской государственности, начиная с XV века, он еще и оспаривал на каждом шагу мои интерпретации (я ненароком подумал, что, будь Ельцин моим студентом, быть бы ему из лучших – а мои все-таки были *sème de la sème* американского студенчества). Но в конце концов я его убедил. Не только согласился Борис Николаевич с моей идеей, но и обещал поставить ей на службу все ресурсы Верховного Совета России (где он тогда председательствовал).

И уходил я тогда из Белого дома с двумя важными документами в кармане. Первый был на бланке Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям РСФСР. Текст его гласил: «21 января 1990 года Профессор Нью-Йоркского университета А. Л. Янов был принят Председателем Верховного Совета России Б. Н. Ельциным. В ходе беседы была одобрена предложенная А. Л. Яновым идея “Неправительственного Международного Совета Взаимодействия”. В результате была достигнута договоренность о реальной поддержке этой идеи Верховным Советом РСФСР».

Подписано: председатель Комитета В. П. Лукин, помощник Председателя ВС В. В. Илюшин.

Вторым был мандат на бланке Председателя Верховного Совета РСФСР: «Профессор Нью-Йоркского университета Александр Янов уполномочен вести переговоры о формировании зарубежной части “Неправительственного Международного Совета Взаимодействия”».

Подписано: Б. Ельцин.

На двух языках.

Злоключения идеи. Начало

Вышел я из кабинета Ельцина окрыленный. Полдела, думал я, сделано. Планировалось, что МИД даст указания посольствам и те аккуратно выяснят, заинтересован ли такой-то участвовать в НСВ и, если да, пожелает ли он встретиться со мной

для выяснения деталей. Затем уж наступит мой черед – лететь, куда скажут, доводить собеседника до, так сказать, кондиции. Заметьте, что ни электронной почты, ни скайпа тогда еще не было, ничто не могло заменить личной беседы. В любом случае первый шаг должен был быть их, «ресурсов Верховного Совета». С тем я и уехал – ждать сигнала, куда лететь.

Прошел месяц, другой, третий – никаких сигналов. В чем дело? Последнее, что мне пришло в голову (а должно было прийти первым), это что через час-другой после моего ухода зайдет к Ельцину кто-нибудь из его окружения и, выслушав его возбужденный рассказ о моем визите, вынесет приговор: «Плюнуть и растереть!». А не подействует сходу, развернет это в аргумент: «Сказал он вам хоть слово об угрозе коммунистического реванша? Так я и знал: все о каких-то вшивых национал-патриотах, которых мы в в гробу видали? О том, что только немедленная приватизация спасет нас от коммунистов, тоже не сказал? Одни загадочные фразы о “травме народного сознания”? Какая там травма, если мы освободим народ от коммунистов? На руках нас будут носить. В общем, гоните вы этих непрошенных советчиков в шею».

Меня рядом не будет, чтобы возразить, что хлещут они мертвую лошадь, что коммунистический реванш – фантом вчерашнего дня, а имперский – реальность завтрашнего. Меня не будет, а они рядом, будут капать ему на мозги каждый день. Убедят в конце концов, что ни к чему нам варяги, сами с усами. И сдаст ведь меня Борис Николаевич. И захлопнутся передо мной все двери. И останусь я один как перст против бюрократической стены. Но идею не брошу.

Злоклучения идеи. Конец

В конце концов, думал я, с американскими кандидатами в НСВ договориться смогу я, опираясь на ельцинский мандат, и сам. И они, представьте, в принципе согласились. А русскую его часть создам на общественных началах. И, представьте, создал. Хлипкую, но создал. Единственное, что оставалось, – это найти для нее сильного авторитетного лидера. Но тут вышла заковыка. С кем я только ни говорил, кому ни предлагал? Шеварнадзе?

Но он, оказалось, собрался в Грузию. Станислав Шаталин, старый приятель, тогдашний мэр Москвы Гавриил Попов, петербургский мэр Анатолий Собчак (с ним я даже в Душанбе слетал, чтоб улестить)? Все соглашались войти в НСВ, но руководить – ни в какую. Пришлось положиться на людей случайных. Результат был удручающий.

Один пример скажет все. В один из своих приездов в Москву нашел я на столе своего общественного НСВ телеграмму от Дэвида Рокфеллера: он будет в Москве проездом такого-то числа таким-то рейсом, готов задержаться на день для встречи с российскими членами НСВ, будет рад познакомиться лично. Просил встретить в Шереметьево-2. Увы, дата на телеграмме была двухнедельной давности. Никто Рокфеллера не встретил. Все мои переговоры пошли прахом. Боюсь даже представить себе, что он обо мне подумал.

А вот еще. Не успел я после этого вернуться в Нью-Йорк в унынии и в упадке духа, как Москва начала бомбардировать меня предложениями. От одного Фонда: «Уважаемый г-н Янов! Ваша идея чрезвычайно актуальна... Готовы немедленно оказать вам необходимую поддержку и содействие...».

А. Б. Чубайс

Г. Э. Бурбулис

Подписано: председатель Совета директоров Международного фонда академик Е. П. Велихов. От другого: «Уважаемый профессор! Вашу идею считаем своевременной и правильной. Готовы поддержать ее в материальном плане...». Подписано: заместитель Генерального директора ассоциации «Интертрейнинг» С. Лакутин.

И, наконец, даже от только что созданной Комиссии по гуманитарной и технической помощи при Президенте РСФСР: «Уважаемый Александр Львович! Зная Вас как видного ученого и общественного деятеля, человека, принимающего самое живое участие в судьбе России... приглашаем Вас в кратчайшее время приехать в Москву для обсуждения проблем формирования общественного неправительственного Совета». Подписано: председатель Комиссии, член Верховного Совета РСФСР В. И. Иконников.

Я опять был на седьмом небе. Но приехать немедленно не мог, все-таки у меня в Нью-Йорке работа, семья, дочь в рискованном возрасте, одним словом, свои проблемы. Но у меня ведь была организация НСВ в Москве. Та самая на общественных началах. Вот и поручил ей со всеми связаться, договориться о совместной работе. Но... повторилась история с телеграммой Рокфеллера. Не связались, не договорились. А Комиссии по гуманитарной и технической помощи и вовсе уже к моему приезду не существовало.

Короче, выводов было два. Во-первых, что организатор из меня никакой. Not my cup of tea. А во-вторых, что пошла ко дну моя идея. Но время поджимало: вот-вот должна была грянуть реформа, шоковая, так сказать, терапия. И сбудутся мои худшие ожидания. Останется, как тогда говорили, лишь крутить по телевизору «Санта Барбару» и «Богатые тоже плачут».

Последняя попытка

Говорил я, конечно, и с Гайдаром. Но было поздно: решение уже было принято. Он отфутболил меня в соседний кабинет, к Мау. А что мог изменить Мау? Для меня, однако, это была не игра. Настал момент, который, прямо по Пастернаку, «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». И я решил

напомнить о себе своим позавчерашним собеседникам, Б. Н. Ельцину и всеильному тогда Г. Э. Бурбулису – открытым письмом в самой, кажется, популярной тогда газете «*Аргументы и факты*». Что-то еще можно было в последний момент сделать. А может быть, то был просто жест отчаяния, Судить читателю. Вот текст.

«ТОВАРНЫЙ ЩИТ ОТ НИЩЕТЫ

Дорогие Борис Николаевич и Геннадий Эдуардович!

Как и многие, я рад вашему мужественному решению начать, наконец, прорыв России к рыночной экономике. Видит Бог, люди достаточно пострадали, годами маршируя в никуда.

Тревожит меня и заставляет писать вам совсем другое: в ваших заявлениях не упомянут товарный щит реформы. Тот самый, что предназначен в момент прорыва ликвидировать продовольственный и товарный голод в стране с тем, чтобы примирить людей с рынком вместо того, чтобы их с ним поссорить. Щит, способный связать в их сознании рынок с улучшением их жизни, а не с прыжком в нищету. Необходимость такого щита мы с вами обсуждали, и вы оба с ней согласились.

В год прорыва в страну должно быть завезено столько продовольствия и предметов первой необходимости, что само уже давление этой колоссальной товарной массы предотвратит скачок цен. И доступны они будут ВСЕМ. Хирурги не станут резать по живому без анестезии: пациент может умереть у них на столе – от болевого шока. Товарный щит – анестезия реформы.

Не подачки на бедность, не бессмысленные в условиях беспощадной инфляции прибавки к зарплате, не новые заплаты на старые, а доступное всем товарное изобилие, дающее народу возможность познакомиться с рынком в ситуации благополучия, а не обнищания.

Продовольствия больше, чем достаточно – и в Америке, и в Европе. Даже Пентагон готов не только выделить из своего бюджета миллиард долларов для товарного щита, но и предоставить для этого военно-транспортные самолеты, когда-то – во времена советской блокады – прокормившие Берлин.

А где же российские военные? Где ваша военно-транспортная авиация? Где организационный штаб товарного щита в российском правительстве? Где стратегия его реализации?

Нет спора, съедят и изнасят все это быстро, Может, и за год. Но какой это будет год! Тот, что откладывался с начала Перестройки. Именно из страха перед болевым шоком откладывался. И насколько же легче будет вам в этот грозный год иметь дело с народом, воспрянувшим и почувствовавшим вашу заботу, нежели с деморализованными и уставшими от беспросветности и разочарований массами, которые неминуемо окажутся легкой добычей для реваншистов.

Даже сегодня еще не поздно. С военными еще можно договориться. С Западом тем более, он готов помогать. Штаб товарного щита от нищеты еще может создан. Нужна лишь политическая воля.

Не слушайте благополучных бюрократов, убеждающих вас, что нашему народу не грех и поголодать, и подтянуть пояса на годик-другой, будет, мол, только на пользу, научатся вертеться.

С надеждой на вашу государственную мудрость.

Александр Янов».

Эпилог

Много чего еще после этого было. Неизвестно, как разыскал меня Сергей Юшенков, руководивший в Верховном Совете фракцией радикальных демократов. Оказалось, что фракция единогласно проголосовала за то, чтобы пост премьер-министра в своем «теневом правительстве» предложить... мне. Не согласиться было бы глупо. Позиция давала мне, по крайней мере, пусть минимальную, но все-таки возможность сопротивляться наступлению национал-патриотов. В том, что после «реформы без анестезии» Перестройку с ее духом свободы мы проиграли, сомнений у меня больше не было. Но уйти с арены без сопротивления было стыдно – перед будущими поколениями. А в том, что они, эти будущие поколения, еще будут, сомнений у меня не было тоже. Слишком хорошо знал я историю России.

Пусть ей теперь суждено пройти до дна горечь и ужас национал-патриотического унижения и противостояния с миром. Но придет новая Перестройка с новым духом свободы – и ее участникам понадобится опыт нашего Сопротивления, в том числе опыт моей погибшей идеи. Ведь нынешняя зима оставит после себя Россию еще более растерзанную, чем советская. И на что, кроме нашего опыта, смогут опереться наши наследники?

УРОКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

То была поистине великая в своей бессмысленности – если позволительно такое словосочетание – война (назовем ее для краткости ПМВ). До такой степени великая, что не закончилась и поныне, столетие спустя, продолжается в свирепых битвах в Сирии и в Ираке. Продолжается потому, что границы этих государств были произвольно начертаны 26 апреля 1916 (!) года в знаменитом меморандуме Сайкс-Пико, напрочь игнорировавшем непримиримую историческую вражду между суннитами и шиитами. И столетия, как видим, не хватило, чтобы разобраться в том, что наделала ПМВ.

Тогда, в 1916-м, делили – как скоро выяснилось, преждевременно – Османскую империю, которой принадлежал арабский Ближний Восток. А второй урок ПМВ в том, между прочим, и состоит, что распад вековых империй обходится миру дорого – и кроваво. Насколько дорого обходится он, видим мы сегодня на примере России. Порожденная ПМВ революция 1917 не только расколола мир надвое (впоследствии этот раскол назвали «холодной войной»), но и привела к тому, что окраины Российской империи побежали от революционного Петрограда, как от чумы. Огнем и мечом «собрали Русский мир» тогда заново по кусочкам большевики. Но швы остались. И едва закончилась холодная война, и рухнуло большевистское царство, история повторилась. И вот мы опять, столетие спустя, оказались свидетелями жестокой попытки «собрать Русский мир» заново. Едва ли многие усомнятся, что, как и в конфликте на Ближнем Востоке, имеем мы здесь дело все с тем же роковым наследством ПМВ.

Безыдейная война

Теперь о ее бессмысленности, о втором, если хотите, уроке ПМВ. За этой смертельной схваткой великих держав Европы не стояло никаких ИДЕЙ. Сплошная геополитика. Другими словами, имперские амбиции, имперские страхи, месть за давние поражения

в имперских войнах. И все. Идеологии, т. е. понятного нормальному человеку смысла, ПМВ была лишена напрочь.

Могущественная Германская империя не могла, видите ли, терпеть владычества на морях своей Британской соперницы. И вообще того, что не она хозяйка Европы, что по тогдашним меркам означало – мира. Фридрих фон Бернгарди, известный немецкий геополитик, так обосновывал это в популярной книге *Germany and the Next War* (1912): «Либо Германия будет воевать сейчас, либо она потеряет свой шанс на мировое господство». И еще глубокомысленней – и здесь сходство с нашим современником Александром Дугиным становится неотразимым: «Закон природы, на который опираются все другие ее законы, есть борьба за существование. Следовательно, война есть биологическая необходимость».

Франция не могла смириться с горечью и позором своего поражения в 1870 году. Статуя в Страсбурге на Place de la Concorde так и стояла, задрапированная черной тканью, все эти десятилетия до 1914. Дети в школах повторяли слова знаменитого патриота Леона Гамбетты: «Не говори об этом никогда, но думай о этом всегда». Такая была имперская мечта – отомстить.

Австро-Венгерская империя боялась Сербии, за которой стояла Россия. Как объяснял кронпринцу Францу Фердинанду начальник Генерального штаба барон Конрад фон Гетценберг: «Судьба Монархии зависит от того, произойдет ли объединение южных славян под ее эгидой или под эгидой Сербии. В последнем случае сербы создадут свою империю, захватив все побережье Адриатики и навсегда отрезав Монархии выход к морю». Кронпринц обещал подумать о том, как сделать Двойственную империю Тройственной, кооптировать южных славян, обезвредив тем самым Сербию.

Для сербов это означало бы распротиться с собственной имперской мечтой о «Великой Сербии». Еще в 1908 году во время своего балканского турне П. Н. Милюков заподозрил, что Сербия готова спровоцировать европейскую войну. Общение с молодыми сербскими военными позволило ему тогда сделать два главных вывода. Во-первых, что «эта молодежь совершенно не считается с русской дипломатией». Во-вторых, что «ожидание войны с Австрией переходило здесь в нетерпеливую

готовность сразиться, и успех казался легким и несомненным. Это настроение казалось настолько всеобщим и бесспорным, что входить в пререкания на эти темы было совершенно бесполезно». Попросту говоря, Россия нужна была сербам лишь как инструмент для развала Двойственной империи – и создания собственной, пусть мини-империи.

У англичан были свои соображения. Они не желали ни уступить свое владычество на морях, без которого не могла бы существовать их раскиданная по лицу земли империя, ни допустить немцев стать хозяевами Европы. И ни в коем случае не позволили бы они им оккупировать Бельгию – потенциальный плацдарм для высадки на остров. А оккупация Бельгии была составной частью плана Шлиффена, т. е. неизбежна.

Россия вообще была тут с боку припёку. Ей не угрожал никто. И торопиться ей было некуда. Могла бы и подождать, если не двадцать лет, как завещал ей Столыпин, чтобы привести себя в порядок, то, по крайней мере, три года, чтоб завершить военную реформу. Америка не перестала быть великой державой из-за того, что ждала прежде, чем вмешаться в войну, эти самые три года. И вообще прав, похоже, британский историк Доминик Ливен, что «с точки зрения холодного разума ни славянская идея, ни косвенный контроль Австрии над Сербией, ни даже контроль Германии над проливами ни в малейшей степени не оправдывали фатального риска, на который пошла Россия, вступив в европейскую войну».

Но... если уместен тут уличный жаргон, «жадность фраера сгубила». Жива ведь была славянофильская грёза о кресте на Св. Софии в Царьграде (каковой крест и был уже заранее припасен), и мечта о проливах, и, чем черт не шутит, о теплых водах Персидского залива тоже. Между прочим, в мае 1916 года турки разгромили русскую дивизию на подступах к этому самому заливу. Как львы, дрались тогда турки за свою обреченную империю.

Цена вопроса

Вот за эту гремучую смесь имперских амбиций, фантазий и страхов должна была Европа заплатить страшную, непомерную цену. Девять имллионов (!) солдат, моряков и летчиков

пали в ходе ПМВ на поле боя. Втрое больше оставила она после себя молодых калек. Столько разбитых семей, столько исковерканных жизней. Добавьте к этому пять миллионов гражданских, погибших от тягот оккупации, от бомбежек, да что там, просто от голода. Уже в 1915 году зарегистрировано было в Германии 88, 232 голодных смертей, в 1916-м – 121,114. Голодные бунты перестали быть редкостью. Что поделаешь? Блокада. Не забудьте и побочные следствия ПМВ: геноцид армян в 1915-м в Турции и неслыханное число умерших от «испанки», смертельного гриппа, тоже зачатого ПМВ.

Такова оказалась цена той безыдейной «войны народов».

Кассандры

Нельзя сказать, что никто не предвидел этого кошмара. Первым был Уинстон Черчилль, совсем еще тогда молодой парламентарий, но уже имевший за спиной опыт войны в Индии, в Судане и в Южной Африке. «Войны народов, – предупредил он 13 мая 1901 года Палату общин, – не похожи на войны королей». И «кончатся они тотальным разгромом побежденных и едва ли менее опасным истощением победителей». А предостерегает Европе именно война народов.

Если вспомнить, что в той же битве при Седане в 1870 году, в которой капитулировал Наполеон III и которую столько десятилетий не могли простить Германии французы, пало шесть тысяч (!) человек с обеих сторон и этим в общем-то ограничились потери во франко-прусской войне на поле боя, начинаешь понимать, с какой зловещей точностью предсказал ужас грядущей «войны народов» Черчилль. И насколько прав был Август Бебель, когда под громовой хохот в Рейхстаге заявил, что европейская война закончится революцией.

Но кто когда слушал Кассандр?

«Европа сошла с ума»

Когда известный полярный исследователь Эрнст Шаклтон после двух лет изоляции во льдах Антарктики добрался, наконец, в 1916 году до твердой почвы, он первым делом спросил, чем

кончилась заварушка, начавшаяся в дни его отъезда. Ответ был такой: «Похоже, она никогда не кончится. Европа сошла с ума».

Многие и впрямь сходили с ума. 28 июля того же года юный пехотинец Джордж Ли-Маллори описал родителям свой вчерашний полузатопленный окоп под Верденом: «Рядом плавали трупы, слышны были стоны умирающих, и никто не мог им помочь, потому что нельзя было поднять голову над бруствером, огонь ураганный. Не представляю, как я смогу жить после этого». Другие отчаянно искали смысла в том, в чем его не было. И, представьте, находили.

Лейтенант Гарольд Макмиллан (будущий премьер-министр) писал матери уже в 1915-м, что его солдаты не вынесли бы напряжения этой войны, «если б не верили, что это не бессмысленная бойня, а крестовый поход – **чтоб навсегда покончить с войнами**». Вот эта мысль и призвана была играть роль своего рода «заменителя» (substitute) смысла, если хотите, идеологии ПМВ. Она помогла многим не сойти с ума.

Окопы Первой мировой войны

Нет спора, «заменитель» был слабый. Он не остановил предказанную Бебелем революцию ни в России, ни в Германии. И подтвердил пророчество Черчилля об «опасном истощении победителей» тоже. Но, главное, оказался он ложным: уже 21 год спустя, не успели зажить раны, потрясла Европу новая, еще более кровопролитная война.

Но – вот сюрприз! – та Вторая мировая война не породила революций и, в отличие от ПМВ, не сводила людей с ума. Она не была геополитической бойней, напротив, полна была смысла: эта первая в истории «война за идею», за великую идею свободы. И осталась она в истории как легендарная победа сил Добра над силами Зла, как светская версия Евангелия от Иоанна. А ПМВ что ж, так и запомнилась она величайшей геополитической катастрофой, бессмысленной, как все стихийные бедствия, подобной, допустим, библейскому Потопу.

Спор о наследстве ПМВ

Я понимаю, что многие не согласятся со столь категоричным суждением. Оппоненты могут сослаться на то, что разрушила все-таки ПМВ четыре европейские империи: Российскую, Оттоманскую, Австро-Венгерскую и Германскую – и подарила независимость многим народам. Могут – даже на то, что в Сараево до самого распада сербской мини-империи, известной под именем Югославии, стоял монумент Гавриле Принципу, одному из шести террористов, отряженных сербской контрразведкой для убийства кронпринца Франца Фердинанда. Гавриле повезло: он спровоцировал ПМВ.

Что ж, кому-кому, а сербам, казалось, было, что праздновать. Развалив с помощью России своего извечного врага, Двойственную империю, они создали именно то, чего, как мы помним, боялся начальник ее Генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, – свою мини-империю. Только и для них кончилось, как мы знаем, наследство ПМВ плохо. Кончилось распадом Югославии, а когда «собиратель сербского мира» Милошевич попытался воссоздать империю силой, – и вовсе постыдным провалом.

Сошлются, быть может, оппоненты на независимость Литвы, Латвии, Эстонии, Венгрии, Чехословакии и Польши, образовавшихся в результате распада Российской и Двойственной империй. Так и тут все было совсем неоднозначно. И не исключено, что горько пожалели о распаде Двойственной империи Венгрия и Чехословакия, когда вместе с Польшей оказались сателлитами «второй» Российской империи, которая и сама была, как мы помним, порождением ПМВ. Особенно Венгрия в 1956 и Чехословакия в 1968. О прибалтийских государствах я уже и не говорю: они просто аннексированы были этой «второй» империей.

В том и состоит третий урок ПМВ, что **все** ее наследство оказалось неустойчивым, зыбким, обманчивым. Начиная с мира в Европе, который зашатался задолго до Мюнхена, едва предшественник «балканского мясника» Гитлер выступил в роли «собирателя германского мира». Тем более, что и сама гитлеровская Германия тоже ведь была косвенным порождением ПМВ. А теперь сравним удивительно разные итоги двух мировых войн XX века.

Немного теории

Хотя «теория, друг мой, сера», как уверял Фауста Мефистофель, и был прав, конечно, но пришло тем не менее время подвести итоги и этого сравнения. Придется читателю немножко поскучать. В конце концов фактов он уже получил воз и маленькую тележку. А без теоретического осмысления актуальный урок этого сравнения повиснет в воздухе.

Тогда как ПМВ была войной безыдейной, во Второй мировой представлены были целых три идеологии. Одна сторона воевала под знаменами двух **универсальных** идеологий – либеральной и социалистической, – другая под знаменем противостояния германского мира всему остальному миру, т. е. идеологии **националистической**, чья привлекательность (арреал) не могла, по определению, выйти за пределы нации.

Даже страны «оси», как Япония, руководствовались собственными интересами. И не торопились в решающий час помочь партнеру. Они ведь могли добить СССР, если бы, когда

немцы подходили к Москве, ударили с востока. Сибирские дивизии, которые спасли Москву, увязли бы в этом случае в восточной войне.

Но даже и такой финал русско-германской войны не изменил бы результата Второй мировой. Не удержала бы Германия своих гигантских завоеваний, рухнула под их тяжестью. Короче, при любых обстоятельствах националистическая идеология обрекала Германию на изоляцию и, следовательно, на неминуемое поражение.

То же самое относится и к сектантскому фундаментализму. Никто, даже Аль-Каида, не говоря уже о Саудовской Аравии, не поможет в решающий час новоявленному Исламскому государству во главе со самозванным халифом аль Багдади, объявившему себя «собирателем суннитского мира» (еще один «собиратель»). Тем более, что бросил он вызов единственной сегодня **универсальной** идеологии. Халифат оказался в ситуации гитлеровской Германии и обречен, сколько бы локальных побед он еще ни одержал.

Вот к чему подвели нас теоретические итоги сравнения двух мировых войн. Наследницей Второй мировой под знаменем

Абу Бакр аль-Багдади

В. В. Путин

универсальной идеологии оказалась Европа. А наследников ПМВ осталось в мире лишь два: Халифат да путинская Россия, хотя и тот и другая пытаются присвоить националистическую идеологию Второй мировой. Это, однако, исход изменить, как мы видели, не может. Обречены наследники. Таков, похоже, актуальный теоретический урок сравнения двух мировых войн.

• _____

ISBN 978-5-94881-276-2

Научно-публицистическое издание

Янов Александр Львович
РУССКАЯ ИДЕЯ. От Николая I до Путина.
Книга вторая: 1917–1990.

Издатель Леонид Янович
Редактор: Ираида Кускова
Корректор: Лидия Заславская
Художник: Михаил Шербов
Верстка и оригинал-макет: Михаил Щербов

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве: (095) 671-0095,
по вопросам реализации: 8-905-739-0264
E-mail: nkhnograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 31.10.2014
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 6,5 усл.печ.л.
Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева,